

ISSN 1817-9568

DISCOURSE - P
Дискурс★*Ии*
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ

POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

PHILLOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 4 (17) 2014

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс★*Пи*
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 4 (17) 2014

Выпуск подготовлен при поддержке гранта РГНФ
№14-13-66501 «Международная конференция
Soft power: теория, ресурсы, дискурс», 2014 г.

DISCOURSE-P
ДИСКУРС★*Пи*

IPL INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL DEPARTMENT • 1988

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской Академии наук

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс★*Пи*
Екатеринбург – 2014

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ДИСКУРС-ПИ»
№ 4 (17) 2014**

Учредитель

Уральское отделение Российской академии наук
Институт философии и права УрО РАН

Издатель

Издательский Дом «Дискурс-Пи»

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
на адрес редакции**

620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru;
dipi@nm.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте**

www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О. Ф. Русакова – доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Л. М. Андрухина – д. ф. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Е. Г. Дьякова – д. полит. н. (г. Екатеринбург, Россия)
Ю. Г. Ершов – д. ф. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
С. Г. Зырянов – д. полит. н., профессор (г. Челябинск, Россия)
К. В. Киселев – к. ф. н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)
Е. А. Кожемякин – д. ф. н., профессор (г. Белгород, Россия)
Н. А. Комлева – д. полит. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
О. В. Коркунова – д. ф. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
В. О. Лобовиков – д. ф. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
В. С. Мартыанов – к. полит. н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)
С. В. Мошкин – д. полит. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
К. С. Романова – к. ф. н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)
В. М. Русаков – д. ф. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
О. Г. Скворцов – к. филол. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
А. В. Сперанский – д. и. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Д. Л. Стровский – д. полит. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Е. М. Олову – зав. науч. библиотекой Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия)
А. Д. Трахтенберг – к. полит. н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)
И. Б. Фан – д. полит. н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)
Л. Г. Фишман – д. полит. н. (г. Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. В. Алексеев – академик РАН, д. и. н. (г. Екатеринбург, Россия)
Е. Т. Артемов – д. и. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
В. Г. Богомяков – д. ф. н., профессор (г. Тюмень, Россия)
М. В. Ильин – д. полит. н., профессор (г. Москва, Россия)
А. Д. Королев – гл. уч. секретарь РФО, к. ф. н. (г. Москва, Россия)
К. Н. Любутин – д. ф. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
М. А. Малышев – профессор Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика)
О. Ю. Малинова – д. ф. н., профессор (г. Москва, Россия)
А. В. Перцев – д. ф. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
В. И. Разумов – д. ф. н., профессор (г. Омск, Россия)
В. Н. Руденко – член-корреспондент РАН, д. ю. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Ю. К. Саранчин – д. ф. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Л. Н. Синельникова – д. филол. н., профессор (г. Луганск, Украина)
Е. А. Степанова – д. ф. н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)
Л. Н. Тимофеева – д. полит. н., профессор (г. Москва, Россия)
В. Е. Хвощев – к. и. н., профессор (г. Челябинск, Россия)
М. А. Фадеичева – д. полит. н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)
А. Н. Чумаков – первый вице-президент РФО, д. ф. н., профессор (г. Москва, Россия)

СЕКРЕТАРИАТ

Е. Г. Грибовод – ответственный секретарь
Р. А. Зайнетдинова – к. ф. н., секретарь-координатор

Предисловие главного редактора

О.Ф. Русакова

Институциональные измерения soft power..... 10

Тропы метода

В.М. Русаков, О.Ф. Русакова

Методология дискурс-исследования
 травелога..... 12

Т.И. Борко

Архетип центра. Опыт реконструкции
 архаического восприятия пространства..... 19

А.А. Хмелинин

Неолиберальный дискурс..... 23

Геополитика

С.Б. Булекбаев, Р.У. Булекбаева

О вызовах глобализации
 в современной политике..... 27

Афористикон

М.А. Малышев

Избранные афоризмы 34

Рецензии и рефераты

П.И. Агашкова

Сопротивление диффузии: реакция России
 и Китая на волны массовых восстаний
 против авторитарной власти 38

Конференц-зал

Международная конференция SOFT POWER:
 ТЕОРИЯ, РЕСУРСЫ, ДИСКУРС

Доклады

**Государственное и муниципальное управление
 сквозь призму soft power**

Е.Г. Дьякова

Soft power как проявление «административной
 моды» (на примере формирования электронного
 правительства в Китае)..... 43

П.И. Агашкова

Мягкая сила Швеции: большие успехи
 маленькой страны 48

Н.Ю. Коротина

Подходы к измерению «мягкой силы»..... 54

Г.В. Сорина

Концептуальные основания мягкой власти
 в системе коммуникации 60

Ю.В. Ярмач

«Мягкая сила» в коммуникативном
 пространстве государственного управления:
 история вопроса 67

А.В. Виловатых

Кое-что о технологиях глобального
 доминирования на примере «стратегии
 неприятных действий» 74

И.А. Ветренко

Изменения в современной избирательной
 системе России как проявление soft power 78

Г.Н. Малахова, В.Н. Чегарнова

Исторические аналогии политики soft power
 на Северном Кавказе
 (конец XVIII – XIX вв.) 84

В.А. Воропанов

«Мягкая сила» в системе государственного
 управления в России (на примере Южного
 Урала в конце XVIII в.)..... 91

В.И. Матейчук

Возможные тенденции развития soft power
 в России с учетом современных кризисов..... 97

Ю.Н. Хмара

Soft power в системе государственного
 и муниципального управления в России:
 иллюзии или реальность? 103

Е.О. Сони́на

Технологии soft power и административная
 реформа в современной России..... 107

Ю.В. Боровкова

Применение международных стандартов
 финансовой отчетности в контексте Soft
 power..... 113

Г.В. Зайцева Economic Soft Power как ресурс развития малого предпринимательства.....	120	Е.Г. Осинцев Распределение энергетических ресурсов и энергоэффективность – необходимое условие национально-государственной стратегической модели soft power	183
В.А. Грищук Муниципальная служба как ресурс экономического роста современной России	126	С.А. Подъяпольский «Умная сила» Китая: перспективы и риски для России.....	185
И.Ю. Нестеренко Механизм государственного регулирования предпринимательства на региональном уровне.....	131	Новости МАДИ	
О.В. Сони́на Методы прогнозирования национальной экономики в условиях рынка	138	О.Ф. Русакова, Е.Г. Грибовод Некоторые итоги первого этапа Международной конференции «Soft power: теория, ресурсы, дискурс»	191
Е.К. Шибанова Soft power в формировании самостоятельности студентов вуза в условиях бакалавриата.....	144		
Е.Е. Шпаковская Наследие Кирилла и Мефодия как философское послание потомкам	149		
Е.В. Аббасова Представительство органами местного самоуправления прав работников как форма народовластия	154		
Г.Р. Иржанова Ответственность нотариуса и регистратора при регистрации сделок с недвижимостью....	159		
Т.В. Петрова Изменение и прекращение договора управления многоквартирным домом.....	164		
В.Ю. Громова Объем возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью граждан	171		
Г.Г. Горелова, Л.Л. Филинова Источники толерантности на уровне первичной социальной группы – трудового коллектива (эмпирическое психологическое исследование)	176		

SCIENTIFIC JOURNAL
«DISCOURSE-P»
№ 4 (17) 2014

Founded by
Ural Department of Russian Academy of Sciences
Institute of Philosophy and Law

Publisher
Publishing House «Discourse-P»

Certificate of Registration
ПИ № ФС77-54425 of 10.06.2013

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Scientific journal

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*ПИ

EDITOR-IN-CHIEF

O. F. Rusakova – Doctor of Political Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD

L. M. Andrjulina – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
E. G. Djakova – Dr. Sc. (Political Science) (Ekaterinburg, Russia)
J. G. Ershov – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
S. G. Zyryanov – Dr. Sc. (Political Science), Professor (Chelyabinsk, Russia)
K. V. Kiselev – Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)
E. A. Kozhemjakin – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Belgorod, Russia)
N. A. Komleva – Dr. Sc. (Political Science), Professor (Ekaterinburg, Russia)
O. V. Korkunova – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
V. O. Lobovikov – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
V. S. Martjanov – Cand. Sc. (Political Science), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)
S. V. Moshkin – Dr. Sc. (Political Science), Professor (Ekaterinburg, Russia)
K. S. Romanova – Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)
V. M. Rusakov – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
O. G. Skvortsov – Cand. Sc. (Philology), Professor (Ekaterinburg, Russia)
A. V. Speransky – Dr. Sc. (History), Professor (Ekaterinburg, Russia)
D. L. Strovsky – Dr. Sc. (Political Science), Professor (Ekaterinburg, Russia)
E. M. Olovu – manager of Science Library, Ural Department of RAS, Institute of Philosophy and Law (Ekaterinburg, Russia)
A. D. Trahtenberg – Cand. Sc. (Political Science), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)
I. B. Fan – Dr. Sc. (Political Science), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)
L. G. Fishman – Dr. Sc. (Political Science) (Ekaterinburg, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

V. V. Alekseev – Member of RAS, Dr. Sc. (History), Professor (Ekaterinburg, Russia)
E. T. Artemov – Dr. Sc. (History), Professor (Ekaterinburg, Russia)
V. G. Bogomyakov – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
M. V. Iljin – Dr. Sc. (Political Science), Professor (Moscow, Russia)
A. D. Korolev – Chief Secretary of RPS, Cand. Sc. (Philosophy) (Moscow, Russia)
K. N. Ljubutin – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
M. A. Malyshev – Professor of Independent University of State of Mexico City (Toluca, Mexico)
O. J. Malinova – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Moscow, Russia)
A. V. Pertsev – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
V. I. Razumov – Dr. Sc. (Philosophy), Professor, (Omsk, Russia)
V. N. Rudenko – Corr. – Member of RAS, Dr. Sc. (Law), Professor (Ekaterinburg, Russia)
J. K. Saranchin – Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
L. N. Sinelnikova – Dr. Sc. (Philology), Professor (Lugansk, Ukraine)
E. A. Stepanova – Dr. Sc. (Philosophy), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)
L. N. Timofeeva – Dr. Sc. (Political Science), Professor (Moscow, Russia)
V. E. Hvoshchev – Cand. Sc. (History), Professor (Chelyabinsk, Russia)
M. A. Fadeicheva – Dr. Sc. (Political Science), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)
A. N. Chumakov – First Vice-President of RPS, Dr. Sc. (Philosophy), Professor (Moscow, Russia)

SECRETARY

E. G. Gribovod – Executive Secretary
R. A. Zajnetdinova – Cand. Sc. (Philosophy), Secretary-coordinator

Editor's Preface

O.F. Rusakova
Institutional Dimensions of Soft Power 10

Tropes of Method

V.M. Rusakov, O.F. Rusakova
The Methodology of Discourse Research
of the Travelogue 12

T.I. Borko
Archetype of a Centre.
The Experience of Reconstruction
of Archaic Perception of Space..... 19

A.A. Khmelinin
The Neoliberal Discourse 23

Geopolitics

S.B. Bulekbaev, R. U. Bulekbaeva
About Globalization Calls in the Modern Policy ... 27

Aphoristics

M.A. Malyshev
Selected Aphorisms..... 34

Reviews and Abstracts

P.I. Agashkova
Review on the Article Karrie J. Koese «Diffusion-
Proofing: Russian and Chinese Responses to Waves
of Popular Mobilizations
against Authoritarian Rulers» 38

Conference Chamber

International Conference SOFT POWER:
THEORY, RESOURCES, DISCOURSE

Reports

**The State and Municipal Management
in the Light of Soft Power**

E.G. Dyakova
Soft power as a manifestation of «administrative
mode» (using the example of China
e-government) 43

P.I. Agashkova
Sweden's Soft Power: great successes of a small
country 48

N.Y. Korotina
Measurement of the «Soft Power»..... 54

G.V. Sorina
Conceptual Foundation of Soft Power
in the System of Communication..... 60

Y.V. Yarmak
«Soft power» in the Communicative Space
of Public Administration:
On the History of the Problem 67

A.V. Vilovatykh
Some Words about the Technologies
of Global Domination by Implementing
the «Strategy of Indirect Actions» 74

I.A. Vetrenko
Changes in the Modern Electoral System in Russia
as a Manifestation of «Soft Power» 78

G.N. Malahova, V.N. Chegarnova
Historical Analogies of the Policy of Soft Power
in the North Caucasus
(The End of XVIII – XIX Century) 84

V.A. Voropanov
«The Soft Force» In the System
of Public Administration in Russia
(On the Example of South Ural At the End
of the XVIII Century) 91

V.I. Matejchuk
Possible Trends of Soft Power Development
in Russia with Current Crises 97

Y.N. Khmara
Soft Power in the System
of State and Municipal Management in Russia:
Illusion or Reality?..... 103

E.O. Sonina
Technology of Soft Power
and Administrative Reform
in Modern Russia 107

J.V. Borovkova
Application of International Financial Reporting
Standards in the Context of Soft Power..... 113

<p>G.V. Zajtseva Economic Soft Power as a Resource of Development of Small Business..... 120</p> <p>V.A. Grischuk Community Service as a Resource for Economic Development of Modern Russia..... 126</p> <p>I.U. Nesterenko The Mechanism of Enterprise Governmental Regulation on the Regional Level..... 131</p> <p>O.V. Sonina Methods of Forecasting the National Economy of the Market..... 138</p> <p>E.K. Shibanova Soft Power in Forming the Autonomy of University Students of Bachelor..... 144</p> <p>E.E. Shpakovskaya Heritage of Cyril and Methodius as a Philosophical Message to Descendants ..... 149</p> <p>E.V. Abbasova Representation Local Governments of the Rights of Workers as the Democracy Form ..... 154</p> <p>G.R. Irzhanova The Responsibility of the Notary and State Registrar at Registration of Real Estate Transactions ..... 159</p> <p>T.V. Petrova Change and Termination of the Contract of Management of the Apartment House..... 164</p> <p>V.Y. Gromova Volume Compensation for the Harm Caused To the Life or Health of Citizens ..... 171</p> <p>G.G. Gorelova, L.L. Filinova Sources of Tolerance in Primary Social Group – A Working Group (Empirical Psychological Research)..... 176</p>	<p>E.G. Osintsev Distribution of Power Resources and Energy Effectiveness – The Necessary Condition of National-State Strategic Model of Soft Power ..... 183</p> <p>S.A. Podyapolskiy Smart Power of China: Prospects and Risks for Russia ..... 185</p>
---	---

News of IADR

<p>O.F. Rusakova, E.G. Gribovod Some Results of the First Stage of International Conference «Soft Power: Theory, Resources, Discourse»..... 191</p>
--

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ SOFT POWER

Русакова Ольга Фредовна

Институт философии и права,
 Уральское отделение Российской академии наук,
 зав. отделом философии, доктор политических
 наук, профессор,
 г. Екатеринбург, Россия,
 E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Дорогие наши читатели!

Вашему вниманию предлагается четвертый выпуск научного журнала «Дискурс-Пи» за 2014 год, в котором, как и в предыдущих трех выпусках, Вы сможете познакомиться с докладами участников Международной конференции «Soft Power: Теория, Ресурсы, Дискурс». В настоящем номере журнала мы объединили доклады под общей рубрикой «Государственное и муниципальное управление сквозь призму soft power».

Авторы докладов останавливаются на многих актуальных проблемах осмысления теории и практики реализации мягкой силы в деятельности институтов государственной и муниципальной власти. Рубрику открывает статья *Н. Ю. Коротиной*, посвященная различным подходам к измерению soft power разных стран на основе использования агрегированных индексов и результатов разных видов международных рейтингов.

В ряде работ рассматриваются коммуникативные аспекты применения инструментов soft power в системе государственного управления в различные исторические периоды, включая периоды кризисов, а также прослеживаются исторические аналогии в политике soft power (доклады *Г. В. Сориной*, *Ю. В. Ярмака*, *Г. Н. Малаховой*, *В. Н. Чегарновой*, *В. А. Воропанова*, *В. И. Матейчука*, *Ю. Н. Хмары*). Актуальной проблематике управленческих заимствований и анализу soft power как проявления глобальной «административной моды» посвящена статья *Е. Г. Дьяковой*.

Часть работ посвящена анализу технологий soft power, применяемых в избирательных кампаниях и в ходе проведения административных реформ в современной России (доклады *А. В. Вилловых*, *И. А. Ветренко*, *Е. О. Сониной*).

В контексте концепта Economic soft power в работах анализируются такие проблемы как методы прогнозирования развития национальной экономики в условиях рынка (доклад *О. В. Сониной*), создание условий для развития малого предпринимательства (доклад *Г. В. Зайцевой*), применение международных стандартов финансовой отчетности (доклад *Ю. В. Боровковой*).

Вопросы повышения экономического потенциала страны рассматриваются сквозь призму использования инструментов мягкой силы на муниципальном и региональном уровнях (доклады *В. А. Грищука* и *И. Ю. Нестеренко*).

Правовые, образовательные и культурные ресурсы мягкой силы рассматриваются в работах *Е. К. Шибановой*, *Е. Е. Шпаковской*, *Е. В. Аббасовой*, *Г. Р. Иржановой*, *Т. В. Петровой* и *В. Ю. Громовой*.

В традиционной рубрике журнала «Тропы метода» размещены три статьи, в которых исследуются методологические проблемы изучения дискурсов разного вида. Дискурс травелога подвергается методологическому анализу в статье *В. М. Русакова* и *О. Ф. Русаковой*. Доктринально-политические и идейно-стратегические состав-

ляющие неолиберального дискурса рассматриваются в статье *А. А. Хмелинина*. Архетипические составляющие дискурса пространства анализируются в работе *Т. И. Борко*.

В рубрике «Геополитика» вниманию читателей предоставляется работа наших коллег из Казахстана *С. Б. Булекбаева* и *Р. У. Булекбаевой*, посвященная насущным проблемам трансформации международных отношений в условиях развертывания «цветных революций» и изменения геополитической картины мира. Авторы ставят вопрос о необходимости пересмотра ряда положений международного права, дают критический анализ процессов, связанных с кризисом на Украине и с присоединением Крыма к России.

Отметим также, что наш журнал продолжает публиковать в рубрике «Афористикон» избранные

афоризмы нашего друга и выдающегося философа, проживающего в Мексике, академика МАДИ *Михаила Алексеевича Малышева*. Традиционно в центре внимания мыслителя оказались ключевые экзистенциалы: жизнь, смерть, надежда, судьба, совесть, любовь, вера, слава и др.

Для тех, кто интересуется современными российско-китайскими отношениями, возможно, покажется интересной статья нашего американского коллеги *Карри Дж. Коса (Karrie J. Koese)*, рецензию на которую представила в нашем журнале *П. И. Агашкова*.

Кроме того, в рубрике «Новости МАДИ» размещена информация о некоторых итогах проведения 15 октября 2014 г. в г. Екатеринбурге трех заседаний Международной конференции «Soft power: теория, ресурсы, дискурс».

INSTITUTIONAL DIMENSIONS OF SOFT POWER

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Sciences,
head of philosophy division,
doctor of political sciences, full professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

УДК 1/14

МЕТОДОЛОГИЯ ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАВЕЛОГА

Русаков Василий Матвеевич,

Институт международных связей,
заведующий кафедрой философии и культурологии,
доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Русакова Ольга Фредовна,

Российская академия наук,
Уральское отделение, Институт философии и права,
заведующая отделом философии,
доктор политических наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Аннотация

В статье представлена панорама перспективных исследований древнего и вечно нового вида субъективно-творческого освоения реальности – травелога в рамках методологии дискурс-анализа.

Ключевые слова:

травелог, методология, дискурс-анализ, категории, концепты.

Дискурс-анализ обретает права гражданства в российском философском пространстве: термины «дискурс», «дискурс-анализ» и «дискурсивно-идеологический комплекс» перестают пугать ревнителей философского терминологического и категориального пуризма [14; 13]. Уже и сам патриарх дискурс-анализа – Т. ван Дейк посещает гостеприимную российскую глубинку. И все же некоторые детали отечественного интеллектуального пейзажа мешают употребить глагол совершенного вида.

Лингвокультурологический поворот в современном гуманитарном познании дал богатый материал философско-методологическим исследованиям [6; 7; 5]. К числу «концептов», вы-

зывающих пристальный и небезосновательный интерес, относится «травелог» [8; 13; 15]. Сегодня можно констатировать, что представления о содержании данной категории достаточно ушли от вариантов, представленных в Wikipedia [3]. Но и говорить о раскрытии эвристической ценности изучения ее пока не приходится.

Травелог – или повествование о различных реальных или вымышленных путешествиях в пространстве и времени есть *форма субъективно-творческого освоения мира человеком* и представлена огромным многообразием видов и жанров.

Прежде всего, перед взором исследователя встает целый материк так называемой

«Литературы путешествий» (The Literature of Travel) [1], и мы узнаем, что термин «травелог» впервые ввел в обращение американский путешественник, фотограф и кинооператор Б. Холмс (Burton Holmes (1870–1958) [2]).

Континент «Литературы путешествий» поистине необозрим. Его изначальные границы упираются в неизреченные глубины мифов, проговариваемые в младенческую пору человечества в многообразных вариантах древних эпических повествований о приключениях и подвигах героев, пережитых и свершенных ими в процессе путешествий и странствий. Стало привычным выводить происхождение древнейших нарративов о странствиях и приключениях из самих условий жизни первобытных людей [3]. Действительно, практически во всех мифах и преданиях всех народов мира мы находим сказания о путешествиях и подвигах героев.

Многообразие видов и жанров травелога поражает: сказания, легенды, исторические хроники и летописи походов, завоеваний, отчеты экспедиций, путевые записки и дневники, путеводители и справочники, карты-схемы, морские лоции, фантастические путешествия и романы – как повествование о жизненном пути, лирическая поэзия – как травелог души [12; 4]. Двадцатый век по-своему дополнил это множество, породив травелог как travel-blog.

Изучение особенностей строения продуктов травелога обратило внимание на концептуально-категориальную структуру (каркас) его [9]. И здесь необходимо вспомнить значительное обогащение исследовательского инструментария, связанное с трудами выдающихся отечественных ученых [5; 6; 7]. Лингвокультурологические исследования ввели важное разграничение категории (понятия) и концепта [5; 7].

Травелог, в этом смысле, сам является, скорее, концептом, нежели категорией (понятием). Об этом говорит сложная структура его, включающая особый коммуникативный, прагматический и семантический аспекты, в существенной степени связанные с чувственно-образной «оболочкой» богатых ассоциативных рядов, в которых и через которые травелог «живет» в мире культуры.

В его структуре занимают важное место такие ключевые концепты, как Путь, Путник, Приключение (Подвиг). Архетипическое и рацио-

нальное в дискурсе травелога: архетипические концепты (Путь, Путник, Приключение и др.) [8; 13].

Весьма перспективно изучение таких аспектов дискурса, как семиотический, лингвистический, праксеологический, кратологический.

Кроме того, необходимо различать также диахронический и синхронический аспекты функционирования дискурса. В диахроническом аспекте травелог как форма субъективно-творческого освоения мира проделал путь от древнего мифологического сознания (легенды и сказания о подвигах мифологических героев, их странствиях и путешествиях) до современного рационально-теоретического (отчеты экспедиций, путеводители, лоции, карты и схемы, методологические и методические исследования и рекомендации) [11].

В синхроническом аспекте травелог как тотальность способа субъективно-творческого освоения мира человеком представлен богатым разнообразием видов и жанров, а с другой стороны – в самой структуре травелога, а тем более – его дискурса, – присутствуют архетипическое, иррационально-мифологическое, фантастическое, рационально-теоретическое (в разных видах и жанрах – в различной пропорции) [10].

В диахроническом «срезе» многообразных видов и жанров травелога отчетливо прослеживается накопление «слоистой» структуры: над наиболее древними мифопоэтическими и мифологическими слоями исторически наслаиваются все более рационализированные (вплоть до рационально-теоретических конструкций). Наслаивание совершается от эпохи к эпохе и связано с прогрессом самоопределения субъекта творческого освоения мира: выделение индивидуального сознания и самосознания из коллективного; возникновение теоретического конструирования (отделение от мифологического чувственно-образного), а затем и рационально-теоретического – вплоть до научно-теоретического способа освоения внешнего и внутреннего мира [9].

Этот процесс отражается в разветвлении жанрового многообразия травелога: от мифологических, фантастических историй о странствиях богов и героев в устных легендах и преданиях (Книга Еноха, Исландские саги, Манас, Калевала,

Рамайна и Махабхарата, Песнь о Нибелунгах и т. п.) – до первоначальных попыток простейших фиксаций путешествий, нашествий, завоеваний и т. п. перемещений в пространстве и времени (часто «погибающих» под гнетом нерешенных проблем со средствами выражения и передачи смыслов и значений). Параллельно идет процесс выделения и самоопределения индивидуально-психологического мира, и осознание человеческой жизнедеятельности как жизненного пути, и формирование особого жанра травелога: от «Бесед разочарованного со своей душой» до «Исповедей» (Августин – Абельяр – Руссо – Толстой), «Годы странствий Вильгельма Мейстера» И. Гете, «Годы странствий» А. Арбузова, Ф. Листа, «Путешествия на край ночи» Ф. Селина и т. п.

«Слоистая» структура ключевых концептов травелога – Путь, Путник, Приключение – выражается в постоянном колебании смысла вокруг некоего ценностно-смыслового ядра, которое, в свою очередь, амбивалентно. Путь – это и движение (В путь!), и направление (Верной дорогой идете, товарищи!), и место в пространстве, где совершается движение (автомобильные и железнодорожные магистрали и морские маршруты), и время, наполненное движением (Пройденный путь, жизненный путь), и мировоззрение («Алмазный Путь», «Восьмеричный путь», «Путь к себе» и т. п.).

Не менее сложен состав концепта Путник – это и Путешественник-первооткрыватель, и Бродяга (Агасфер), и Странник (Пилигрим), Гид (Проводник, Вождь и Полководец), Шпион (Соглядатай), это и Гость, и Сталкер. Это – все мы, люди, бредущие по своему жизненному Пути [8].

Приключение, оно же Подвиг, – важный концепт травелога. В. Янкелевич описал жизнь как приключение (adventure). Приключение (Подвиг) – это всегда выбор («Направо пойдешь..., налево пойдешь...»), герой мифологический в подвигах (Геракл, Тезей) проявляет свои изначально ему присущие свойства, герой литературного травелога (романа) – через подвиги (которые суть непростой выбор) обретает героические свойства.

Наращение рационально-теоретических способов конструирования выражается в появлении весьма специфических продуктов (жанров) – социальные и социально-политические «утопии»:

изначально конструируется вымышленный мир и путешествие по нему подается как приглашение к соразмышлению (Т. Мор «Книга столь же забавная, сколь и полезная... о наилучшем устройстве общества», Ф. Бэкон «Новая Атлантида», О. Хаксли «Этот дивный новый мир» и др.).

Рационально-теоретическое конструирование достигает апогея в научном творчестве с появлением современного научно-теоретического знания в Новое время. Возникают каноны строгого объективно-достоверного описания движения («Пути») научной мысли в процессе разыскания истины: планы и отчеты научных экспедиций – астрономических (Т. Кук и задание провести астрономические наблюдения), географических (экспедиция капитана Г. Невельского с целью определения: Сахалин – это остров или полуостров?), геологические и палеонтологические (экспедиции И. Ефремова в Эвенкию и пустыню Гоби), планы и отчеты о «ключевых» (Критических) экспериментах (опыт Майкельсона-Морли и т. п.), вплоть до методологической и методической литературы – научающей правильному движению мысли в поисках истины.

В гетерогенной структуре дискурса травелога присутствуют компоненты различного происхождения: а) архетипические концепты-категории, иногда называемые «мифологемы» (с неочевидным интуитивным содержанием); б) мифологические и мифопоэтические образы; в) рациональные схематизмы (построения, методы и способы развертывания содержания (обоснования) и т. п.); г) рационально-теоретические компоненты (понятия, категории, теории, картины мира) [7; 9].

Отдельного внимания заслуживает соотношение фантастического и действительного в травелоге: в любом, даже самом рационально-теоретическом научном травелоге неизбежно есть элемент фантастического, связанный с творческой природой человеческого сознания, поскольку травелог был, есть и остается формой (способом) субъективно-творческого освоения мира человеком, освоения в формах человеческой субъективности, активной преобразующей предметной деятельности человека. Этот аспект хорошо просматривается в дискурс-анализе травелога – при рассмотрении главных его аспектов:

семиотического (смыслопорождение, означивание и переозначивание жизненного пространства человека), праксеологического (вырабатываются и предлагаются способы и формы жизнедеятельности в процессе движения в пространстве-времени), кратологического (ибо разнообразные формы травелога предписывают, задают индивиду способы означивания и переозначивания мира, формы и способы жизнедеятельности в меняющемся мире, это особенно наглядно происходит в процессе институционализации их: в социально-политических утопиях и манифестах и программах политических движений вначале провозглашаются некие способы жизнедеятельности, а затем они становятся организациями, учреждениями, традициями и обычаями; в картах-схемах и путеводителях рассказывается как, каким способом попасть в Индию, Острова пряностей, остров сокровищ, святые земли, места паломничества и т. п.). Что-то осыпается, как необязательная шелуха, продукт произвола воображения, а что-то оседает как устоявшийся новый элемент (способ) жизнедеятельности людей.

Хорошо прослеживается устойчивая взаимосвязь архетипических концептов Путь (Дорога, Жизнь, Путешествие) – Путник (Странник, Разведчик, Первопроходец, Бродяга) – Приключение (Подвиг, Выбор, Цель), в которых происходит своеобразное «Мерцание смыслов».

Особенное внимание обращает на себя схематизм «выбора» (принятия решений) Путником в ситуации Приключения (Подвига) с возникновением новой ситуации выбора (необходимости принятия решения) – что, в сущности, означает «Дерево решений». В первооснове «Дерева решений» – архетип «Древа жизни» (и смерти). Древо жизни симметрично относительно наличной реальности и положения субъекта – оно уходит «вверх» («Крона»), т. е. «дерево решений», выбора между добром и злом, жизнью и смертью; и оно же уходит «вниз» («Корни», «Ризома») в тьму бессознательного (индивидуального и коллективного – память рода, этноса).

«Крона» – «светлая», рациональная сторона Древа Жизни (Древа Познания), плодоносная сторона («пожинаем плоды выбора»). «Корни» (Ризома) – темная иррационально-мифологическая сторона Древа Жизни (Древа Познания): там предтечи, предпосылки, там –

неизреченное (как «еще неизреченное», так и в принципе «неизреченное» как неизрекаемое, глубины мерцания смыслов («Вероятностная теория смыслов»). Там покоятся непроговоренные и принципиально невыразимые смыслы, прорывающиеся «наверх» в парадоксальных формах вербализации (в идиомы, поговорки, притчи, парадоксы). Предположительно, это неизреченное первоначально существует в магических практиках (обрядов, заклинаний), носящих инстинктивный характер и вплетенных в повседневную жизнедеятельность первобытного социума. В последующем они подвергаются рационализации и осмысленной вербализации, возможно, по схеме фрейдовского вытеснения и замещения травмирующего содержания.

Травелог как форма субъективно-творческого (духовно-практического и предметно-практического) освоения мира человеком – столь же разнообразен, сколь разнообразны способы и формы освоения мира человеком [12]. В то же время это многообразие пронизано единством принципа процессуальности освоения. Травелог есть явно и неявно выраженное описание, субъективно-творческая фиксация самого процесса освоения мира – начиная с появления феномена наррации (сказовости). Единство многообразных видов и жанров поддерживается единством структуры и схематизмов травелога.

Миф как форма, в которой затем впервые опредмечивается травелог, еще не есть его собственная форма: здесь еще нет разделения мироздания на объективное и субъективное существование, нет наррации. Перемещение в пространстве-времени в архаическом мифе еще не подвергается субъективной рефлексии (нет отделения субъекта движения от процесса, есть отождествление состояний субъекта и внешних событий).

Современный травелог многообразен в том плане, что старые, архаические формы полностью не изжиты, не исчезают. Мифопоэтический и мифологический элементы преобразуются в фантастический компонент любого современного и даже весьма рационализированного травелога: в отчетах географических и геолого-палеонтологических и прочих экспедиций, в методологических и методических наставлениях и путеводителях.

В то же время современный травелог канонизирует стремление к достоверности, возможности перекрестной проверки (карта – логия – словарь – справочник – свидетельства очевидцев – электронная навигация). Даже предельно субъективные травелоги-странствия души в поисках ценностей и смыслов (например, в форме «потока сознания») в гораздо большей степени передают действительные движения души, нежели обобщающие психологические штудии [10; 11].

Травелог в силу своей скрытой или явной процессуальности, тяготения к воспроизведению движения субъекта в пространстве-времени среди других субъектов и объектов, природа которых (суть) открывается во взаимодействии с ними (общении, наблюдении), хорошо соответствует дискурсу, понимаемому как текст и порядок речи, помещенной в ситуацию общения, коммуникации. Дискурс травелога непосредственно воплощает эту вовлеченность сказовости, наррации в процесс взаимодействия, коммуникации и в главных своих аспектах (измерениях) замечательно это демонстрирует.

Смежными травелогу дискурсами выступают литературные жанры – повести и романы (жизненный путь литературного героя), методологическая и методическая литература (путеводитель в дебрях познавательных проблем на пути к истинному знанию), справочно-энциклопедическая литература, в которой травелог угасает, как в своей результирующей, где предшествующий богатый событиями и перипетиями (драма идей!) путь угасает в отстоявшемся результате: «таким образом, А=Б». Все учебники чаще всего грешат тем, что снижают и даже элиминируют, поелику возможно, процессуальность (историчность): там, где процессуальность устраняется, снимается или маскируется (путь движения к данному уровню истины), – самые честные в конце обязательно добавляют, что это есть: а) то, что известно нам на сегодня, б) и есть то, что мы оставляем в стороне – различные альтернативы и спорные т. зрения, во что мы не вгрызаемся, как в до сих пор нерешенное и проблематичное. Это последнее обычно оставляется истории науки, популярным экскурсам, биографиям ученых и биографиям идей, вплоть до «паранаучных» экзерсисов.

Процесс семиозиса – означивания всего пространственно-временного континуума, в котором жизнедействует субъект, является универсальной необходимостью человеческого существования. Это есть не что иное, как смысло-жизненное ориентирование, без которого человек не может существовать как человек (он стремится осознать – что он есть такое и как он к этому пришел, каковы направления движения – к наличию позитивного смысла или отсутствию его, в каких направлениях предпочтительно двигаться, а в каких – нет;). В процессе жизненного пути возрастная психология говорит нам о существовании нескольких обязательных поворотных моментов (возрастных кризисов).

Травелог во внешнем пространстве-времени связан с семиозисом через семиотические машины – наделяющие смыслами и значениями окружающий мир и все явления и процессы в нем. Особенно остро это переживается в описании ранее неведомых миров – географических, человеческих, с которыми сталкивается Путник.

Особый интерес могло бы представить изучение лингвистического аспекта дискурса травелога – как он живет в стихиях различных национальных языков.

Дискурс травелога неизбежно несет в себе гетерогенное праксеологическое начало: осознание и попытки «проговаривания» (артикуляции) первоначальных способов и форм движения в новом непривычном пространстве-времени (предельно авантюрные плавания Колумба в поисках «Индии», многими местами совершенно косноязычное для современников описание путешествия Марко Поло, фантастические и невероятные рассказы о путешествиях Магеллана, Васко да Гамы, описания перелетов через Атлантику Ч. Линдберга и пр., космических полетов Юрия Гагарина, Нила Армстронга, и тривиальные «потоки сознания» в блогах и твиттерах массового туризма, вплоть до поездок на Северный полюс, в Антарктиду, до космических туристов и др.). Первоначальные архаические способы передвижения – пешком, на мулах, на оленях, на собаках, на парусниках и т.п. – сменяются принципиально новыми, а потому кажущимися фантастическими. От практик авантюрного первооткрывательства, граничащего с безумием, переход к повседневной обыденности совершаемого перемещения внутри целой

глобальной системы и инфраструктуры. Дискурс (речь путешествия, помещаемая в контекст коммуникации) раскрывает эволюцию: от фантастических предположений, основанных на сумасшедших идеях (плыть в Индию на Запад, руководствуясь шарообразностью Земли!) – до тривиального звонка в турфирму с целью бронирования места в транспорте и отеле на другом краю Земли (с обеспечением всего – банковской картой).

Дискурс травелога обогащает человека новыми способами не только перемещения в пространстве-времени (объективном и субъективном), но и новыми способами существования, вплоть до способов смысложизненного ориентирования (повальное увлечение в XIX в. Востоком, восточным образом жизни, восточными духовными и материальными практиками, а сегодня – дауншифтинг).

Становление гражданина мира в дискурсе травелога – способы коммуникации, характер взаимодействия с чужими культурами, вращение в чуждые цивилизации, со всеми диковинными институтами, нормами и ценностями, технологиями существования, «практиками себя».

Дискурс травелога обладает властно-распорядительным ресурсом (кратологический аспект): любая экспедиция предполагает целый комплекс необходимых и совершенно неизбежных мероприятий – определение целей, маршрута, сроков, состава участников, материального и информационного обеспечения, взаимодействия на случай форс-мажора. Современные лоции, карты и справочники содержат предписания, обязательные для выполнения (и предусматривающие различные санкции за их нарушение или неисполнение). Гиды и путеводители специально предписывают Путнику чего-то придерживаться и от чего-либо уклоняться, что-то соблюдать или игнорировать, фиксировать или отбрасывать.

Особенно отчетливо проявляется кратологический (властно-распорядительный) аспект дискурса травелога в системах становящихся и затвердевающих впоследствии социальных институтов – странноприимные дома и приюты, турфирмы и страховые компании, межправительственные соглашения и традиции гостеприимства, распространение и усвоение языков межэтнического, межплеменного, межнационального общения, правила пересечения границ и проходов.

Формируется система норм и правил (как писанных, юридических, на охране которых стоят государства, так и неписанных – опирающихся на авторитет общественного мнения народов), задающая пространство и способы максимально возможного бесконфликтного общения и взаимодействия людей, могущих приобщаться к нормам и ценностям непривычных и даже первоначально чуждых культур.

1. The Cambridge History of English and American Literature in 18 Volumes (1907–21). Vol. 14. The Victorian Age, Part Two // VII. The Literature of Travel, 1700–1900 // <http://www.bartleby.com/224/0700.html>.

2. Burton Holmes, the «Father of the Travelogue» // <http://www.burtonholmesarchive.com/>.

3. On Travelogues // <http://www.oldworldwandering.com/on-the-travelogue/>.

4. Носкова В.Б. Травелог души в лирике Ли Бо. // Дискурс травелога. Сб. ст. Екатеринбург, ИМС-ИД. «Дискурс-Пи», 2009. С. 110–119.

5. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 276–379.

6. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // ИАН СЛЯ. 1983. Т. 52, № 1. С. 3–9.

7. «Слово «концепт» в протерминологической функции стало активно употребляться в российской лингвистической литературе с начала 90-х годов; лингвокультурологическое наполнение этой лексемы продолжила статья акад. Д.С. Лихачева, опиравшегося в ней на взгляды С.А. Аскольдова-Алексеева» – справедливо указывает С.Г. Воркачев (Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки, – 2001. – № 1. С. 64–72).

8. Дискурс травелога. Сб. статей. Екатеринбург, Ред.: О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. Екатеринбург, ИМС-УрФЮИ, 2009.

9. Русаков В.М. Архетипические категории (концепты) в дискурсе травелога. // Дискурс-Пи: научный журнал. Вып. 10. Екатеринбург, ИД «Дискурс-Пи». 2010. С. 209–210.

10. Русаков В.М. Пути в неизвестное: рационализация иррационального в дискурсе травелога // Дискурсология: Методология. Теория. Практика. Доклады Третьей международной научно-практической конференции. Том 1. Екатеринбург. 2008. С. 53–55.

11. Русаков В.М. Дискурс травелога: словари и справочники как изречение неизреченного // Дискурс-Пи. Дискурс глобальных социокультурных коммуникаций. Вып. 8. Екатеринбург, Ин-т философии и права УрОРАН, 2009.

12. Русаков В.М. Многообразие видов и жанров травелога // Дискурс-Пи: научный журнал / учредитель Уральское отделение РАН, Институт философии и права. Под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург, ИД «Дискурс-Пи», 2013, вып. 11–12. С. 304–306.

13. Русакова О.Ф. Дискурс травелога. // Дискурс-Пи: научный журнал. Екатеринбург, ИД «Дискурс-Пи», вып. 10. С. 204.

14. Русакова О.Ф., Ишменев Е.В. Критический дискурс-анализ // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Серия «Дискурсология». Вып. 1. Екатеринбург, ИД «Дискурс-Пи», 2006. С. 39–54.

15. Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в travelogax и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

1. The Cambridge History of English and American Literature in 18 Volumes (1907–21). Vol. 14. The Victorian Age, Part Two // VII. The Literature of Travel, 1700–1900 // <http://www.bartleby.com/224/0700.html>.

2. Burton Holmes, the «Father of the Travelogue» // <http://www.burtonholmesarchive.com/>.

3. On Travelogues // <http://www.oldworldwandering.com/on-the-travelogue/>.

4. Noskova V.B. Travelog dushi v lirike Li Bo. // Diskurs traveloga. Sb. st. Ekaterinburg, IMS-ID. «Diskurs-Pi», 2009. S. 110–119.

5. Askol'dov S.A. Koncept i slovo // Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya. M., 1997. S. 276–379.

6. Lixachev D.S. Konceptosfera russkogo yazyka // IAN SLYa. 1983. T. 52, № 1. S. 3–9.

7. «Slovo «koncept» v proterminologicheskoy funkcii stalo aktivno upotrebyat'sya v rossijskoj lingvisticheskoj literature s nachala 90-x godov; lingvokul'turologicheskoe napolnenie e'toj leksemy prodolzhlila stat'ya akad. D.S. Lixacheva, opiravshegosya v nej na vzglyady S.A. Askol'dova-Alekseeva» – spravedlivo ukazyvaet S.G. Vorkachev (Vorkachev S.G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoy

paradigmy v yazykoznanii // Filologicheskie nauki, – 2001. – № 1. S. 64–72).

8. Diskurs traveloga. Sb. statej. Ekaterinburg, Red.: O.F. Rusakova, V.M. Rusakov. Ekaterinburg, IMS-UrFYuI, 2009.

9. Rusakov V.M. Arxetipicheskie kategorii (koncepty) v diskurse traveloga. // Diskurs-Pi: nauchnyj zhurnal. Vyp. 10. Ekaterinburg, ID «Diskurs-Pi». 2010. S. 209–210.

10. Rusakov V.M. Puti v neznaemoe: racionalizaciya irracional'nogo v diskurse traveloga // Diskursologiya: Metodologiya. Teoriya. Praktika. Doklady Tret'ej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Tom 1. Ekaterinburg, 2008. S. 53–55.

11. Rusakov V.M. Diskurs traveloga: slovari i spravochniki kak izrechenie neizrechenogo // Diskurs-Pi. Diskurs global'nyx sociokul'turnyx kommunikacij. Vyp. 8. Ekaterinburg, In-t filosofii i prava UrORAN, 2009.

12. Rusakov V.M. Mnogoobrazie vidov i zhanrov traveloga // Diskurs-Pi: nauchnyj zhurnal / uchreditel' Ural'skoe otdelenie RAN, Institut filosofii i prava. Pod red. O.F. Rusakovoj. Ekaterinburg, ID «Diskurs-Pi», 2013, vyp. 11–12. S. 304–306.

13. Rusakova O.F. Diskurs traveloga. // Diskurs-Pi: nauchnyj zhurnal. Ekaterinburg, ID «Diskurs-Pi», vyp. 10. S. 204.

14. Rusakova O.F., Ishmenev E.V. Kriticheskij diskurs-analiz // Sovremennye teorii diskursa: mul'tidisciplinarnyj analiz. Seriya «Diskursologiya». Vyp. 1. Ekaterinburg, ID «Diskurs-Pi», 2006. S. 39–54.

15. E'tkind A. Tolkovanie puteshestvij. Rossiya i Amerika v travelogax i intertekstax. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001.

UDC 1/14

THE METHODOLOGY OF DISCOURSE RESEARCH OF THE TRAVELOGUE

Rusakov Vasily Matveevich,

Institute of international relations,
Chair of philosophy and culture studies,
Doctor of philosophical sciences, professor,
E-mail: dipi@nm.ru

Rusakova Olga Fredovna,

Russian Academy of Sciences,
Ural branch, Philosophy and Law Institute,
Department of philosophy,
doctor of political sciences, professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Annotation

In article the panorama of perspective researches of an ancient and eternally new kind of is subjective-creative development of a reality – travelogue within the limits of discourse-analysis methodology is presented.

Key words:

travelogue, methodology, a discourse-analysis, categories, concepts.

УДК 130.2

АРХЕТИП ЦЕНТРА. ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ АРХАИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ ПРОСТРАНСТВА

Борко Татьяна Иосифовна,

Тюменский государственный университет,
Институт гуманитарных наук,
кафедра зарубежной литературы,
доктор философских наук, профессор,
E-mail: borkot@mail.ru

Аннотация

В статье раскрываются особенности архаического восприятия пространства. Автор анализирует архетип центра в культуре древних народов.

Ключевые слова:

архаическое сознание, мифология, пространство, архетип центра.

Обычно авторы, занимающиеся проблемами архаического мышления [1; 2; 3; 4], указывают на аффективный характер восприятия древним человеком действительности. Архаическое сознание, в экспрессии не умеющее различать и разграничивать объекты, создает иллюзию целостности мира, о чем свидетельствуют образы ранних мифологий. Можно предположить, что при таких условиях пространство ощущалось как некая гомогенная, нерасчлененная зона, как силовое поле, в котором появляются и исчезают объекты. Есть множество примеров космогонии, в которых рассказывается о первоначальном Единстве как состоянии космоса до творения. Целостность воплощается буквально в наглядных образах, как первозданный океан Нун в египетской мифологии, из которого первым появился бог-творец Ра. Единство описывается как неопределенная сущность: «Нечто-Одно» в Ригведе или символизируется фигурой Верховного бога, каковым является породивший сам себя «Владыка двойственности», Ометеотль (в мифологии майя).

Вероятно, эти образы возникли в первобытном сознании до начала мышления, для

которого все сливается, перетекает из одного в другое. Ориентироваться в данной ситуации можно было только инстинктивно. В этом смысле человек не преодолел еще биологических рамок существования. Для того чтобы включиться в отношение познания реальности, сознание должно перестать скользить от одного объекта к другому, будучи уверенным в их всеобщности, не должно быть рассеянным, охватывая все, что попадает в поле зрения. Первобытный человек учился фиксировать внимание на значимых объектах, которые могли бы стать пространственными ориентирами, точками отсчета. Думается, для архаического восприятия пространства в равной мере значимы шумы, запахи, звуки, которые наряду с визуальными образами определяли отдельные участки, служили мотивацией для выбора направления движения. Причины, заставившие отмечать какие-то особые зоны, возможно, имеют биологические инстинктивные корни, связанные с защитой собственной территории. Но можно предположить еще одно объяснение: отмечали участки, связанные с особой эмоциональной напряженностью в силу каких-то

произошедших здесь событий (удачной охоты или трагического происшествия). Так могли возникнуть сакральные центры пространства. Удачное место позднее осмысляется как участок средоточия духов. Связанный с негативным опытом топос тоже может ощущаться как сакральное (во втором значении «нечистое, грязное») место, которого нужно избегать.

Словом, в неразьединенном, непроницаемом пространстве выделяется центр, чем нарушается первоначальная целостность. В качестве меток появляются культурные знаки. По сути, это природные объекты, но человек произвел над ними некие действия, придав им культурный смысл. Так, в сибирском шаманизме сакральные зоны, к которым запрещено приближаться всем, кроме посвященных, скрыты в глубине тайги, и представляют собой обычный участок леса с большим деревом. На его стволе оставлены лишь две большие горизонтальные ветки, напоминающие раскинутые в стороны руки, иногда вырезана личина. Аналогично, в традиции синто священные точки пространства, где сконцентрированы духи, отмечаются грудой камней со столбиком в центре. Все объекты здесь природного происхождения, даже не обработанные, но расположенные особым способом, перемещенные со своих естественных мест (в этом смысле рождение культуры выглядит продолжением биологической потребности метить территорию).

Вероятно, можно говорить об архетипе центра, имеющем место в каждой культуре. Круг значений будет примерно один и тот же. Конечно, будучи воплощенным в какую-либо материальную форму, он в первую очередь является обозначением освоенного, обжитого пространства, знаком присутствия человека на данной территории. Это значит, человек понемногу начинает осмыслять окружающую среду, особенности ландшафта, намечая ориентиры, фрагментируя его, наделяя определенными характеристиками отдельные его зоны. Но это значит также и начало попыток самоидентификации: обозначая территорию как собственную с помощью культурных знаков, человек размечает зоны «своего» и «чужого».

Начинается различение-противопоставление, которое фиксируется именно на уровне культурных меток. Даже сегодня, по замечанию С. Хантингтона [5], большинство конфликтов выглядит как столкновение на почве культурных различий, даже если реальные причины имеют экономический, политический, социальный характер.

Выделение пространственного центра в связи с опытом самоидентификации указывает еще одно архетипическое значение. Мифологические образы мироустройства помещают центр мира в регион обитания самого человека. Соизмеряя все с самим собой, в отношении себя, центральной точкой координат, центром мирового пространства архаический человек мыслил то место, где жил. Вокруг размещаются области чуждые, мало знакомые и совсем неизведанные. Эту структуру иллюстрирует древнегреческая обрядовая практика и мифология. Храм и теменос, где возможно явление богов, находятся в центре практически любого античного города. Омфал греки расположили в реальной географической точке в Дельфах, то есть, в областях хорошо известных, в доступном районе панэллинского святилища. Соответственно, иное, чужое, другое смещается на периферию. Отчетливо архетип этот наблюдается в мировоззрении Средневековья, что нашло отражение в текстах, в альбомах образцов для скульпторов, где изображаются люди далеких, нехристианских земель: и персонажи эти обладают подчас нечеловеческими чертами (с собачьей головой или вовсе без головы, с копытами или одноногими). Они представлены жителями вполне реальных географических пространств, но так как не принадлежат христианскому миру, то наделены уродливым обликом. Иностранцы, обладающие другими культурными метками, оттеснены на окраины мира. Этот образ не ушел из нашего сознания, то и дело он возникает в мышлении провинциала и настойчиво проявляется иногда как бессознательный комплекс, иногда вполне осознанно: в подражании столичной жизни, имитациях облика, топографии, ритма мегаполисов. Как во времена Рима все далекие

провинции (африканские, азиатские и британские), независимо от климатических условий, ландшафта, темперамента жителей, подражали римскому градостроительству, образу жизни, так, сегодня все малые российские города хотят быть похожими на Москву или вообще на европейские столицы. Комплекс провинциализма проявляется в презрении к меньшим населенным пунктам и стремлении обозначить себя столицей чего бы то ни было, какого-то ремесла, производства, научной школы и т. д. Даже в ироничных высказываниях городского фольклора типа «Тюмень – столица деревень», наблюдается та же тенденция.

Архетип центра остается действенным в мифологических построениях более сложного пространства, включающего наряду с миром живых царство мертвых. Можно заметить, что архаический загробный мир мыслится симметричным реальному человеческому миру и оказывается его зеркальным отражением. С усложнившейся структурой возникает новый образ – «ось мира», проходящая через священный центр земли. Мифологическая топография при этом сливается с реальной географией. У алтайских народов существует представление о симметричном ландшафте: горе Белый Алтай соответствует Черный Алтай, расположенный в подземном царстве вершиной вниз. Люди ходят там вверх ногами, одетые в одежды, вывернутые наизнанку. Днем спят, поскольку это время суток в ином царстве темное, ночью же светло, и тамошние обыватели занимаются своими делами.

Идея центра, находящегося в местах обитания людей, сохранилась и в более поздних мифологических структурах, изображающих космос состоящим из трех классических слоев: верхнее царство, средний мир людей и нижнее царство умерших. Обе сверхъестественные области изображаются копиями земного мира, только более упорядоченными, организованными, симметричными относительно человека. Следующий шаг пространственного конструирования в мифологии создает образ симметричных, но противостоящих друг другу миров, населенных божествами-антагонистами. Надо

полагать, на подобные построения повлияли оформившиеся моральные представления. Человек мыслится точкой столкновения сил добра и зла. С появлением подобных идей центр постепенно сдвигается в мифологические области света. Священное становится недоступным. Образы пространства в мифологии демонстрируют движение от аффективного недифференцированного восприятия целостности, непроницаемой всеобщности к постепенному выделению неких зон, отличающихся особой эмоциональной напряженностью. Отмеченные участки превращаются в сакральные центры, постепенно обретая символику омпала. В дальнейшем «пуп земли» перемещается из областей обитания человека в некие недостижимые в реальном пространстве зоны.

-
1. Вундт В. Проблемы психологии народов. – СПб.: Питер Бук, 2001.
  2. Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984.
  3. Леви-Строс К. Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994.
  4. Меркулов И.П. Когнитивная эволюция. – М.: РОССПЭН, 1999.
  5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

-
1. Vundt V. Problemy psixologii narodov. – SPb.: Piter Buk, 2001.
  2. Kulemzin V.M. Chelovek i priroda v verovaniyax xantov. – Tomsk: Izd-vo TGU, 1984.
  3. Levi-Stros K. Pervobytnoe myshlenie. – M.: Respublika, 1994.
  4. Merkulov I.P. Kognitivnaya e'voljuciya. – M.: ROSSPE'N, 1999.
  5. Xantington S. Stolknovenie civilizacij. – M.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2003.

UDC 130.2

ARCHETYPE OF A CENTRE. THE EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION OF ARCHAIC PERCEPTION OF SPACE

Borko Tatiana Iosiphovna,

Tyumen State University,
Institute of Humanitarian Sciences,
The Chair of Foreign Literature,
doctor of Philosophical Sciences, professor,
E-mail: borkot@mail.ru

Annotation

In article features of archaic perception of space reveal. The author analyzes a centre archetype in culture of the ancient people.

Key words:

archaic consciousness, mythology, space, centre, archetype.

УДК 329

НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

Хмелинин Алексей Алексеевич,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Институт социально-политических наук, кафедра истории и теории политической науки,
аспирант,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: xalexan@inbox.ru

Аннотация

В статье дается анализ особенностей неолиберального дискурса. Автор выделяет три подхода к интерпретации неолиберализма, раскрывает черты Вашингтонского консенсуса как политической доктрины неолиберализма. Выдвигаются положения о гибридном характере российского неолиберализма и о противостоянии между неолиберальным и новым демократическим дискурсом в современном идеологическом пространстве России.

Ключевые слова:

дискурс, неолиберализм, Вашингтонский консенсус, гибридность, новая демократия.

На сегодняшний день в политической науке присутствует множество разрозненных и разнообразных взглядов, точек зрения и подходов к критическому восприятию теорий, взглядов, связанных с неолиберализмом как политической философией и политической доктриной.

Для выявления специфики политической философии неолиберализма имеет смысл обратиться к особенностям неолиберального дискурса. Для этого необходимо представить неолиберальную политико-философскую доктрину в виде некоего дискурсивного комплекса.

Структурно любой дискурсивный комплекс представляет собой совокупность авторитетных текстов, содержащих ключевые концепты, постулаты, стратегические установки [3, с. 14–15]. В самом общем виде идейно-ориентированный политический дискурс является определенным способом семиотического конструирования, интерпретации и концептуальной репрезентации политической реальности. В условиях постоянных дискурсивных войн, которые ведутся за доминирование в знаково-символическом пространстве политики, а именно, за занятие ведущего места в многообразных способах означивания политических событий, феноменов и процессов, дискурс конкретного политического течения

неизбежно становится агентом конкурентной борьбы за идейное доминирование.

Опираясь на данный подход, можно утверждать, что неолиберализм – это дискурсивный комплекс, содержащий доктринальные постулаты, теории, концепции и политические стратегии, которые служат основой для конструирования определенного образа политического мира, который прокладывает себе дорогу в конкурентной борьбе с другими идеологически заряженными дискурсивно-политическими комплексами.

При обращении к структурным компонентам неолиберального дискурса необходимо предварительно остановиться на существующих в современной литературе подходах к пониманию сути неолиберализма, его позиционирования в отношении других типов либерализма.

С нашей точки зрения в современных политических исследованиях ведущее место занимают следующие трактовки неолиберализма:

1. Трактовка неолиберализма как неклассического продолжения традиционной либеральной идеологии, связанного со стремлением к интеграции либеральной классической доктрины с идеями социальной справедливости и социал-демократическими воззрениями. В связи с этим возникает термин «социал-либерализм», который

по смыслу смыкается с понятием «новый либерализм». В плане экономической стратегии неолиберальная доктрина отождествляется с кейнсианством.

2. Трактовка неолиберализма как смычки либеральной доктрины с неоконсервативными воззрениями и политическими глобальными стратегиями конца XX столетия в виде таких политических курсов, как *тэтчеризм* и *рейганомика*. В данном случае неолиберализм рассматривается как политический курс, направленный на денационализацию экономики, поддержку крупного капитала, сокращение бюджетных расходов на социальные программы.

3. Понимание под неолиберализмом политической идеологии и политической стратегии, направленных на утверждение господства транснациональных корпораций и получивших наиболее рельефное отражение в политической доктрине под названием «*Вашингтонский консенсус*».

По нашему мнению, именно идеи Вашингтонского консенсуса определяют особенности неолиберального дискурса как знаково-символического способа властвования в мире, где главными субъектами современной глобализации выступают крупные международные корпорации.

Неолиберальная модель мира, определяемая дискурсом Вашингтонского консенсуса, основывается на принципах вмешательства развитых государств в экономические и политические процессы, протекающие в государствах «неразвитых» под видом помощи завершения их перехода к новому этапу глобального мирового развития на основе преобладания рыночных ценностей и отношений. Данная модель получила название «рыночный фундаментализм».

Изначальной целью Вашингтонского консенсуса как международного документа о политико-экономических реформах была попытка создать динамично развивающийся частный сектор и стимулировать экономический рост. Выражение «Вашингтонский консенсус» вскоре после своего появления приобрело определенный символический оттенок. Для многих его идейных сторонников Вашингтонский консенсус стал символом победы США в «холодной войне». Для противников американской экономической модели Вашингтонский консенсус является символом глобального монетаризма [5].

Неолиберальный дискурс, представленный доктриной Вашингтонского консенсуса, был подвергнут критике со стороны многих авторитетных политических философов и политических деятелей [1; 6; 8;]. Так, Н. Хомский, опираясь на множество документов и фактов, свидетельствующих о дискриминационном характере неолиберального дискурса, приходит к выводу о том, что идеология неолиберализма – не что иное, как идеология эксплуататорства. Согласно исследователю, мировая сеть транснациональных корпораций действует исключительно в интересах узкого круга властной элиты, признанным лидером которой выступают США [4, с. 267]. Этот вариант эксплуататорского поведения реализуется посредством международных финансовых структур: Всемирная торговая организация, Мировой валютный фонд, Мировой Банк. По мнению исследователя такое эксплуататорство возможно в условиях «согласия управляемых», то есть при условии, что массы не хотят вмешиваться в политику и управление, играя роль «зрителей».

Критика неолиберальной экономической политики содержит следующие практические свидетельства ее негативного воздействия на общество:

- резкий рост экономического, социального и правового неравенства на уровне государств, социальных групп и индивидов, особенно ужасающий уровень расслоения в российской действительности;

- коммерциализация социальной и духовной сфер российского общества;

- увеличивающееся различие в доступе к властным, информационным и материальным ресурсам, растущее так называемое «цифровое» неравенство;

- увеличение относительной и абсолютной бедности;

- концентрация политической власти у отдельных игроков (могущественные «развитые» страны, международные организации, прежде всего финансовые, и отдельные индивиды, сравнимые по своему экономическому статусу с государствами) при отсутствии демократической ответственности;

- появление и усиление экономической власти транснациональных и многонациональ-

ных корпораций, которые фактически управляют глобальной экономикой, делая роль суверенных государств в этом процессе номинальной.

В целом, критический дискурс в отношении идеологии и практики неолиберализма содержит две основные линии: умеренную и радикальную.

С позиции умеренного критического дискурса неолиберализм подлежит корректировке путем внесения в его стратегические установки элементов идеологии социальной демократии и коммуитаризма. Согласно же радикальной установке, неолиберализм как политическая доктрина и стратегия должен быть полностью разоблачен и вытеснен из глобальных общественных сфер путем планомерного сопротивления со стороны альтернативных демократических движений. Также возможной альтернативой или выходом из неолиберального тупика может стать позиция, предлагающая опираться на историко-культурный опыт развития суверенных государств [2].

При рассмотрении особенностей российского неолиберального дискурса мы пришли к выводу о его гибридном характере [7, с. 59–64]. Это значит, что российская политическая элита в своих официальных заявлениях пытается соединить дискурс рыночного фундаментализма (курс на поддержку власти крупных монополий и финансового капитала, на коммерциализацию социальных и культурных сфер общественной жизни) с дискурсом социальной справедливости. В этом отношении весьма характерным является текст статьи В.В. Путина «Строительство справедливости. Социальная политика для России», опубликованной в рамках предвыборной программы в 2012 году. Гибридность российского неолиберального дискурса является одновременно и причиной, и следствием раскола общественного сознания: одна часть населения с радостью поддерживает курс на расширение рыночных отношений и активное включение страны в институты, реализующие политику Вашингтонского консенсуса, другая – разделяет социалистические и социал-демократические ценности. Раскол происходит также по линии «европейские ценности – традиционные российские ценности». В последнем случае речь идет о продолжении идеологического спора между «западниками и «славянофилами» в но-

вых исторических условиях. Наличие тенденции обращения к русским культурно-историческим традициям добавляет в эклектическую ткань российского неолиберального дискурса элементы консервативных узоров. Данные дискурсные включения нашли свое отражение в идеологических поисках партии «Единая Россия», которая стала позиционировать себя в последнее время как партия консервативного типа.

По результатам выборов, состоявшихся в 2012–2013 гг. можно говорить о том, что эпоха доминирования неолиберального дискурса в общественном сознании современной России подходит к своему завершению. Носители неолиберальных ценностей в лице олигархата и последователей рыночного фундаментализма уже не занимают лидирующих позиций в интеллектуальном пространстве страны, не выступают в роли властителей умов. Все большим авторитетом у населения сегодня пользуются сторонники реализации демократии «снизу», прямых демократических выборов и референдумов, реализации принципа права наций на самоопределение («новые демократы»).

Последние события и дискуссии, связанные с кризисом на Украине и присоединением Крыма к России, внесли еще больший раскол между деятелями неолиберального толка и новыми демократами. В ходе их идейного противостояния произошел отчетливый перелом в соотношении сил в пользу дискурса, альтернативного неолиберальному. В этом переломе, что важно отметить, существенную роль сыграл официальный политический медиадискурс: большинство российских печатных изданий и телеканалов выступили с позиции поддержки антиолигархического дискурса организаторов крымского референдума и лидеров самопровозглашенных республик Новороссии.

1. Каллиникос А. Антикапиталистический манифест. – М.: Праксис, 2005.

2. Муфф, Шанталь. Большинство стран Европы находится в постполитической ситуации. Отсутствие альтернативы безальтернативно? // Гефтер-журнал. 2014. № 1. <http://gefter.ru/archive/11075>.

3. Русакова О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012.

4. Русакова О.Ф., Хмелинин А.А. Неолиберальный дискурс: стратегии и технологии конструирования новой субъек-

тивности [Текст] / О.Ф. Русакова, А.А. Хмелинин // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12.

5. Салицкий А.И. Новый лидер мировой экономики // Вестник РАН. 2008. Том 78. № 3.

6. Харви Дэвид. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение /пер. с англ. Н.С. Брагиной. – М.: Поколение, 2007.

7. Хмелинин А.А. Особенности и дискурс российского неолиберализма: становление «гибридной» модели // Социум и власть. 2013. № 4.

8. Хомский Н. Прибыль на людях. – М.: Практикс, 2002.

1. Kallinikos A. Antikapitalisticheskij manifest. – М.: Praxis, 2005.

2. Muff, Shantal'. Bol'shinstvo stran Evropy nachoditsya v postpoliticheskoy situacii. Otsustvie al'ternativy bezal'ternativno? //

Gefter-zhurnal. 2014. № 1. <http://gefter.ru/archive/11075>.

3. Rusakova O.F. Sovremennaya politicheskaya filosofiya: predmet, koncepty, diskurs. – Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi», 2012.

4. Rusakova O.F, Xmelinin A.A. Neoliberal'nyj diskurs: strategii i texnologii konstruirovaniya novoj sub»ektivnosti [Tekst] / O.F. Rusakova, A.A. Xmelinin // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. 2012. Vyp. 12.

5. Salickij A.I. Novyj lider mirovoj e'konomiki // Vestnik RAN. 2008. Tom 78. № 3.

6. Xarvi De'vid. Kratkaya istoriya neoliberalizma. Aktual'noe prochtenie /per. s angl. N.S. Braginoj. – М.: Pokolenie, 2007.

7. Xmelinin A.A. Osobennosti i diskurs rossijskogo neoliberalizma: stanovlenie «gibridnoj» modeli // Socium i vlast'. 2013. № 4.

8. Xomskij N. Pribyl' na lyudyax. – М.: Praxis, 2002.

UDC 329

THE NEOLIBERAL DISCOURSE

Khmelinin Aleksey Alekseevich,

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
graduate student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: xalexan@inbox.ru

Annotation

In article the analysis of features of a neoliberal discourse is given. The author allocates three approaches to neoliberalism interpretation, opens lines of the Washington consensus as political doctrine of neoliberalism. Positions about hybrid character of the Russian neoliberalism and about opposition between neoliberal and new democratic a discourse in modern ideological space of Russia are put forward.

Key words:

discourse, neoliberalism, the Washington consensus, hybrid character, new democracy.

УДК 327

О ВЫЗОВАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

Булекбаев Сагади Байузакович,

Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай-хана,
доктор философских наук, профессор,
г. Алматы, Казахстан,
E-mail: sagadi58@mail.ru

Булекбаева Разия Ударбаевна,

Университет Сулеймана Демиреля,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Алматы, Казахстан,
E-mail: sagadi58@mail.ru

Аннотация

В статье указывается на необходимость пересмотра методологии анализа современных международных отношений, которые выявили слабость своего объяснительного потенциала, особенно на примере результатов так называемых «цветных революций». Обосновывается тезис о необходимости создания авторитетной международной организации, способной обуздать политический «беспредел» великих мировых держав.

Ключевые слова:

современный мир, политика, международные отношения, «цветные революции», суверенитет, право, рыночный фундаментализм, капитализм, международное право, ООН, США, МВФ, рынок, ТНК, «золотой миллиард».

Современный мир необычайно сложен и противоречив, мобилен и изменчив, более целостен и взаимозависим. Эти его особенности делают современную внешнюю политику, во-первых, труднопредсказуемой по своим результатам, во-вторых, – опасной по своим социальным последствиям, а в-третьих, – необъяснимой в рамках существующих социальных теорий и парадигм. Поэтому, на наш взгляд, для объяснения и понимания таких особенностей

современного мирового процесса совершенно очевидна необходимость переосмысления и уточнения некоторых фундаментальных понятий мировой политики.

Здесь имеется в виду то, что сегодня уже значительно возросло число мировых игроков, возникли новые интересы, расширились варианты возможных действий, и, соответственно этому, изменилось качество и количество необходимой для этих действий информации.

Сегодня быстро меняются не только соотношения геоэкономических и геополитических факторов, но и условия взаимодействия государственных и негосударственных (трансграничных) политических акторов. Новые игроки, появившиеся на небосклоне современной мировой политики (здесь имеются в виду глобальные ТНК, мегаполисы, общественные и культурные движения всевозможных форм, оттенков и направлений), – неправительственные организации, религиозно-фундаменталистские течения, международные криминальные сети, экстремистские подпольные организации и структуры – уже действуют, как показывает реальность, на ином поле мировых отношений. Они не являются ни выразителями, ни представителями традиционных государственных (национальных) интересов и обязательств, гражданского согласия и выстроенных в определенной логике межгосударственных отношений.

В этом расширяющемся пространстве свободы от ограничений уже не действуют так жестко правила, связанные с традиционными политико-правовыми понятиями, такими как «национальный интерес», «национальный суверенитет», «национальная территория», зато действуют неправовые («теневые») принципы быстрой максимизации выгоды, анархичные способы определения собственных интересов и целей в соответствии с типом игры, в которую эти структуры, движения и организации включены в конкретной ситуации и в каждый данный момент времени [1].

Отсюда, на наш взгляд, совершенно очевидна необходимость политико-правового переосмысления или корректировки некоторых подходов в области внешней политики Республики Казахстан в контексте вышеуказанных особенностей современного мирового процесса. В первую очередь мы имеем в виду «Цветные революции», которые произошли недавно в Восточной Европе, странах СНГ, и которые, как цунами, прокатились в последние годы на Ближнем Востоке. Или же события, которые происходят на Украине. Здесь имеется в виду захват власти участниками Майдана, перехода Крыма к России на основе так на-

зываемого референдума и процессы, которые сегодня происходят на юго-востоке Украины.

Все эти события и процессы, по мнению многих ученых, ясно высветили несостоятельность не только истматовских представлений о развитии современного общества, но также и слабость объяснительного потенциала многих других известных универсалистских парадигм. Здесь имеется в виду то, что ни одна из современных теорий, претендующих на однозначные и законченные трактовки исторического процесса, не оказалась способной не только предугадать, но и даже ясно объяснить суть происходящих процессов. В этом плане совершенно прав российский ученый О. Митрошенков, когда говорит: «В методологическом плане важно то, что нынешний мир существенно отличается от прежнего и не может быть описан и объяснен одной-двумя универсалистскими парадигмами – ни теорией прогресса, ни марксистской концепцией капитализма, ни либерально-рыночными подходами, ни иными моделями, претендующими на однозначные и законченные трактовки исторического процесса» [2].

В реальности современный мир оказался значительно сложнее и разнообразнее, чем все эти теории и экспертные прогнозы. Как показывает анализ «цветных революций», пока аналитики занимаются анализом ситуации и разработкой прогноза, сам объект исследования меняет структуру и направление развития. Появляется «веер сценариев» будущего, которые оказываются полезными только с академической точки зрения, потому что априори являются несостоятельными [3].

Короче говоря, современная реальность ставит перед политическими аналитиками и прогнозистами новые разноплановые задачи, особенно в контексте уроков «цветных революций», а перед международниками – задачи по трактовке и переосмысления действий таких крупных политических акторов, как Россия, США, Евросоюз, Китай. Здесь дело не только в прецеденте, связанном с Украиной и «перехода» или «захвата» Россией Крыма, а в принципе, который фактически открывает дорогу

к пересмотру всей системы международных отношений, международного права, незыблемости границ, суверенитета и территориальной целостности, соблюдения международных договоров и т. п. Здесь, на наш взгляд, возникает ситуация, которая меняет или, точнее, разрушает уже сложившуюся систему международных отношений и международного права. Наглядным примером последнего может служить позиция России и ее президента, которые начинают подходить в своей политике к «точке невозврата». То есть к необратимым последствиям и незапланированным результатам. По мнению некоторых ученых позиция России, к сожалению, напоминает позицию человека из казахской пословицы, который, хотя «с коня слез, а из седла еще нет». Здесь имеются в виду имперские амбиции современной России, которые, по мнению некоторых экспертов, на деле не соответствуют реальному экономическому и военному потенциалу современной России. Дело здесь не только в том, что Россия пересматривает устоявшуюся систему международных отношений, а в том, что пример России в области пересмотра системы международных отношений и права в последние годы не единичен. Это и позиция США в Ираке и Афганистане, и позиция НАТО и стран Евросоюза в отношении Косова и Ливии. Этот печальный список нарушения международного права, к сожалению, можно продолжить. Мы фактически являемся свидетелями реального разрушения международных договоренностей, международных соглашений, международного права. Мы свидетели того, что сегодня фактически нет достаточно сильной и авторитетной организации, которая смогла бы остановить этот международный «беспредел» великих держав. Если до разрушения социалистической системы вся система международного права базировалась на паритете двух мировых систем, то она сегодня нарушена. Если раньше, согласно Дж. Соросу, существовал коммунистический и рыночный фундаментализм, то сегодня доминирует лишь один. Это рыночный фундаментализм со всей его системой ценностей и приоритетов. Высшая цель которого – получение максималь-

ной прибыли. В таких его последних работах, как «Кризис мирового капитализма», «Алхимия финансов» и др., можно видеть очень глубокие сущностные характеристики современного капитализма. Именно эти особенности современного капитализма, на наш взгляд, позволяют немного глубже прояснить сущность и логику современной международной политики.

Рассмотрим подробнее данный тезис. Дж. Сорос в своей работе «Кризис мирового капитализма», характеризуя особенность современного капитализма, совершенно верно отмечает, что в контексте глобализационных процессов, происходящих в системе мирового капитализма, в особо привилегированном положении оказывается финансовый капитал. Он более мобилен, чем другие факторы производства. Как правило, финансовый капитал движется туда, где он получает наибольшие выгоды, поскольку он является предвестником процветания. Все независимые страны борются за его привлечение. Благодаря этим преимуществам, капитал аккумулируется в финансовых институтах и многонациональных компаниях, ценные бумаги которых продаются на биржах, а посредниками в этом процессе являются финансовые рынки. Анализируя эту сферу мировой экономики, ее противоречия в контексте глобализации, Дж. Сорос делает вывод о том, что развитие мирового сообщества отстает от развития мировой экономики. Он считает, что основной единицей политической и общественной жизни по-прежнему остается государство. Международное право и международные институты, в такой форме, в которой они существуют сегодня, еще не достаточно сильны, чтобы предотвратить войну или крупномасштабные нарушения прав человека в отдельных странах. Также, по его мнению, сегодня финансовый капитал, мировые финансовые рынки находятся в основном вне контроля национальных или международных органов. Эти проблемы также усугубляются в контексте современных глобализационных процессов. По его мнению, эти недостатки не признаются мировым сообществом. Более того, до сих пор существует широко распространенное

убеждение в том, что рынки являются саморегулирующимися, а мировая экономика может процветать без вмешательства мирового сообщества. Утверждается, что общественный интерес удовлетворяется наилучшим образом путем предоставления всем возможности удовлетворять собственные интересы, а попытки защитить общественный интерес путем принятия коллективных решений нарушают рыночный механизм. В XIX веке эта идея называлась «свободным предпринимательством» или *laissez faire* (известная доктрина невмешательства государства в экономику). Сегодня эту идею, согласно Дж. Соросу, следует заменить понятием «рыночный фундаментализм» (*market fundamentalism*) [4].

И именно он, по его мнению, делает систему мирового капитализма ненадежной. Однако такое положение дел возникло сравнительно недавно. В конце Второй мировой войны международное движение капитала было ограничено в соответствии с решениями, принятыми в Бреттон-Вудсе, создавались международные институты с целью облегчения торговли в условиях отсутствия движения капитала. Ограничения были сняты постепенно, и только когда в 1980 г. к власти пришли Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган, рыночный фундаментализм стал господствующей идеологией. Именно рыночный фундаментализм предоставил финансовому капиталу управляющее и руководящее место в мировой экономике. Именно он, по мнению Дж. Сороса, опирается исключительно на рыночные силы и поэтому представляет сегодня уже большую опасность открытому обществу, чем тоталитарная идеология.

Поясняя свое заявление о том, как рыночный фундаментализм может угрожать открытому обществу, Сорос говорит, что он представляет угрозу открытому обществу непреднамеренно, поскольку он неверно трактует механизм работы рынков и придает им чрезмерно важное значение. Иными словами, принципы и механизмы рынка неправомерно экстраполируются на область принятия политических решений.

Его критический взгляд на систему мирового капитализма основывается на двух основных моментах. Один из них касается недостатков рыночных механизмов. Здесь имеется в виду в основном неустойчивость, присущая финансовым рынкам. Вторым крупнейшим недостатком системы мирового капитализма является тот факт, что она позволила рыночному механизму и мотиву получения прибыли проникнуть во все сферы деятельности, даже туда, где им нет по существу места. Отсюда всей системе мирового капитализма внутренне присуща нестабильность и непредсказуемость [4].

Это в том смысле, что каждый раз рыночная ситуация в мире складывается из тысяч и тысяч слагаемых, которые практически невозможно учесть. В виду этих особенностей невозможно точно предсказать, что последует в дальнейшем. Здесь можно говорить лишь о некоторых общих особенностях или контурах развития мировой экономики. Другими словами, в точном смысле нет экономической науки, как считал Ф. Хайек [5].

Другой особенностью современного финансового рынка является то, что оно зависит от решений, принимаемых людьми. То есть финансовые рынки сегодня, активно формируют реальность, которую они, в свою очередь, и отражают. Короче говоря, в этом процессе активную роль играют и субъективные факторы.

К этому положению мы бы добавили, что сегодня не только в области экономики, но и практически во всех общественных науках, особенно в результате глобализации, сделавшей современный мир необычайно сложным и взаимозависимым, нет глубоких объяснительных схем и теорий, способных объяснить многосложные противоречивые процессы, которые происходят в общественной жизни и в мировой политике. На наш взгляд, в современной общественной науке происходит то, что было в свое время в области физики. Здесь мы имеем в виду то, что с открытием микромира была осознана исчерпанность объяснительного потенциала классической физики для понимания элементарных частиц. Эта ситуация привела к тому, что физики были вынуждены создать кван-

товую механику с ее принципиально новыми методами объяснения. Аналогично этой ситуации, на наш взгляд, современная общественная наука вышла на новый, более сложный уровень реальности, связанный в первую очередь с глобализационными процессами, которые однозначно показывают исчерпание объяснительного потенциала старых универсальных парадигм для объяснения сложных современных общественных процессов. В частности, они продемонстрировали также и ошибочность многих футурологических прогнозов о развитии современного общества. Говоря иначе, современный мир оказался значительно богаче и разнообразней, чем многие существующие общественные теории и экспертные прогнозы. Для его объяснения и понимания сегодня нужны новые методы и новые теории, аналогичные принципам и методам квантовой физики.

Помимо аналогии, которую мы провели между физикой и общественной наукой, на наш взгляд, здесь также можно провести и другую параллель, в данном случае между классическим капитализмом и современным неокapитализмом, в которой, несмотря на наличие множества оттенков и видов, доминирующим является либеральный или неолиберальный капитализм. Или, как говорит Дж. Сорос, рыночный фундаментализм.

Как известно, капитализм с момента своего возникновения, пройдя «стихию рынка», нерегулируемый рынок вынужденно перешел на путь законодательного введения норм цивилизованной предпринимательской практики и рынка, а также гуманизации всей системы социально-экономических отношений. Это было связано с тем, что капиталисты в свое время, ясно осознав экономические и социальные риски монополистического капитализма в виде социальных и революционных потрясений, или, как говорят некоторые философы, «прочитав Маркса», сумели создать солидную политико-правовую базу регулирования монополий и конкуренции, которые неизбежно вели общество к поляризации богатства и нищеты. С другой стороны, капиталисты были вынуждены совершенствовать капитализм, решать

социально-экономические проблемы в силу угроз политических и социальных рисков, которые порождал этот строй. Ну и наконец, еще одним важнейшим фактором, сдерживающим и вынужденно смягчающим агрессивную природу капитализма, явился реальный социализм, который был для трудящихся как бы одной из возможных альтернатив для существующего капитализма. Сегодня для современного мирового капитализма ТНК нет не только никакой серьезной альтернативы, но и вообще нет ничего, что могло бы отрезвить и поставить в более справедливые и политико-правовые рамки. Главным, как и в традиционном капитализме, остается выгода, прибыль, которая в отличие от традиционного не имеет ни моральных, ни политико-правовых ограничителей, которые бы сдерживали агрессивную природу современного рыночного фундаментализма. И эта особенность современного капитализма с такими высшими ценностями, как выгода и сила, снова, как и прежде, определяет систему отношений во внешней политике. Неизбежным следствием этого процесса является заметное проявление негативных последствий и рисков, возникающих в процессе экономической глобализации.

Как показывает практика, вопреки ожиданиям оптимистов, глобализация отнюдь не сопровождается большей стабилизацией и сокращением бедности в мире. Более того, в процессе глобализации в мире возникли новые линии социально-экономического размежевания, новые формы бедности и зависимости, что неизбежно порождает народный протест против растущей несправедливости современного мира, против всепроникающего в него засилья крупного капитала, стремящегося, оседлав постоянно ускоряющийся процесс интернационализации мирохозяйственных связей (глобализация), навязать человечеству свои законы и игры. Навечно закрепить деление мира на бедных (развивающиеся страны) и богатых (страны «золотого миллиарда»), а внутри «мира богатых» – на очень богатую элиту, обслуживающий ее средний класс, и абсолютных маргиналов, вынужденных не жить,

а прозябать в совершенно неприемлемых для человека XXI века условиях [6].

Короче говоря, современный неокapи- тализм (или рыночный фундаментализм) фактически повторяет или проходит путь классического капитализма. Отсюда, на наш взгляд, учитывая опыт и издержки классического капитализма, было бы логично и целесообразно введение его в рамки международного права, на путь цивилизованной политико-правовой предпринимательской практики и рынка, как это сделали в свое время капиталисты. Другими словами, подобно известному опыту регулирования традиционным капитализмом, монополиями и конкуренцией, на современном этапе уже есть настоятельная необходимость введения в рамки политико-правового пространства, в рамки международного права проходящий почти бесконтрольно процесс глобализации, который несет в себе все пороки и недостатки монополизированной экономики, только гораздо в более крупных масштабах и последствиях.

Сегодня, особенно в свете так называемых «цветных революций» или «запланированных хаосов», стало совершенно очевидно, что современное мировое сообщество не только недостаточно уделяет внимание этим процессам, но и не имеет действенных механизмов по их регулированию. Действительно, сегодня все мы свидетели того, что ни одна международная организация, в том числе и ООН, не способна предотвратить эти процессы, открыто нарушающие международные договоренности. В этом плане самоустранение крупнейших мировых держав от глобальных процессов и их саморегулирования по принципу «невидимой руки рынка» совершенно неправильно, как и попытка «единолично» управлять развивающимися странами со стороны США или Запада в целом с использованием таких инструментов, как НАТО или МВФ. На наш взгляд очень важной на современном этапе является задача укрепления статуса ООН, а также формирования межгосударственных структур и институтов, способных ответить на новые вызовы, дополнить глобализацию

экономики и финансов всемирной политикой и всеобщей безопасностью. Или же создание новой сильной международной организации, которая, отражая интересы всех членов международного сообщества, была бы в состоянии обеспечить справедливый и сбалансированный подход к глобальным проблемам.

Очень важно при этом, чтобы в процессе выработки этих международных документов участвовали бы все страны и заинтересованные бизнес-структуры. Это особенно важно для стран Центральной Азии и Казахстана, экономика которых особенно уязвима в процессе глобализации. В этом плане очень своевременна и уместна инициатива Главы государства о создании общечеловеческой платформы по обсуждению глобальных проблем человечества, как Global, которая ежегодно проводится в Астане.

---

1. Следзевский И.В. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики. // *Общественные науки и современность*, №2, 2011, с. 141–156.

2. Митрошенков О. Цивилизационные вызовы и управленческие ответы в начале XXI века. *Свободная мысль*. №5, Май 2011, с. 191–202.

3. Карякин В. Информационно-сетевые войны. *Свободная мысль*. №5, Май 2011, с. 155–162.

4. Смотрите более подробно. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. Пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 1999. – XXVI, 262 с.

5. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Изд. Новости. М. 1992. С. 29.

6. Мир и Россия на пороге XXI века: Вторые Горчаковские чтения. МГИМО МИД России (23–24 мая 2000 г.) – Мю: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 576 с.

---

1. Sledzevskij I. V. Dialog civilizacij kak smyslovoe pole mirovoj politiki. // *Obshestvennye nauki i sovremennost'*, №2, 2011, s. 141–156.

2. Mitrosheikov O. Civilizacionnye vyzovy i upravlencheskie otvety v nachale XXI veka. *Svobodnaya mysl'*. №5, Maj 2011, s. 191–202.

3. Karyakin V. Informacionno-setevye vojny. *Svobodnaya mysl'*. №5, Maj 2011, s. 155–162.

4. Smotrite bolee podrobno. Soros Dzh. Krizis mirovogo kapitalizma. *Otkrytoe obshhestvo v opasnosti*. Per. s angl. – M.: INFRA-M, 1999. – XXVI, 262 s.

5. Hajek F. A. Pagubnaya samonadeyannost'. Izd. Novosti. M. 1992. S. 29.

6. Mir i Rossiya na poroge XXI veka: Vtorye Gorchakovskie chteniya. MGIMO MID Rossii (23–24 maya 2000 g.) – Myu: «Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya» (ROSSPE'N), 2001. – 576 s.

UDC 327

ABOUT GLOBALIZATION CALLS IN THE MODERN POLICY

Bulekbaev Sagadi Bayuzakovich,

Kazakh university of the international relations and world languages of a name of the Abylaj-khan,
Doctor of Philosophy, professor,
Almaty, Kazakhstan,
E-mail: sagadi58@mail.ru

Bulekbaeva Rasiya Udarbaevna,

University Sulejman Demirel,
Candidate.sciences of law, the senior lecturer,
Almaty, Kazakhstan,
E-mail: sagadi58@mail.ru

Annotation

The article points to the need to revise the methodology for analysis of contemporary international relations, which revealed the weakness of their explanatory potential especially the example of the results of so-called «color revolutions». The thesis of the need for an authoritative international organization capable to curb political «chaos» of the great world powers is founded.

Key words:

modern world, politics, international relations, «color revolutions», sovereignty, law, market fundamentalism, capitalism, international law, the UN, the U.S.A., the IMF, the market, transnational corporations, «golden billion».

ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ

Малышев Михаил Алексеевич,

профессор-исследователь Гуманитарного факультета
Автономного университета штата Мехико,
координатор научного журнала *Ciencia ergo sum*,
г. Толука (Мексика),
E-mail: mijailmalychev@yahoo.mx

От всех других живых существ человека отличает сознание собственной смерти, но еще больше – *стремление не умирать*: самого абсурдного и самого неискоренимого из всех его желаний.

Защита от угрозы и преодоление преграды – главные стимулы на пути изобретательности.

Крах иллюзий, не сопровождающийся обретением житейской мудрости, чреват цинизмом – предвестником душевной пустоты.

Если одни люди покрыты носорожьей кожей, то другие – сплошной комок нервов: что одним только смутно грезится, то другие переживают как ужасный кошмар.

Если бы люди научились превращать ненависть в презрение, то, вероятно, выиграла бы терпимость, но проиграла бы их решимость бороться со злом.

Главное достоинство фактов заключается в упрямстве. Будь это не так, мир превратился бы в рай для демагогов.

Настоящее никогда не станет тем, чем оно уже было. Но сослагательное наклонение никогда не откажется от своих притязаний преподавать настоящему урок насчет того, что могло бы случиться, если бы событие не произошло или произошло, но совсем по-другому.

Даже римский понтифик почувствовал бы себя пристыженным, если бы Бог начал заглядывать в его сны.

Сослагательное наклонение – это «школа» тренировки воображения неудачника.

Кто добился успеха, того тайно свербит сомнение: сможет ли он повторить достигнутое? Ведь *Двадцать лет спустя*, увы, – это не *Три мушкетера*.

Жестокая антитеза – *быть или не быть* – может быть «преодолена»: *прозябать на грани жизни и смерти*.

Только восприятие – *свидетель бытия*. Мысль о тысяче рублей не сделает меня богаче, если мое восприятие не подтвердит наличие этой суммы в моем кармане.

Несчастье находит утешение в словесных изливаниях, а счастью не хватает, к несчастью, воображения для занимательного рассказа.

Утрата способности к самостоятельному мышлению ведет не только к торжеству посредственности, но и чревата превращением зла в банальность.

Власть, слава и богатство превращают человека в «сверхчеловека». Но сверхчеловек, пониженный до звания «рядового», увы, ощущает себя «недочеловеком».

Что такое подозрительность как не паранойя сомнения.

Неудовлетворенность собственным бытием – от жалобы до невроза – это следствие эволюционной недоделанности человека и источник мании ложного величия.

Осуществление цели приносит нам радость, хотя реальный результат не обязательно окажется залогом счастья.

Неизбежность случившегося освобождает нас от ответственности, но не избавляет от вздохов сожаления.

Для кого детство не было *раем*, тому трудно понять *жизненную драму* зрелого человека.

Кто навязывает свою волю слабому, тот неявно допускает «право» более сильного попираť его волю; человек безответственный заранее выдает «санкцию» недоверия на свои пустые обещания, а человек бестактный не может рассчитывать на сочувствие в ответ на свою грубость. Всем этим людям недостает

элементарного воображения, чтобы поставить себя на место другого.

Любовь – это революция чувств, которая, увы, может привести к утрате чувства реальности.

Желание выжить превращает человека в волка, а *стремление жить хорошо* заставляет последнего облачиться в овечью шкуру.

Надежда – мать всех иллюзий, но только некоторым из них, прошедшим через горнило иронии судьбы, удастся стать чем-то реальным, хотя и весьма потрепанным, как бродячая собака.

Только нетерпеливо ожидая прихода желаемого или стремясь избежать неминуемого, мы способны понять что такое будущее и какую огромную роль оно играет в переживании настоящего.

Вначале мы испытываем к человеку безотчетную симпатию или антипатию, а уж потом подбираем и «аргументы» для обоснования отношения к нему.

Человек раскрывается не столько в своих достижениях, сколько в своих неудачах, а еще больше в тех оправданиях, которые он дает последним.

Поскольку наша сущность не всегда совпадает с существованием, время от времени мы приподносим себе неожиданные сюрпризы.

Человек жаждет славы, и когда он убеждается в том, что его желание не соответствует

его способностям, он превращается в самого *разуверившегося скептика*.

Мы можем простить человеку его дурной вкус, глупую жадность, мелкую хитрость. Но как только за этими гадостями мы начинаем прозревать подлость, так в нас зарождается волна ненависти, которая сметает скрепы «вежливого презрения».

Чтобы приумножить свои достоинства, человеку надо для начала перестать мириться с собственными недостатками.

Циник считает, что никто не способен возвыситься до открытого признания собственного ничтожества, и это дает ему «основание» ощущать свое превосходство над всеми.

С волками жить – по-волчьи выть, а жить с людьми – значит, уметь ладить со своими сородичами, которых человек презирает, но без которых, увы, он не может и обойтись.

Познай самого себя и перестань обвинять своего ближнего в собственных недостатках!

Что такое угрызение совести как не *шантаж* настоящего прошлым в сослагательном наклонении.

Из того, что ад – это другие, еще не следует, что рай – это «я».

Иногда судьба ему улыбалась, но не для того, чтобы дать ощущение счастья, а для того, чтобы проверить: все ли у него в порядке с чувством юмора.

Если жизнь в настоящем исчерпывается надеждой на лучшее будущее или воспоминаниями о славном прошлом, то такое настоящее, увы, не является *настоящим*.

Когда мы становимся участниками или свидетелями необычайных событий, наше удивление подогревается тем, что мы воображаем себя в роли рассказчиков необыкновенных историй.

Когда человек делает вид, будто он гордится своими недостатками, то он просто бросает вызов чужому презрению.

Жизнь – это учитель, который постоянно задает нам каверзные вопросы, но объясняет окончательный смысл своих уроков только в сослагательном наклонении.

Смерть – это трагедия хотя бы потому, что человек умирает раньше, чем исчезает его желание жить, а тем более наслаждаться прелестями бытия.

«Ты жаждешь стать самим собой. В добрый час, и пусть Бог тебе поможет себя вытерпеть!».

Бескорыстному преклонению перед величием классиков минувших эпох мы обязаны верой в преимущество настоящего перед прошлым.

Кто дает заведомо невыполнимые обещания, тот, сам того не осознавая, исповедует кредо – «после нас – хоть потоп».

Разочарование выщипывает перья из крыльев надежды, зато вырабатывает иммунитет против отчаяния.

Что такое идея вечности как не «тихая заводь» человека, измученного изнурительной гонкой становления.

Самое важное, чему может научить нас отрицательный опыт, – это очертить границы возможностей наших способностей.

Человек одержим жаждой признания еще и потому, что хотел бы иметь для других большее значение, чем другие имеют для него.

Только временно позабыв о времени, можно создать нечто такое, что могло бы выдержать проверку на прочность веками.

Кто полагает, что лучшее для него еще не наступило, завидует тому, для кого худшее осталось уже позади.

SELECTED APHORISMS

Malyshev Mikhail Alekseevich,

The professor-researcher of Humanitarian faculty Independent university of state of Mexico City,
The co-ordinator of scientific magazine Ciencia ergo sum,
Toluca (Mexico),
E-mail: mijailmalychev@yahoo.mx

СОПРОТИВЛЕНИЕ ДИФФУЗИИ: РЕАКЦИЯ РОССИИ И КИТАЯ НА ВОЛНЫ МАССОВЫХ ВОССТАНИЙ ПРОТИВ АВТОРИТАРНОЙ ВЛАСТИ*

Рецензия на статью Karrie J. Koese «Diffusion-Proofing: Russian and Chinese Responses to Waves of Popular Mobilizations against Authoritarian Rulers»

Агашкова Полина Игоревна,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
 Институт социально-политических наук,
 Кафедра теории и истории политической науки,
 магистрант,
 г. Екатеринбург, Россия,
 E-mail: polina.gotovegas@gmail.com

В материале, на который представлена рецензия, поднимается проблема изучения такого явления как «межнациональная диффузия» (cross-national diffusion) в контексте существования революционных и протестных настроений в государствах с авторитарной властью и влияния подобных волн протеста на территориально соседствующие государства. Кроме того, в статье рассматриваются способы противодействия этому процессу, которые применяют власти, обеспокоенные возможностью аналогичных массовых восстаний в стране. В данном случае речь идет о мерах, принимаемых российскими и китайскими властями. Автор статьи утверждает, что это наиболее удачный выбор – обе страны имеют за плечами «коммунистическое» прошлое, и представляют собой два разных типа авторитарного режима правления – конкурентный в России и неконкурентный в Китае. Причем, надо признать – в обоих случаях возникают свои риски.

Данная статья, опубликованная в американском научном журнале «Perspectives on Politics» в сентябре 2013 года, как никогда

актуальна сейчас, несмотря на то, что в ней анализируются события конца 1990-х и первого десятилетия 2000-х, когда мир охватила эпидемия «цветных» революций и арабских восстаний. Своевременность статьи очевидна – буквально через два месяца после ее выхода на Украине быстрыми темпами начала развиваться предреволюционная ситуация, связанная с недовольством украинцев решением своего правительства о приостановлении подготовки к подписанию Соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом. Началом новой революции можно считать 21 ноября 2013 года – так же, как и 22 ноября 2004-го, негодующий народ вышел на мирную демонстрацию на Майдан Незалежности – центральную площадь Киева. Однако, на этот раз, из «мирной» она очень быстро превратилась в предвестницу настоящей революции в ее «классическом» понимании, в кровавое гражданское столкновение, в котором сторонники европейской интеграции Украины, помимо решения насущного вопроса, требовали отставки правительства и президента (по-прежнему, Виктора Януковича), что уже дает право говорить о последних событиях как об очередной Цветной революции.

* Статья опубликована в журнале «Perspectives on Politics» в сентябре 2013 года / Vol. 11, №3. (стр. 753–768)

Исследование, представленное в статье, проведено профессором политологии Университета штата Орегон Carrie J. Koese. Ее приоритетными научными интересами являются вопросы авторитарной устойчивости и способов блокирования демократических настроений, в частности при изучении политики России и Китая. Данный материал посвящен проблемам такого явления как «*cross-national diffusion*», то есть межнациональной диффузии и ее последствиях. В данном случае речь идет о распространении на международной арене волны недовольства граждан политической ситуацией в своей стране.

Область исследования сужается конкретно к проблеме использования «средств защиты» от данного немаловажного явления в политическом мире, которые применяют государства во главе с авторитарными властями, а именно, речь идет о России и Китае. Автор пытается выяснить, действительно ли российские и китайские власти, несмотря на различные политические режимы – авторитарный в Китае и демократический в России (по большей части, конечно, он является таковым в теории), принимают срочные меры при первой же угрозе любых массовых движений в стране, опасаясь восстаний народа, которого как раз таки их авторитарный тип правления и не устраивает.

Ситуация рассматривается на примере «цветных» революций на постсоветском пространстве и арабских восстаниях, которые могли представлять опасность распространения нежелательных для властей политических настроений в России и в Китае, соответственно.

Carrie J. Koese ставит перед собой задачу выявить небезосновательность и аргументированность данных рассуждений, в результате делая вывод о том, что несмотря на «мнимую» опасность распространения революционных настроений, власти России и Китая предприняли ряд упреждающих нежелательное для них развитие событий, мер. Также автор статьи, в связи с рассмотренной им ситуацией, делает акцент на важности исследований в области изучения стратегических основ авторитарной устойчиво-

сти, призывая исследователей и студентов, научные интересы которых связаны с вопросами диффузии, обратить внимание на то, что географический охват явления межнациональной диффузии гораздо шире, чем принято считать в научных кругах, и нужно тщательнее изучить «поведение» стран, находящихся в данном процессе в роли «сопротивляющихся» данному процессу, или тех, кто находится в роли «преемников».

Одним из ключевых определений феномена диффузии в статье приводится следующее: «Это процесс, при котором прошедшие события, скорее всего, определяют события будущие». Под явлением «*cross-national diffusion*», в свою очередь, понимается «передача между странами инновационных идей, продукта, а также сценария политического поведения». При этом автор подчеркивает, что помимо этого общепринятого в международных научных кругах определения данного процесса нужно помнить и о том, что существуют не менее важные черты явления диффузии, а именно, – роль внешних и внутренних факторов и стратегии, обеспечивающих ее распространение, а также обратного процесса – то есть сопротивления ее влиянию стран с «авторитарными лидерами» во главе. Интересно, что последние оказываются в очень нестабильном и «нервном» состоянии в отношении этого межнационального процесса – что странно, учитывая высокую степень интегрированности большинства стран с авторитарными режимами (в отличие от своих предшественников во времена «Холодной войны») в международную систему, что и представляет собой одну из основных угроз для «авторитарных лидеров». Поэтому, вполне логично, что они предпочитают оказывать такой тенденции сопротивление.

Carrie J. Koese с большой уверенностью утверждает – нет сомнений в реальности таких угроз: за последние двадцать лет имели место быть три межнациональные волны – вызовы коммунистическому режиму в СССР, Восточной Европе и Китае во времена «перестройки», «цветные» революции (1998–2005 гг.) и араб-

ские восстания (с 2010 г. по настоящее время). Благодаря этим течениям со своих должностей было свергнуто более двадцати «авторитарных лидеров». Поэтому сейчас стоит ожидать от президентов России и Китая развертывания стратегии, препятствующей влиянию на «своих» граждан опыта мятежных настроений, имеющих место в странах по соседству.

При этом нужно помнить, что подобное «сдерживание» имеет свои риски. Подобные репрессии, пусть и в мягкой завуалированной форме, могут наоборот привести к росту народного негодования. Кроме того, само по себе существование подобных действий власти может поставить под сомнение «непоколебимость» авторитета политического лидера, посылая некий сигнал всем гражданам и оппозиционным силам о том, что власть обеспокоена своим положением.

Итак, цель данного исследования состоит в оценке принимаемых властями мер и выявления конкретных условий, при которых они решаются на данный шаг. Решение поставленной задачи автор видит в использовании сравнительного метода, объектом которого станут конкретно Россия и Китай (во временной промежуток с 1998 по настоящее время). Сравнение этих стран представляется автору крайне интересным – с одной стороны, обе страны имеют большую историю партийного коммунистического правления, с другой стороны, – это два разных типа авторитарных режимов – конкурентный в России и неконкурентный в Китае. При таких условиях китайские власти более «вооружены» в возможности подавления любых негативных настроений в стране. Причем в то время как оба государства уязвимы в отношении народных восстаний по той простой причине, что они имеют авторитарный тип правления, Россия все же попадает в этом плане в большую зону риска, так как российские граждане имеют право избирательного голоса.

Так, сравнение «цветных» революций и арабских восстаний, помогает наглядно показать автору наличие этих особенностей. Например, стоит обратить внимание на то, что первая волна (то есть «цветные» революции)

была адаптирована под использование политических возможностей, которые дает конкурентный авторитарный режим с возможностью голосовать, вторая (арабские восстания) отражает невозможность подобного на Ближнем Востоке и в Северной Африке (странах MENA), что отразилось в крупномасштабных массовых восстаниях на улицах.

Прежде чем приступить к исследованию, автор подробно останавливается на вопросе выявления так называемых «двигателей диффузии», которые и определяют распространение тех или иных идей и настроений между государствами. Другими словами, это определенные условия, при которых этот процесс становится возможным. А именно: свободный доступ к информации о восстаниях, а также представления об их благоприятном исходе в странах, схожих по географическому, политическому, экономическому и другим признакам. Кроме того, это и возможность существования оппозиции, и гражданского общества в целом, а также возможность доступа к «внешней» поддержке посредством новых ИКТ.

В свою очередь, среди мер сопротивления процессу межнациональной диффузии определяются следующие: средства «устрашения» масс, контроль над поступающей извне информацией, показательное обнародование кардинальных конъюнктурных различий (игра на контрастах), а также показательные обещания властей осуществления грядущих реформ, внедрение так называемых «демократических украшений». Кроме того, проводится демобилизация гражданского общества и осуществляется полный контроль над его действиями.

Начиная сравнивать Россию и Китай, Katie J. Coesel указывает, что угрозы восстаний можно различить по двум признакам – территориальной близости в случае с Россией и странами постсоветского пространства, и по схожести режимов, то есть неконкурентного авторитаризма – в случае с Китаем и Ближним Востоком.

Так, в данном исследовании приведены примеры предпринимаемых властями действий во время указанных выше восстаний. В случае России и «цветных» революций сыграли

роль публичные речи Владимира Путина, подчеркнувшего абсолютное различие Грузии, Украины и Кыргызстана, переживших революции, с Россией. Он назвал их странами «бывшего Советского Союза», тем самым подчеркнув их зависимость от Запада, а также значение регионального гегемона, то есть России. Кроме того, сыграли роль государственные СМИ, писавшие о том, что эти революции были заказаны США с целью ослабить Россию и способствовать своей гегемонии в Восточной Европе и Евразии. Надо сказать, что эти действия сыграли свою роль – по данным социологических исследований очень маленький процент (3–6%) россиян считают, что жизнь в этих странах улучшилась после революций.

Кроме того, был сделан упор на демобилизацию потенциальных ключевых участников восстаний – молодежи, в адрес которой была развернута активная политика по организации ее деятельности, в том числе политической, – в различных организациях, Молодежном парламенте, и т. д.

В Китае даже поощрялись небольшие восстания, так называемые «карманные протесты» – с целью выявления местных «нарушителей спокойствия» и установления контроля над данными процессами. Carrie J. Koesel подчеркивает, что «цветные» революции, прошедшие в странах с конкурентными политическими режимами, представляют опасность и для Китая, так как события, прошедшие в более репрессивных условиях, имели выход в уличных восстаниях, которые являются угрозой для любого авторитарного режима. Во время же арабских восстаний как Россия, так и Китай сделали все, чтобы ограничить поток поступающей информации. Например, в Китае развернулась жесткая интернет-политика в этом отношении, например, была введена армия спонсируемых государством блоггеров, а также привлечена интернет-полиция и система технических фильтров.

Рассматривая в подобном ключе основные события тех лет и меры предупреждения подобных процессов в России и в Китае, автор приходит к выводу, что независимо от терри-

ториального и «содержательного» факторов, русское и китайское руководство увидело в обоих случаях опасность для будущего своего авторитарного правления. В данном случае можно говорить о том, что процесс диффузии был своеобразной проверкой для лидеров обеих стран, на которую они не смогли не отреагировать, развернув глобальную стратегию по упреждению любой возникающей опасности и предупреждению всех рисков.

Осознание этой данности, по мнению автора, имеет большое значение для понимания стратегических основ авторитарного правления. Кроме того, проведенное исследование вносит свой вклад в понимание диффузии в разных направлениях – особенно это касается консервативного подхода в ее понимании, когда речь идет только о географическом факторе и не принимаются во внимание остальные, в том числе роль в этом процессе политических акторов.

Также Carrie J. Koesel приходит к выводу, что основными «двигателями диффузии» являются схожая конъюнктура государств и знание о благоприятном опыте тех или иных политических событий в них, а также формирование коалиций среди отечественных и международных субъектов, одни из которых разрабатывают идеи, а другие их воплощают.

Сквозь призму последних событий на Украине, которые и по сей день стремительно развиваются, приобретая все новые повороты, интересно с помощью данной статьи посмотреть на проблему мобилизации масс при возникающих и стремительно распространяющихся протестных настроениях, увидеть какое влияние на эти процессы оказывают внешние факторы, в том числе и отдельные политические акторы влиятельных государств. При этом проанализировать реакцию российских властей на текущую ситуацию или попытаться спрогнозировать их ответные действия. Ссылаясь на предложенные рассуждения Carrie J. Koesel, стоит задуматься – можно ли считать решение о введении вооруженных сил России на территорию Крыма, принятое Президентом РФ, как раз таки реакцией на опасность между-

циональной диффузии, помимо всего прочего? И можно ли расценивать это решение как некую демонстрацию силы и превосходства, а также воспринять данный шаг как меру сопротив-

ления Волне протестных настроений, которая в свою очередь вызвана обеспокоенностью победы Евромайдана? Оставим эти вопросы пока открытыми, будем следить за событиями.

REVIEW ON THE ARTICLE KARRIE J. KOESE «DIFFUSION-PROOFING: RUSSIAN AND CHINESE RESPONSES TO WAVES OF POPULAR MOBILIZATIONS AGAINST AUTHORITARIAN RULERS»

Agashkova Polina Igorevna,

Ural Federal University after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Institute of social-political sciences,
undergraduate of political sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: polina.gotovegas@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ SOFT POWER: ТЕОРИЯ, РЕСУРСЫ, ДИСКУРС

Доклады

Государственное и муниципальное управление сквозь призму soft power

---

SOFT POWER КАК ПРОЯВЛЕНИЕ «АДМИНИСТРАТИВНОЙ МОДЫ» (НА ПРИМЕРЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В КИТАЕ)*

Дьякова Елена Григорьевна

Институт философии и права УрО РАН,
ведущий научный сотрудник отдела философии,
доктор политических наук,
г. Екатеринбург,
E-mail: gf-urfo@bk.ru

Аннотация

Статья Е.Г. Дьяковой «Soft power как проявление «административной моды» (на примере формирования электронного правительства в Китае)» посвящена анализу управленческих заимствований. Глобальная административная мода имеет явные характеристики «мягкой силы». Ее воздействие ограничено: она используется для риторического обоснования при принятии ситуативных решений.

Ключевые слова:

soft power, управленческая мода, электронное правительство.

Одним из важнейших проявлений soft power можно считать «административную моду». Проблематика заимствования чужих управленческих моделей была подробно исследована в т.н. теории «модного менеджмента» («management fashion theory») на основе изучения корпоративных реорганизаций. Э. Абрахамсон определил «модные управленческие реформы» как «преходящую коллективную веру, распространяемую

тренд-сеттерами, в то, что та или иная технология приведет к рациональному прогрессу в управлении» [7, с. 257]. Глобальная административная мода имеет явные характеристики «мягкой силы», так как коллективная вера формируется безо всякого принуждения, на основе добровольного взаимодействия с экспертами и осознания привлекательности модели. Эта вера может касаться концептуальных оснований управления (как

---

* Статья подготовлена в рамках программы научных исследований УрО РАН «Общественные науки и модернизационные вызовы XXI века»

теория «нового государственного менеджмента»), а может затрагивать отдельные его аспекты.

Проявлением глобальной административной моды можно считать формирование и развитие в самых разных странах мира «электронного правительства». Под этим эффектным названием скрывается процесс использования в государственном управлении информационных технологий. Но заимствуются не просто определенные технологические решения, а связанная с ними риторика, на основе которой строятся организационные модели.

Сама идея «электронного правительства» была сформулирована в США в ходе первого президентства Б. Клинтона, а термин введен в 1993 году вице-президентом США А. Гором в ходе подготовки очередной, одиннадцатой по счету в двадцатом веке реформы государственного управления. Электронное правительство было призвано резко повысить эффективность коммуникаций внутри и между органами власти, а также между органами власти и обществом, одновременно обеспечив сокращение расходов на управление.

В 2001 году Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН (UN DESA) приступил к мониторингу готовности стран мира к электронному правительству. (С 2008 года речь идет о мониторинге развития электронного правительства, поскольку большинство стран мира перешли от подготовительной стадии к оказанию электронных услуг и другим формам взаимодействия с гражданами в электронном виде). Тем самым был зафиксирован международный статус новой административной моды, и американское превратилось в глобальное.

Под электронным правительством в мониторинге UN DESA подразумеваются процессы предоставления государственных услуг и участия граждан в управления при помощи современных информационных технологий. Термин является неотъемлемым элементом глобального дискурса «информационного общества» и выступает в качестве системообразующего элемента в разнообразных правительственных документах (стратегиях, концепциях, целевых программах и т. п.), направленных на повышение качества управления, как на международном, так и на страновом и региональном уровнях).

В процессе мониторинга эксперты ООН проводят анализ официального сайта/портала правительства соответствующей страны, а также сайтов/порталов министерств, непосредственно отвечающих за развитие человеческого капитала: здравоохранения, образования, социальной защиты, труда и финансов. При расчете рейтинга учитывается наличие или отсутствие той или иной электронной услуги, начиная с самого факта наличия соответствующего официального сайта или портала и заканчивая предоставлением государственных электронных услуг «полного цикла». Кроме того, при составлении рейтингов ООН учитываются уровень развития информационно-коммуникационной инфраструктуры (прежде всего – уровень проникновения широкополосного доступа) и уровень развития человеческого капитала (доля людей со специальным образованием в общей численности населения).

Последний отчет вышел в 2014 году. Первую позицию в нем, как обычно, заняла Южная Корея, вторую–пятую – Австралия, Сингапур, Франция и Нидерланды. Россия находится на 27 позиции (как и в 2012 году). Китай занимает в данном рейтинге 70 место (в 2012 году – 78) в основном в связи с проблемами с развитием инфраструктуры и качеством человеческого капитала в китайской деревне [14].

Таким образом, все страны мира оцениваются по единой шкале и участвуют в общем процессе административных реформ.

Однако поскольку на практике политические режимы и административные традиции могут достаточно сильно различаться, глобальные управленческие рекомендации используются в качестве риторического обоснования при принятии ситуативно обусловленных решений. Тем самым оказывается, что *soft power* имеет вполне определенные границы.

Как показали Дж. Бендерс и К. ван Веен, за «коллективной верой» в прогрессивные технологии скрывается борьба между участниками реформ за право определить их концепцию. В процессе этой борьбы осуществляется избирательная адаптация отдельных элементов предлагаемой реформы, причем возможна ситуация, когда между словами и действиями не будет вообще никакой связи [9]. Поэтому то, что по форме выглядит как проявление «мягкой силы», на практике может вы-

полнять функции противоположные тем, которые были заложены в модель изначально.

В основе избирательной адаптации административных моделей лежат уже сложившиеся управленческие традиции. Даже в том случае, если эти традиции считаются устаревшими и малоэффективными, отбор решений, которые, по их мнению, способны скорректировать сложившуюся ситуацию, определяется локальными управленческим опытом.

Истории известны случаи резкого слома собственной традиции и переноса чужих административных традиций на национальную почву. Классическим в этом плане является опыт государственного строительства в Японии, которое началось с заимствования китайской системы государственного управления, несмотря на то, что она слабо стыковалась с японскими реалиями [2, с. 181]. В XIX веке в рамках Реставрации Мэйдзи (1859–1912) было осуществлено аналогичное заимствование западных управленческих моделей. Как показано в исследовании Э. Уэтни [15], при этом использовались скорее общие принципы и способы организации «рациональной бюрократии», чем какая-либо конкретная ее форма, внедренная на Западе. Иными словами, имело место кросс-культурное генерализованное заимствование.

Выводы Э. Уэтни могут быть обобщены и для других стран дальневосточного ареала, включая Китай как главную державу региона. Модернизация в этих странах основывалась на сознательном заимствовании управленческих моделей. В XX веке, по замечанию А. Н. Ланькова, сторонники построения «государства как в СССР», отчаянно боролись со сторонниками построения «государства как в США» [3].

Описанный Т. Кристенсенем, Д. Лишэнем и М. Пейнтером процесс модернизации системы управления пост-маоистского Китая [10] вполне можно проанализировать, как отход от советской схемы в пользу генерализованных западных моделей.

С этим согласны и сами китайские исследователи. По их мнению для современного Китая характерен синтез нескольких управленческих традиций: «все преобразования осуществляются на путях социализма с китайской спецификой, а если заимствования из западной модели ре-

формирования и происходят, то только с учетом накопленного опыта и учета конкретной ситуации» [6, с. 47]. Иными словами, заимствования носят прагматический характер и оцениваются с позиций вероятной эффективности.

В результате китайская управленческая система представляет собой сложное переплетение традиционных практик, унаследованных от имперского прошлого (несмотря на прокламируемое отрицательное к нему отношение), советского наследия и модных западных заимствований.

При этом происхождение той или иной практики не всегда можно определить однозначно: например, такой важнейший антикоррупционный инструмент, как Контрольная комиссия КПК по дисциплинарной проверке, может вести происхождение, как от советской Комиссии партийного контроля, так и от имперского цензората «юйшитай» [4].

Адаптация «электронного правительства» также осуществлялась «с учетом накопленного опыта и учета конкретной ситуации».

С самого начала целью электронного правительства в Китае провозглашалось «усиление центра», т. е. ужесточение контроля центральных органов власти над местными, что рассматривалось как эффективный инструмент предотвращения и пресечения коррупции [11]. Соответственно основные усилия были направлены на формирование инфраструктуры обмена информацией между органами власти, а не на улучшение качества государственных услуг, повышение прозрачности и подотчетности (что является официальной целью внедрения электронного правительства в глобальном управленческом дискурсе) [12, с. 24].

С электронным правительством связывались надежды на повышение административной эффективности, поскольку должна была появиться возможность контролировать ежедневные операции, основываясь на функциях, обеспечиваемых новой технологией [13, с. 89].

По мнению Р. Клувера за всеми этими ожиданиями стояла вера в то, что информационные технологии способны выступить как противоядие против травм трансформации нации, в том числе связанных с коррупцией, социальным неравенством и политической неустойчивостью [11, с. 86]. Электронное правительство превратилось в символ западного прогресса, позволяющий связывать

между собой административную реформу, реформу законодательства и управление экономикой. Оно было призвано стабилизировать взаимодействие чиновников с гражданами на современной основе, покончив с устаревшими и не соответствующими требованиям времени административными процедурами. В этом смысле переход к электронному правительству можно рассматривать как очередное «генерализованное заимствование», используемое для легитимации существующей власти и демонстрации того, что она идет в ногу со временем [5]¹.

Следующий шаг в развитии электронного правительства был сделан, когда оно из инструмента контроля сверху превратилось в инструмент дополнительного контроля снизу, через подачу гражданами жалоб и обращений и разоблачение коррупционеров.

Реализацией данного принципа стала Директива о свободе информации от 17 января 2007 года. Директива была направлена на использование Интернета для проведения «политики прозрачности и солнечного света» и была призвана инкорпорировать низовую антикоррупционную активность, реализуемую через социальные сети, в структуру государственного управления [17]. Реализация «политики прозрачности и солнечного света», с одной стороны, укладывается в классическую конфуцианскую традицию, предполагающую обязанность просвещенных поданных критиковать власть, если она отклоняется с правильного пути (подробнее см. [8]), а, с другой – порывает с ней, поскольку в имперской системе управления простой народ был лишен возможности судить о делах правления, а его излишняя осведомленность оценивалась как ведущая к панике и дестабилизации [16, с. 798]. Напомним известную конфуцианскую максиму: «Народ следует заставлять идти должным путем, но не нужно объяснять, почему» [1, с. 306].

Фактически информационная открытость предполагает придание части «простого народа», вышедшего в Интернет, статуса «просвещенных поданных». Речь идет о городском среднем классе приморских провинций. При этом риторика информационной открытости носит, несомненно,

западный характер и укладывается в логику легитимации через модернизацию.

В целом выстраиваемая в КНР система электронного правительства соответствует китайским административным традициям сильного государства с низким уровнем отчуждения граждан от власти. Использование информационных технологий направлено на повышение легитимности власти путем роста ее эффективности, с упором на «порядок, а не демократические идеалы, технократический контроль, а не гражданское участие (кроме низового), управляемость, а не тип режима» [16, с. 311] и рассчитано, прежде всего, на китайский средний класс.

Формирование электронного правительства в Китае показывает границы «soft power», и еще раз подтверждает, что любое заимствование носит избирательный характер и отличается интерпретативной гибкостью.

1. Васильев Л.С. История религий Востока / Л.С. Васильев – М.: Книжный дом Университет, 2004. – 704 с.
2. Воробьев М.В. Япония в III–VII веках / М.В. Воробьев – М.: Наука, 1980. – 334 с.
3. Ланьков А.Н. Модернизация в Восточной Азии [Электронный ресурс] / А.Н. Ланков // «Полит.ру», 4 февраля 2010 г. URL: <http://polit.ru/article/2010/03/11/lankov/> (дата обращения: 20.10.14).
4. Рыбаков В.М. Танская бюрократия. Часть 1: Генезис и структура / В.М. Рыбаков – Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2009. – 512 с.
5. Трахтенберг А.Д. Электронное правительство: состоит ли «изобретение государства заново»? / А.Д. Трахтенберг // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 11. Екатеринбург: УрО РАН, 2012. – С. 285–297.
6. Чуньянь В. Этапы и содержание трансформации аппарата государственной власти Китая / В. Чуньянь // Известия Уральского государственного университета. 2010. №2 (77). – С. 38–49.
7. Abrahamson E. Management Fashion / E. Abrahamson // Academy of Management Review, 1996. Vol. 21, № 1, P. 254–85.
8. Bell D.A. Reconciling Socialism and Confucianism?: Reviving Tradition in China / D.A. Bell // Dissent, 2010. Vol. 57, № 1. P. 91–99.
9. Benders J.K. What's in Fashion? Interpretative Viability and Management Fashions / J. Benders, K. Van Veen // Organization, 2001. Vol. 8, № 1, P. 33–53.
10. Christensen T. Administrative Reform in China's Central Government – How Much «Learning from the West»? / T. Christensen, D. Lisheng, M. Painter // International Review of Administrative Sciences. 2008. Vol. 74 (3). P. 351–371.
11. Kluver R. The Architecture of Control: a Chinese Strategy for E-Governance / R. Kluver // Journal of Public Policy. 2005. V. 25. № 1. P. 75–97.
12. Lianjie M. E-Government in China: Bringing Economic Development Through Administrative Reform / M. Lianjie, J. Chung, S. Thorson // Government Information Quarterly. 2005. Vol. 22. P. 20–37.

¹ Естественно, электронное правительство является не единственным западным административным заимствованием: китайские власти прекрасно научились использовать глобальную управленческую риторику для легитимации управленческих реформ.

13. Liou K.T. E-Government Development and China's Administrative Reform / K.T. Liou // International Journal of Public Administration. 2007. Vol. 31 (1). P. 76–95.
14. UN Department of Economic and Social Affairs. United Nations E-Government Survey 2014: UN, 2014. 160 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan048065.pdf> (дата обращения: 20.10.14).
15. Westney D.E. Imitation and Innovation: The Transfer of Western Organizational Patterns in Meiji Japan / D.E. Westney – Cambridge, MA: Harvard Univ. Press. 2000. 268 p.
16. Yang Dali L. Remaking the Chinese Leviathan: Market Transition and the Politics of Governance in China / L. Yang Dali – Stanford, CA: Stanford Univ. Press. 2003. 432 p.
17. Xiao W. Freedom of Information Reform in China: Information Flow Analysis / W. Xiao // International Review of Administrative Sciences. 2013. V. 79. P. 790–808.
7. Abrahamson E. Management Fashion / E. Abrahamson // Academy of Management Review, 1996. Vol. 21, № 1, P. 254–85.
8. Bell D.A. Reconciling Socialism and Confucianism?: Reviving Tradition in China / D.A. Bell // Dissent, 2010. Vol. 57, № 1. P. 91–99.
9. Benders J.K. What's in Fashion? Interpretative Viability and Management Fashions / J. Benders, K. Van Veen // Organization, 2001. Vol. 8, № 1, P. 33–53.
10. Christensen T. Administrative Reform in China's Central Government – How Much «Learning from the West»? / T. Christensen, D. Lisheng, M. Painter // International Review of Administrative Sciences. 2008. Vol. 74(3). P. 351–371.
11. Kluver R. The Architecture of Control: a Chinese Strategy for E-Governance / R. Kluver // Journal of Public Policy. 2005. V. 25. № 1. P. 75–97.
12. Lianjie M. E-Government in China: Bringing Economic Development Through Administrative Reform / M. Lianjie, J. Chung, S. Thorson // Government Information Quarterly. 2005. Vol. 22. P. 20–37.
13. Liou K.T. E-Government Development and China's Administrative Reform / K.T. Liou // International Journal of Public Administration. 2007. Vol. 31 (1). P. 76–95.
14. UN Department of Economic and Social Affairs. United Nations E-Government Survey 2014: UN, 2014. 160 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan048065.pdf> (дата обращения: 20.10.14).
15. Westney D.E. Imitation and Innovation: The Transfer of Western Organizational Patterns in Meiji Japan / D.E. Westney – Cambridge, MA: Harvard Univ. Press. 2000. 268 p.
16. Yang Dali L. Remaking the Chinese Leviathan: Market Transition and the Politics of Governance in China / L. Yang Dali – Stanford, CA: Stanford Univ. Press. 2003. 432 p.
17. Xiao W. Freedom of Information Reform in China: Information Flow Analysis / W. Xiao // International Review of Administrative Sciences. 2013. V. 79. P. 790–808.
1. Vasil'ev L.S. Istoriya religij Vostoka / L.S. Vasil'ev – M.: Knizhnyj dom Universitet, 2004. – 704 s.
2. Vorob'ev M.V. Yaponiya v III–VII vekax / M.V. Vorob'ev – M.: Nauka, 1980. – 334 s.
3. Lan'kov A.N. Modernizaciya v Vostochnoj Azii [Elektronnyj resurs] / A.N. Lankov // «Polit.ru», 4 fevralya 2010 g. URL: <http://polit.ru/article/2010/03/11/lankov/> (data obrashheniya: 20.10.14).
4. Rybakov V.M. Tanskaya byurokratiya. Chast' 1: Genezis i struktura / V.M. Rybakov – Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2009. – 512 s.
5. Traxtenberg A.D. Elektronnoe pravitel'stvo: sostoitsya li «izobrenenie gosudarstva zanovo»? / A.D. Traxtenberg // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. Vyp. 11. Ekaterinburg: UrO RAN, 2012. – S. 285–297.
6. Chun'yan' V. E'tapy i sodержanie transformacii apparata gosudarstvennoj vlasti Kitaya / V. Chunchyan' // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 2 (77). – S. 38–49.

SOFT POWER AS A MANIFESTATION OF «ADMINISTRATIVE MODE» (USING THE EXAMPLE OF CHINA E-GOVERNMENT)

Dyakova Elena Grigorjevna,

leading researcher,
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Political Sciences
Yekaterinburg, Russia,
E-mail: gf-urfo@bk.ru

Annotation

The article of Elena Dyakova «Soft power as a manifestation of the «administrative mode» (using the example of China e-government)» is devoted to the analysis of the borrowing of management innovations. Global fashion management has obvious characteristics of «soft power». Its impact is limited as it is used for rhetorical justification of local situational decisions.

Key words:

soft power, fashion management, e-government.

МЯГКАЯ СИЛА ШВЕЦИИ: БОЛЬШИЕ УСПЕХИ МАЛЕНЬКОЙ СТРАНЫ

Агашкова Полина Игоревна,

Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Институт социальных и политических наук,
кафедра теории и истории политической науки,
магистрант,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: polina.gotovegas@gmail.com

Аннотация

Мягкая сила в современном мире стала неким необходимым атрибутом для проведения успешной международной политики, позволяя стране добиться своего доминирования, не прибегая к вооруженной силе. Особенно это актуально для небольших по территориальному признаку и численности населения государств. В данной статье будет рассмотрена мягкая сила Швеции, которая последние два года занимает лидерские места в рейтинге Monocle.

Ключевые слова:

мягкая сила, Швеция, рейтинг Monocle, национальный брендинг.

Мягкая сила в современном мире стала неким необходимым атрибутом в проводимой государствами международной политике, позволяя стране добиться своего доминирования, не прибегая к вооруженной силе. Совокупность способов осуществления soft power позволяют странам повысить свою имиджевую привлекательность, что сказывается и на инвестиционной привлекательности в том числе, не говоря уже о значимости страны на международном политическом поле. Как правило, подобная «мягкая» политика базируется на распространении и принятии общих ценностей, культурных и моральных идеалах страны, которые пропагандируются как «универсальные и правильные, несущие блага другим народам» [3, с. 5–6]. Нужно отметить, что усилия в этом отношении такой достаточно маленькой (с географической и демографической точки зрения) страны, как Швеция, заслуживают внимания.

В 2012 году Швеция заняла пятое место в рейтинге стран с самым высоким уровнем мягкой силы, который при поддержке Института правительства Великобритании ежегодно публикует журнал «Монокль», начиная с 2010 года («Soft power survey») [13]. Рейтинг составляется с учетом того, какое влияние оказывают страны на международном поле, рассматривая

их ценности, культуру, политику, экономику и т.д. Эксперты «Монокля» определили сильную сторону шведской soft power в трех словах: «хай-тек, красота и здоровье». Столь заметную позицию такой страны как Швеция специалисты журнала объясняют наличием у шведов «способности привлекать и убеждать, в которой они обречены на продолжительный успех». В подтверждение данному заявлению журналисты британского журнала приводят ряд доводов: «Шведы давно заняли нишу красоты, загадочности, здоровья и модерна со своими девушками Бонда, романами Стига Ларссона, узкими джинсами, инди-рок группами и инновационными технологиями» [10]. Кроме того, политические приоритеты Швеции четко определены: страна участвует в международных операциях, имея мандат ООН, и желает распространить свои идеалы демократии и равноправия как можно дальше. Как отметили эксперты «Монокля», еще одной попыткой Швеции усилить значение своей «мягкой силы» стал план реализации себя как ведущей европейской гастрономической державы. Для этого уже сделаны определенные шаги, например, шведское правительство к 2020 году планирует удвоить экспорт пищевой продукции. Как высказался на этот счет министр иностранных дел Швеции, – «Вы уже слышали о швед-

ских фрикадельках – теперь можете готовиться и к жареной оленине» [10].

Однако, спустя год, заметного скачка вперед не произошло – в 2013 году Швеция занимает в том же рейтинге уже шестое место, сместившись вниз на одну позицию и поменявшись при этом местами с Японией, которая теперь закрывает пятерку в десятке самых влиятельных в своей мягкой силе стран [14]. На этот раз эксперты увидели преимущество Швеции в «хорошем управлении, образовании и гендерном равенстве».

«Монокль» также подчеркнул либеральное отношение страны к иммиграции, заявив при этом, что Швеция «позорит своих европейских соседей, превращаясь в убежище для иммигрантов». Данное заявление несколько не смутило шведов, которые гордятся тем, что, несмотря на то, что шведская нация составляет только девять миллионов человек, Швеция имеет сравнительно громкий голос на мировой арене [8].

Нужно сказать, что данный рейтинг, составленный модным британским журналом, вызвал неоднозначную реакцию среди экспертов по международной политике. Например, Гэри Ронслэй (Gary Rawnsley), профессор департамента международной политики Абериствитского университета в Уэльсе (Aberystwyth University), специалист в области публичной дипломатии, поставил под вопрос понимание экспертами «Монокля» такого понятия как soft power, так как в их интерпретации, по его мнению, отсутствует, как минимум, половина его значения, а именно, «сила» [9]. Ронслэй весьма критически отреагировал на то, как эксперты «Монокля» относят к soft power – от талантливых футболистов и успешной киноиндустрии до поп-групп. В итоге Ронслэй приходит к заключению, что можно и вовсе не рассматривать данный рейтинг серьезно.

Так что же понимать под термином soft power? Какие отличительные черты позволено включить в него?

Согласно классическим канонам понимания soft power, а именно, представлению данного понятия в работах американского политолога Джозефа Ная, мягкая сила – это производная от трех ресурсов государства, а именно, его культуры, политической идеологии и внешней

политики [2, с. 29]. Государства стараются управлять таким образом, чтобы сформировать интернациональные предпочтения в соответствии со своими интересами. В этой связи мягкую силу можно сопоставить с национальным брендингом [11].

Эксперты «Монокль» позиционируют свое видение soft power как альтернативу традиционным инструментам внешней политики. При этом они признают, что не смотря на явный энтузиазм в отношении мягкой силы со стороны правительств и глав государств, уровень компетентности в этой сфере все еще оставляет желать лучшего [1].

Конечно, в сфере использования soft power есть свои сверхдержавы. Например, США. Однако, возглавляя рейтинг государств по успешности soft power еще в 2012 году, Соединенные Штаты «съехали» на третье место уже в 2013-м, уступив первое и второе место Германии и Великобритании, соответственно. Такое положение дел вызвало немало разговоров среди экспертов по международной политике. Неудивительно, ведь всего две позиции, разделяющие теперь сверхдержаву-гегемона и маленькую Швецию в столь популярном в международном сообществе рейтинге, дают повод говорить о том, что у этой небольшой страны есть большой потенциал. Впрочем, такой поворот событий легко объясняют сами создатели рейтинга «Монокль»: «Надо признать, что наше исследование не дает абсолютную оценку влияния и не предсказывает успех внешней политики того или иного государства. На самом же деле, некоторые государства, занявшие в рейтинге лидирующие позиции, продолжают уменьшать свою мягкую силу посредством выбранного политического курса» [1]. В опубликованном там же интервью с Дж. Наем, он объяснил, что на данный момент политикой США активно применяется «умная сила» (smart power), которую внедрил президент США Барак Обама, и до сих пор широко использует ее. Она представляет из себя комбинацию soft power и hard power [1].

Возвращаясь к потенциалу Швеции, нужно сказать о труде «America's Edge. Power in the Networked Century» профессора Принстонского университета Энн-Мари Слотер, ученицы Дж. Ная, и о реакции на него специалиста

по цифровой публичной дипломатии (digital public diplomacy) Стефана Хинса. Слотер не разделяет полностью концепцию Дж. Ная. По ее мнению, применительно к soft power уже давно нужно говорить не о власти «над», а о власти «с», то есть о так называемой «кооперативной силе». Она вводит термин «collaborative power». В сетевом мире XXI века именно государство с наибольшим количеством связей и коммуникаций будет центральным игроком, способным диктовать глобальную повестку дня. Таким государством, по ее мнению, является США [7, с. 95].

Хинс, вступая в полемику со Слотер, считает, что «collaborative power» в большей степени характеризуют Швецию, а не США. Например, такая черта кооперативной силы как наличие большого количества небольших групп населения, более управляемых и менее склонных к сепаратизму для Швеции более характерна, чем для США. Все шведское население можно приравнять к населению Нью-Йорка, да и к сепаратизму нация склонна гораздо меньше. Второй положительной чертой, характеризующей кооперативную силу, по мнению Слотер, является активная иммиграция, поскольку иммигранты способствуют созданию доверительных отношений с теми странами, откуда они эмигрировали [7, с. 103]. Однако знаменитая на весь мир иммиграционная политика Америки начала «сдавать свои позиции» после терактов 11 сентября, замечает Хинс. В Швеции же, несмотря на устойчивое мнение о ней как об «однородной нации», уже почти 15% от всего населения – иностранного происхождения, и этот процент только растет. В США же процент иммигрантов составляет 12,5% от общего населения и идет только на убыль. Третья важная черта, по мнению Слотер, это стремление населения, особенно молодежи, к международному взаимодействию, к усилению глобализации, к инновациям, к прозрачности и честности [7, с. 100]. Хинс утверждает, что на данный момент Швеция может запросто обойти США по этим показателям. Кроме того, «сетевой мир» требует подлинного « сетевого общества», что должно повлечь за собой и экономическое, и социальное равенство. И тут, по мнению Хинса, Швеция тоже выигрывает, так как в основе государствен-

ного шведского управления лежат принципы «наиболее равноправного общества в мире» в отличие от США, где богатые стали уже сверхбогатыми и где о равноправии уже приходится говорить с трудом. В итоге Хинс приходит к заключению, что Швеция имеет все возможности для процветания в «сетевом веке» [15].

Стоит признать, что в обеспечении привлекательности своего образа Швеция действительно преуспевает. Что неудивительно, если принять во внимание, сколько государственных учреждений прилагают совместные усилия для обеспечения этого привлекательного имиджа. Помимо усилий специальных организаций (Swedish Trade Council, Visit Sweden, Invest in Sweden Agency, Swedish Institut), большую роль играет успешный национальный брендинг. При этом имиджевая политика проводится более чем «открыто» и «прозрачно». Например, на официальном сайте Шведского Института (Swedish Institut), государственного учреждения, миссия которого – распространение знаний о Швеции за рубежом, а также организация «обмена» с другими странами в сферах культуры, образования, научных исследований, доступным и открытым текстом объясняется, почему имидж Швеции так важен [18].

Как отмечает Олле Вэстберг, генеральный директор Swedish Institut, «повышение имиджа Швеции включает в себя создание четкой позиции для Швеции в международном масштабе – а именно, позиционирования себя как уникального места, в котором совесть и честность людей является отличительной чертой Швеции среди других стран» [11]. Вэстберг выделяет ряд базовых ценностей, который включает в себя четыре характеристики: инновационность, открытость, заботу и аутентичность. Инновационность означает новые способы мышления, видение вещей с новой точки зрения, видение новых возможностей и веру в лучшее будущее, а также отсутствие ограниченности и укоренившихся мнений. Открытость подразумевает под собой положительное отношение к свободомыслию и к различиям между людьми, культурой и образом жизни, внимательность и чувствительность к другим, свободу передвижения. Под заботой Вэстберг подразумевает

охрану каждого человека, обеспечение безопасности и защиты, уважение людских потребностей. И, наконец, аутентичность означает ответственность и независимость, а также честность, прямоту, надежность и неформальность, в том числе бесстрашие и решимость «быть в контакте с прошлым и открыться будущему». По его мнению ИКЕА «прекрасно вписывается в этот контекст» и этот национальный бренд делает для Швеции больше, чем Министерство внутренних дел и все институты вместе взятые: «Посетить ИКЕА – значит посетить Швецию» [11].

Значительны успехи Швеции и в области развития экономической мягкой силы. В 2010 году Швеция заняла второе место в рейтинге наиболее конкурентоспособных экономик мира, обогнав США и Сингапур. В течение многих лет шведские промышленные предприятия входили в число наиболее активных международных инвесторов в мире, что выражается в показателях на душу населения или в отношении к ВВП. Число трудящихся, занятых на предприятиях шведских компаний за границей, также резко возросло. В настоящее время считается, что 60% занятых в шведских многонациональных компаниях работают за пределами Швеции. Также, говоря о шведской экономике, нельзя не упомянуть тот факт, что Швеция является мировым лидером по выплатам частных пенсий, и проблемы финансирования пенсии являются небольшими по сравнению со многими другими западноевропейскими странами. Примечателен и тот факт, что до сих пор Швеция сохраняет свою валютную независимость, отклонив евро на референдуме в 2003 году, поддерживая свою собственную валюту – шведскую крону (SEK) [6].

Помимо промышленных брендов известны на весь мир такие марки одежды, как H&M, Acne Jeans и Cheap Monday, которые пользуются большой популярностью и в России. Несмотря на то, что это достаточно доступная одежда, она имеет большое значение в мире моды, диктуя модные тенденции. Нельзя не упомянуть и шведский алкоголь, а именно Absolut Vodka, которая стала самой экспортируемой водкой в США, и в настоящее время Швеция является третьим по величине производителем алкогольных напитков

в мире. Однако в 2008 году бренд был продан французской фирме Pernod-Ricard [17].

Еще одна область, в которой Швеция эффективно использует свою мягкую силу – образование. Шведские университеты (наиболее крупные – Уппсальский университет (Uppsala universitet), Лундский университет (Lunds universitet), Гетеборгский университет (Göteborgs universitet) и Стокгольмский университет (Stockholms universitet)) приглашают студентов со всего мира получить или продолжить свое образование в Швеции, в том числе и по программам обмена. Для этого созданы все условия. Например, в Шведских университетах можно найти более 600 англоязычных программ, предназначенных для иностранных студентов. До 2010 года высшее образование в Швеции было доступным, так как не являлось платным. Тем не менее, после реформы и введения платной системы обучения для иностранцев, Шведское правительство предусмотрело для зарубежных студентов достаточное количество стипендий и грантов. В Швеции существует ряд агентств, предлагающих для приезжих студентов доступное жилье [4]. Благодаря этим усилиям обучение в Швеции и после реформы является привлекательной перспективой для учащихся во всем мире.

В культурной сфере Швеция имеет ряд достижений мирового масштаба. Наиболее удачными в этом плане можно назвать музыкальные. Известные на весь мир группы ABBA, Roxette, Ace of Base, The Cardigans потрясли в свое время мир своим творчеством и заняли первые строчки в мировых хит-парадах. В последнее время широкую популярность приобрели молодые певицы Robyn и Lykke Li, которые в Великобритании и США не менее популярны, чем у себя на родине. Кроме того, Швеция прославилась достаточным количеством «тяжелых» музыкальных метал-групп (In Flames, Arch Enemy, Meshuggah), став родиной мелодичного дэт-металла [16].

Если говорить о шведском кинематографе, то большую известность во всем мире сейчас приобрело направление Nordic Noir (или Скандинавский Нуар). Это криминальный и фантастический жанр, в котором написано большое

количество шведской современной литературы, по которой снимаются фильмы. К наиболее известным можно отнести фильм «Девушка с тауировкой дракона» Стига Ларссона [12].

Нужно также сказать об особенностях менталитета шведов, который играет большую роль в восприятии страны иностранцами. Характерной чертой шведского менталитета можно назвать трудолюбие и ответственное отношение к труду. Также среди черт шведского характера, оказавших влияние на образ внешнеполитической деятельности страны, следует обратить внимание на такую, как обстоятельность в решении любых дел, на «безусловное и бесконечное стремление шведов к справедливости, избегание «лобовых конфликтов» и особое отношение ко всем нуждающимся в помощи и защите» [5, с. 279–280]. Кроме того, шведам присущи чувство иронии и самоиронии. Они часто иронично отзываются как о самих себе, так и о других народах [5, с. 279]. Вероятно, такой образ «мирных» и «справедливых» шведов и побудил американского журналиста Маркиза Чайлдса написать в 1936 году книгу «Sweden: The Middle Way». Он представил Швецию как «компромисс между капитализмом и социализмом, как некий райский уголок, где основные классовые конфликты ушли» [11].

1. Кассенов А. Soft Power rating. [Электронный ресурс]: Дискурс-площадка «интеллигенции Казахстана». Режим доступа: <http://blogbasta.kz/?p=399>.

2. Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Обозреватель – Observer. №4, 2013. – С. 29. [Электронный ресурс]: Официальный сайт научно-аналитического журнала «Обозреватель – Observer». Режим доступа: http://www.observer.materik.ru/observer/N4_2013/027_040.pdf.

3. Мосяков Д.В. «Мягкая сила» в политике Китая в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Том 14, 2010. – С. 5. [Электронный ресурс]: Официальный сайт научной электронной библиотеки «Киберленинка». Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-v-politike-kitaya-v-yugo-vostochnoy-azii>.

4. Образование в Швеции – пошаговая инструкция. [Электронный ресурс]: «GSA – бесплатное образование за рубежом». Режим доступа: <http://gradstudyabroad.ru/educational-resources/sweden-education-instruction>.

5. Сызранцев В.Ю. Современная Швеция: менталитет и стереотипы // Знание. Понимание. Умение. №3, 2011. – С. 279–281. [Электронный ресурс]: Официальный сайт научной электронной библиотеки «Киберленинка». Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-shvetsiya-mentalitet-i-stereotipy>.

6. Экономика Швеции. Основные черты шведской экономики и промышленности. [Электронный ресурс]: Сайт о состоянии мировой экономики «Ereport.Ru». Режим доступа: <http://www.ereport.ru/articles/weconomy/sweden.htm>.

7. Anne-Marie Slaughter. America's Edge. Power in the Networked Century. // Foreign Affairs. January/February, 2009. [Electronic resource]: The official website of Michigan State University. URL: http://www.educ.msu.edu/epfp/meet/10_08_09files/America's%20Edge%20Foreign%20Affairs.pdf.

8. Ann Törnkvist. Asylum-friendly Sweden a soft-power superpower. November, 2013. [Electronic resource]: The Local. Sweden's news in English. URL: <http://www.thelocal.se/20131121/asylum-friendly-sweden-is-soft-power-super-power>.

9. Gary Rawnsley. All Fluff and No Substance: Monocle's Soft Power Survey 2013. December, 2013. [Electronic resource]: Public Diplomacy International Communications. URL: <http://www.pdic.blogspot.ru/2013/12/all-fluff-and-no-substance-monocles.html>.

10. Johan Nylander. Swedes: 'handsome, hi-tech and healthy'. March, 2012. [Electronic resource]: The Swedish Wire. URL: <http://www.swedishwire.com/economy/12939-swedes-handsome-hi-tech-and-healthy>.

11. Olle Wästberg. The Symbiosis of Sweden & IKEA. [Electronic resource]: The official website of Public Diplomacy Magazine. URL: <http://publicdiplomacymagazine.com/the-symbiosis-of-sweden-ikea/>.

12. Scandinavian Noir. [Electronic resource]: Wikipedia. The Free Encyclopedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Scandinavian_noir.

13. Soft Power Survey 2012. [Electronic resource]: The official website of Monocle Magazine. URL: <http://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2012/>.

14. Soft Power Survey 2013. [Electronic resource]: The official website of Monocle Magazine. URL: <http://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2013/>.

15. Stefan Geens. Collaborative power: the case for Sweden. December, 2011. [Electronic resource]: Dliberation. URL: <http://dliberation.org/2011/12/13/collaborative-power-the-case-for-sweden/>.

16. Sweden. [Electronic resource]: Wikipedia. The Free Encyclopedia. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Sweden#Music>.

17. The Swedish brands everyone should know. [Electronic resource]: The Local. Sweden's news in english. URL: <http://www.thelocal.se/20111108/37232>.

18. Why our image is important. [Electronic resource]: The official website of Swedish Institute. URL: <https://eng.si.se/areas-of-operation/image-of-sweden/why-our-image-is-important/>.

1. Кассенов А. Soft Power rating. [Электронный ресурс]: Дискурс-площадка «интеллигенции Казахстана». Режим доступа: <http://blogbasta.kz/?p=399>.

2. Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Обозреватель – Observer. №4, 2013. – С. 29. [Электронный ресурс]: Официальный сайт научно-аналитического журнала «Обозреватель – Observer». Режим доступа: http://www.observer.materik.ru/observer/N4_2013/027_040.pdf.

3. Мосяков Д.В. «Мягкая сила» в политике Китая в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Том 14, 2010. – С. 5. [Электронный ресурс]: Официальный сайт научной электронной библиотеки «Киберленинка». Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-v-politike-kitaya-v-yugo-vostochnoy-azii>.

politike-kitaya-v-yugo-vostochnoy-azii.

4. Obrazovanie v Shvecii – poshagovaya instrukciya. [E'lektronnyj resurs]: «GSA – besplatnoe obrazovanie za rubezhom». Rezhim dostupa: <http://gradstudyabroad.ru/educational-resources/sweden-education-instruction>.

5. Syzrancev V.Yu. Sovremennaya Shveciya: mentalitet i stereotipy // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 3, 2011. – S. 279–281. [E'lektronnyj resurs]: Oficial'nyj sajt nauchnoj e'lektronnoj biblioteki «Kiberleninka». Rezhim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-shvetsiya-mentalitet-i-stereotipy>.

6. E'konomika Shvecii. Osnovnye cherty shvedskoj e'konomiki i promyshlennosti. [E'lektronnyj resurs]: Sajt o sostoyanii mirovoj e'konomiki «Ereport.Ru». Rezhim dostupa: <http://www.ereport.ru/articles/weconomy/sweden.htm>.

7. Anne-Marie Slaughter. America's Edge. Power in the Networked Century.// Foreign Affairs. January/February, 2009. [Electronic resource]: The official website of Michigan State University. URL: http://www.educ.msu.edu/epfp/meet/10_08_09files/America's%20Edge%20Foreign%20Affairs.pdf.

8. Ann Törnkvist. Asylum-friendly Sweden a soft-power superpower. November, 2013. [Electronic resource]: The Local. Sweden's news in English. URL: <http://www.thelocal.se/20131121/asylum-friendly-sweden-is-soft-power-super-power>.

9. Gary Rawnsley. All Fluff and No Substance: Monocle's Soft Power Survey 2013. December, 2013. [Electronic resource]: Public Diplomacy International Communications. URL: <http://www.pdic.blogspot.ru/2013/12/all-fluff-and-no-substance-monocles.html>.

10. Johan Nylander. Swedes: 'handsome, hi-tech and healthy'. March, 2012. [Electronic resource]: The Swedish Wire. URL: <http://www.swedishwire.com/economy/12939-swedes-handsome-hi-tech-and-healthy>.

11. Olle Wästberg. The Symbiosis of Swden & IKEA. [Electronic resource]: The official website of Public Diplomacy Magazine. URL: <http://publicdiplomacymagazine.com/the-symbiosis-of-sweden-ikea/>.

12. Scandinavian Noir. [Electronic resource]: Wikipedia. The Free Encyclopedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Scandinavian_noir.

13. Soft Power Survey 2012. [Electronic resource]: The official website of Monocle Magazine. URL: <http://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2012/>.

14. Soft Power Survey 2013. [Electronic resource]: The official website of Monocle Magazine. URL: <http://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2013/>.

15. Stefan Geens. Collaborative power: the case for Sweden. December, 2011. [Electronic resource]: Dliberation. URL: <http://dliberation.org/2011/12/13/collaborative-power-the-case-for-sweden/>.

16. Sweden. [Electronic resource]: Wikipedia. The Free Encyclopedia. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Sweden#Music>.

17. The Swedish brands everyone should know. [Electronic resource]: The Local. Sweden's news in english. URL: <http://www.thelocal.se/20111108/37232>.

18. Why our image is important. [Electronic resource]: The official website of Swedish Institute. URL: <https://eng.si.se/areas-of-operation/image-of-sweden/why-our-image-is-important/>.

SWEDEN'S SOFT POWER: GREAT SUCCESSES OF A SMALL COUNTRY

Agashkova Polina Igorevna,

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Institute of social-political sciences,
undergraduate of political sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: polina.gotovegas@gmail.com

Annotation

Soft power in the contemporary world has become a kind of a necessary attribute for a successful foreign policy, allowing the country to achieve its dominance without any resorting to armed force. This is especially true for the states being small in territory and population. This article will be devoted to the soft power of Sweden, which occupies leading places in the Monocle's Soft Power Survey for the last two years.

Key words:

soft power, Sweden, soft power survey by Monocle, national branding.

ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Коротина Наталья Юрьевна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
 Челябинский филиал,
 заведующая кафедрой экономики, финансов и бухгалтерского учета,
 кандидат экономических наук, доцент,
 г. Челябинск, Россия,
 E-mail: korotina@chel.ranepa.ru

Аннотация

В статье отмечается необходимость формализованной оценки достижения странами определенного уровня в реализации концепции «soft power». Рассмотрены различные подходы к измерению «мягкой силы» на основе агрегированных индексов и построенные на их основе результаты рейтингов стран. Выделяются факторы, определяющие восприятие страны в современном мире.

Ключевые слова:

индикаторы мягкой силы, индекс мягкой силы.

Необходимость формализованной оценки происходящих социально-экономических процессов на современном этапе обусловлена объективными тенденциями развития.

В качестве инструмента реальной оценки состояния и перспектив социально-экономического развития различных стран активно принимается индикаторный (индексный) подход, который реализуется в ряде разработок ООН, Всемирного Банка, Организации стран экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Научного комитета по проблемам окружающей среды (SCOPE), Агентством по статистике Европейского Союза (Евростатом) и рядом других организаций.

Для сравнения достижений стран мира в различных областях деятельности используются «индекс процветания», «индекс развития человеческого потенциала», «индекс истинных сбережений», «индекс восприятия коррупции», «индекс лучшей жизни», «экологически адаптированный чистый внутренний продукт» и многие другие. Все эти индексы представляют собой интегральный или совокупный индикатор, основанный на построении агрегирования различных составляющих целостной системы, стремление к однозначной оценке уровня и динамики исследуемого процесса, обеспечение методологического единства всех частных показателей.

Существует подобная практика построения интегрального показателя и для оценки уровня соответствия деятельности государств принципам «мягкой силы».

В состав инструментов обширного арсенала «мягкой силы» разработчик теории «Soft power» Джозеф Най [7] и приверженцы его концепции включают культурные ценности, политические принципы и институты, харизматичность лидеров, уровень образования, технологические достижения, спортивные победы, потребительские предпочтения и другие. Иными словами, все многочисленные нематериальные активы, способные увеличить привлекательность страны в глазах остального мира и расширяющие возможности их обладателя влиять и продвигать собственные интересы.

До недавнего времени попытки оценить «мягкую силу» предпринимались на основе анализа общественного мнения или экспертных оценок. Однако недоставало объективного количественного показателя, опирающегося на достоверные данные, а не на субъективные оценки, которые меняются в зависимости от текущей геополитической ситуации.

Один из таких подходов был предложен корпорацией RAND при исследовании национальной силы (national power) [3]: выделение

одного субъективного параметра, а именно ответ на вопрос: «В какой стране, если не в вашей собственной, вы хотели бы жить?». На основе полученных результатов опроса выстраивается рейтинг привлекательности («мягкой силы») государств.

Другой известный подход – оценка на основе индекса национальных брендов и индекса брендов стран.

Индекс национальных брендов (The Anholt-GfK Roper Nation Brands Index – NBI), разработан Саймоном Анхолтом в 2005 г. и определяется на основе шести показателей [4]:

– экспорт – определяет общественное мнение относительно товаров и услуг, предлагаемых страной, а также в какой степени потребители стремятся приобрести или избежать покупки продуктов страны-происхождения;

– управление – отражает общественное мнение относительно уровня компетенции национальных правительств и справедливости, описывает личностные представления о правительстве каждой страны, а также каким образом в стране воспринимаются глобальные вопросы, такие как демократия, справедливость, нищета и охрана окружающей среды;

– культура и наследие – раскрывает глобальное восприятие наследия каждой страны и мировое признание ее современной культуры, в том числе фильмов, музыки, искусства, спорта и литературы;

– люди – измерение репутации населения в вопросах компетентности, образованности, открытости и дружелюбия, а также уровня восприятия потенциальной враждебности и дискриминации;

– туризм – охватывает уровень заинтересованности в посещении страны, отмечая природные и созданные человеком туристические достопримечательности;

– инвестиции и иммиграция – определяет способность привлечь людей жить, работать или учиться в каждой стране, и показывает, как люди воспринимают экономическое и социальное положение страны.

Десятка стран с наибольшим Индексом национальных брендов (NBI) [2] выглядит следующим образом: США, Германия, Франция,

Великобритания, Япония, Канада, Италия, Швейцария, Австралия, Швеция. Россия в этом рейтинге занимает 21 место.

Индекс бренда страны (Country Brand Index – CBI), публикуемый международной консалтинговой компанией «Future Brand». В 2012 году нем ранжировались 118 стран. Индекс строится на основе опроса 3 600 респондентов [5] – экспертов в области политики и управления, международных отношений, экономики и торговли, международного права, национальной безопасности, энергетики и изменения климата, городского и регионального планирования, иммиграции и СМИ.

Индекс бренда страны строится на основе пяти групп показателей, каждая из которых включает частные показатели:

– система свобод – политическая свобода, благоприятная окружающая среда, стабильность правовой среды, толерантность, свобода слова;

– качество жизни – система образования, система здравоохранения, стандарты жизни, безопасность, возможности трудоустройства, желание жить в данной стране;

– бизнес-среда – инвестиционный климат, передовые технологии, правовая среда, квалификация рабочей силы;

– культура и культурное наследие – история, культура и искусство, аутентичность, природные красоты;

– туризм – соотношение «цена-качество», достопримечательности, курорты и возможность взять жилье в аренду, еда.

Десятка стран с наибольшим Индексом брендов стран по итогам 2012 года следующая [6]: Швейцария, Канада, Япония, Швеция, Новая Зеландия, Австралия, Германия, США, Финляндия, Норвегия. Россия в этом рейтинге занимает 83 место после Лаоса, Боснии и Герцеговины. В соответствии с рейтингом CBI Россия не попадает в первые 25 позиций даже по параметру «Культура и культурное наследие».

Существует мнение [3], что этот индекс имеет «туристический» уклон, т.к. в качестве респондентов выступают люди, так или иначе связанные с путешествиями.

Итак, в указанных рейтингах Россия занимает достаточно низкое место. Это объясняется,

на наш взгляд, неинформированностью респондентов, которые в своем большинстве никогда не были в России, не изучали ее и знакомы с ней только по репортажам в средствах массовой информации. Так, в частности, профессор School of Communications Сюзанна Копп в своей работе «Russia: Nation Branding» [8] пишет, что в ответ на вопрос «Что первое вам приходит на ум, когда вы думаете о России?» большинство респондентов отмечали «нефть, водка, КГБ, коммунизм, холодная погода». Приведенная в работе в качестве примера обложка журнала «The Economist» с заголовком Welcome to Moscow и изображением медведя подтверждает пропаганду среди иностранных граждан искаженного восприятия России.

Указанные индексы являются субъективными показателями, так как основаны не на объективных статистических данных, а на основе результатов опросов жителей, туристов и инвесторов в разных странах и отражает их мнение по поводу восприятия и выявления ассоциаций, связанных с разными странами.

Методики определения индексов национальных и страновых брендов не имеют в своей основе достаточной научной платформы, оцениваемые показатели достаточно спорны и требуют определенных оговорок, поэтому результаты таких рейтингов не могут быть восприняты всерьез и использованы для принятия каких-либо решений. Поэтому мы скептически относимся к позиции Павла Пашина [3], что наиболее эффективные инструменты измерения «мягкой силы» скорее могут быть созданы на основе уже апробированных рейтингов страновых брендов, наиболее универсальными из которых он считает два вышеописанных.

Отсутствие количественного показателя делает невозможным оценить влияние различных факторов, влияющих на использование политики «мягкой силы» в различных странах. Кроме того, результаты количественного анализа могут быть использованы для принятия эффективных предложений.

Безусловно, существуют проблемы количественной оценки таких относительных и нематериальных социальных понятий, как культурное развитие, политические предпочтения, челове-

ские ценности, публичная дипломатия, международная пропаганда и др., то есть всего того, что лежит в основе «мягкой силы». Кроме того, восприятие социальных явлений в одной стране может существенно отличаться от другой, что также затрудняет межнациональное сравнение.

Тем не менее, существует большое количество качеств, которые признаются, понимаются и разделяются большинством стран.

Одну из попыток учесть все эти факторы, создав количественный индекс, отражающий «мягкую силу» государств, предприняли Институт исследований развивающихся рынков Московской школы управления Сколково и компания «Эрнст энд Янг» (ИИРР) в работе под названием «Индекс «мягкой силы» для стран с быстроразвивающимися рынками» [9].

Предложенный Индекс мягкой силы сочетает в себе широкий спектр показателей-индикаторов, влияющих на «мягкую силу» различных государств в мировых масштабах.

Представленные индикаторы разделены на три основные группы:

- международный имидж – определяет степень мировой популярности страны и уважения к ней, особенно к ее культуре;

- международная репутация – определяет степень соблюдения той или иной страной общемирового морально-этического кодекса;

- мировая интеграция – определяет, насколько тесны взаимосвязи той или иной страны с прочими государствами.

В каждую из этих групп входят отдельные показатели, отражающие влияние определенного фактора. Кроме этого, каждому показателю соответствует весовое значение, то есть влияние различных показателей на степень «мягкой силы» учитывается в разной степени.

Большинство из указанных показателей, лежащих в основе Индекса мягкой силы, являются объективными, то есть могут быть определены на основе формальных данных – количество, доля, объем, численность. Но не все представленные показатели поддаются объективному учету – степень верховенства закона и индекс свободы определяются на основе опроса, то есть не могут считаться объективными. Показатель активности избирателей на основе учета явки избирателей

Таблица 1 – Показатели, входящие в состав Индекса мягкой силы

№ п/п	Показатель	Вес
Группа показателей «Международный имидж»		
1	Роялти (лицензионные вознаграждения) за экспорт медиапродукции страны	3,75
2	Доля иностранных учащихся, обучающихся в данной стране на языке страны (интерес к изучению языка данной страны)	3,75
3	Количество завоеванных олимпийских наград	3,75
4	Число граждан – мировых знаменитостей в списке ста самых влиятельных людей по версии Time	7,5
5	Представленность в рейтинге наиболее уважаемых компаний мира журнала Fortune	11
Группа показателей «Международная репутация»		
6	Степень верховенства закона	11
7	Индекс свободы	7,5
8	Активность избирателей (явка избирателей)	7,5
9	Уровень выбросов CO ₂	3,75
Группа показателей «Мировая интеграция»		
10	Объем въездной иммиграции	11
11	Объем въездного туризма	11
12	Количество национальных университетов в международном рейтинге Times Higher Education	11
13	Численность населения, свободно владеющего английским – языком международного общения	7,5

является несравнимым для различных государств с разной выборной системой, показатель «уровень выбросов CO₂» не учитывает другие парниковые газы (метан, азот), выбрасываемые в атмосферу наряду с CO₂, рейтинги университетов и список «Time 100» подвержены влиянию слишком многих обстоятельств и случайностей и поэтому спорны, а распространенность английского языка в качестве меры глобальной интеграции достаточно условна.

Перечень стран с наибольшим значением индекса мягкой силы представлен в таблице 2.

Среди развивающихся рынков с 30,7 пунктами лидирует Китай, «наступая на пятки» Японии – последней из списка G7, у которой показатель равен 31,8 (у лидера, США, – 87, у Германии – 43,2). Россия с 18 пунктами стоит на третьем месте в списке быстрорастущих экономик после Китая и Индии (на 10-м месте в общем списке).

Интересным представляется сопоставление составляющих индекса «мягкой силы» по странам и категориям (таблица 3).

Спорность методики определения индекса мягкой силы подтверждается представленными результатами – самой сильной позицией России неожиданно оказалась въездная миграция; здесь,

в первую очередь, значительное влияние на показатель оказал приток из стран СНГ. Таким образом, дискуссионная тема в российском обществе оказывается с точки зрения индекса «мягкой силы», весомым конкурентным преимуществом [1].

На наш взгляд, можно спорить по поводу состава индикаторов, их весовых значений, методик расчета, но попытки измерить «мягкую силу» предприняты весьма интересные.

Достоинства всех вышеназванных подходов к измерению «мягкой силы» заключаются в том, что они позволяют обратить внимание на важнейшие факторы, определяющие «мягкую силу» и влияющие на нее. Можно много рассуждать о причинах, по которым в мировом пространстве сложилось искаженное восприятие России в глазах жителей других государств, но это не поможет изменить международное мнение о нашей стране. Поэтому необходимо использовать эффективные инструменты «мягкой силы», такие как средства коммуникации, медиапространство, социальные сети, услуги образования как ресурс для экономического роста России.

1. Косачев К.И. Не рыбу, а удочку. В чем состоит особенность «мягкой силы» России // <http://www.globalaffairs.ru/>

Таблица 2 – Страны с наибольшим Индексом мягкой силы [9]

Страна	2005	2006	2007	2008	2009	2010
США	84,0	85,5	86,3	88,1	87,0	87,0
Франция	49,7	48,4	50,3	49,6	49,6	49,5
Германия	44,0	46,6	46,6	45,8	44,0	43,2
Великобритания	46,0	45,9	46,3	46,0	46,7	43,0
Канада	36,0	39,4	38,6	36,8	35,3	39,0
Италия	33,0	34,6	33,9	34,6	34,2	32,0
Япония	36,9	36,5	35,4	34,7	32,5	31,8
Китай	31,1	32,2	32,2	32,2	33,7	30,7
Индия	22,6	21,5	21,9	26,7	22,6	20,4
Россия	22,9	18,4	22,9	21,0	23,5	18,0
Бразилия	5,9	6,0	9,3	12,7	9,7	13,8
Турция	10,3	12,5	11,4	14,4	10,3	12,9
Мексика	10,0	11,8	11,8	17,1	19,3	11,5
ЮАР	13,0	10,0	8,5	12,6	11,8	10,3

Таблица 3 – Показатели, составляющие Индекс мягкой силы стран БРИКС, 2010 г.,% (Составлено автором на основе [9])

	Россия	Китай	Индия	Бразилия	ЮАР
Роялти за экспорт медиапродукции страны	5,6	3,6	2,7	6,3	1,2
Интерес к изучению языка страны	1,9	2,1	0,9	1,0	1,2
Олимпийские награды	7,5	7,1	0,9	3,1	1,2
Число граждан в списке Time 100	3,8	8,5	17,1	6,3	7,0
Компании в списке Fortune	2,8	20,9	2,6	6,2	0,0
Степень верховенства закона	11	10,4	15,6	18,5	23,8
Индекс свободы	5,6	1,4	14,1	18,9	20,9
Активность избирателей	11,3	0,0	5,3	21,0	13,9
Уровень выбросов CO2	7,5	0,7	7,1	10,5	11,6
Объем въездной иммиграции	27,5	2,1	13,0	3,1	6,8
Объем въездного туризма	13,8	20,9	2,6	3,1	6,8
Количество национальных университетов в международных рейтингах	0,0	20,9	0,0	0,0	3,4
Численность населения, свободно владеющего английским языком	1,9	1,4	17,7	2,1	2,3

number/Ne-rybu-a-udochku-15642.

2. Опубликован новый рейтинг брендов стран 2010: Россия не в топе // <http://www.sostav.ru/blogs/27523/4465/>.

3. Паршин П. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Аналитические доклады института международных исследований МГИМО МИД России. Выпуск 1 (36), март 2013.

4. Принципы территориального брендинга // http://www.docme.ru/doc/124676/principy-territorial_nogo-brendinga.

5. Country Brand Index 2012–2013 http://www.futurebrand.com/images/uploads/studies/cbi/CBI_2012-Final.pdf.

com/images/uploads/studies/cbi/CBI_2012-Final.pdf.

6. Country Brand Index. Рейтинг брендов стран в 2010–2012 гг. // <http://forbes.ua/nation/1341185-country-brand-index>.

7. Joseph Nye. Bound to Lead: The changing nature of American power. New York: Basic Books, 1990.

8. Kopp S. Russia: Nation Branding // <http://www.american.edu/soc/communication/upload/Russia-Kopp-10.pdf>.

9. Rapid-growth markets soft power index. Spring 2012 // http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/SIEMS_Monthly_Briefing_2012-06_eng.pdf.

1. Kosachev K.I. Ne rybu, a udochku. V chem sostoit osobennost' «myagkoj sily» Rossii // <http://www.globalaffairs.ru/number/Ne-rybu-a-udochku-15642>.
2. Opublikovan novyj rejting brendov stran 2010: Rossiya ne v tope // <http://www.sostav.ru/blogs/27523/4465/>.
3. Parshin P. Problematika «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii // Analiticheskie doklady instituta mezhdunarodnyx issledovanij MGIMO MID Rossii. Vypusk 1 (36), mart 2013.
4. Principy territorial'nogo brendinga // http://www.docme.ru/doc/124676/principy-territorial_nogo-brendinga.
5. Country Brand Index 2012–2013 http://www.futurebrand.com/images/uploads/studies/cbi/CBI_2012-Final.pdf.
6. Country Brand Index. Рейтинг брендов стран в 2010–2012 гг. // <http://forbes.ua/nation/1341185-country-brand-index>.
7. Joseph Nye. Bound to Lead: The changing nature of American power. New York: Basic Books, 1990.
8. Kopp S. Russia: Nation Branding // <http://www.american.edu/soc/communication/upload/Russia-Kopp-10.pdf>.
9. Rapid-growth markets soft power index. Spring 2012 // http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/SIEMS_Monthly_Briefing_2012-06_eng.pdf.

MEASUREMENT OF THE «SOFT POWER»

Korotina Natalia Yurievna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
Head of the Department of Economics,
Ph.D., Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia,
E-mail: korotina@chel.ranepa.ru

Annotation

The article points out the need for formal assessment of the level of «soft power» in the country. The article describes the different approaches to the measurement of «soft power» based on aggregate indices, and based on them the results of the ratings. Factors that determine the perception of the country in the modern world were highlighted.

Key words:

indicators of soft power, soft power index.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ МЯГКОЙ ВЛАСТИ В СИСТЕМЕ КОММУНИКАЦИИ

Сорина Галина Вениаминовна,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
философский факультет,
кафедра философии языка и коммуникации,
научный руководитель научно-образовательного центра (НОЦ) «Философско-методологическое проектирование и принятие решений»,
доктор философских наук, профессор,
Москва, Россия,
E-mail: gsorina@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется идея «мягкой власти» в контексте проблем концептуализации, формирующейся в системе коммуникации. Проводится мысль о том, что одной из основ реализации возможностей «мягкой власти» в системе коммуникации является рационально выстроенный концептуальный ряд. Показывается, что общий схематизм концептуализации не зависит от конкретной сферы деятельности человека. Подчеркивается, что сконструированные нами понятия управляют нашей деятельностью, в частности, в качестве одной из форм реализации «мягкой власти».

Ключевые слова:

мягкая власть, мягкая сила, жесткая власть, коммуникация, аргументация, концептуализация.

Проблема «мягкой власти» в ее взаимоотношении с «твердой властью», «жесткой властью» — это отнюдь не проблема XX и XXI веков. Однако концептуализация проблемы, как известно, произошла именно в условиях современности в работах Дж. Ная. Сам факт концептуализации известной проблемы породил специальное исследовательское коммуникативное пространство, представленное как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Фактически анализ проблем «мягкой власти» в современной научно-практической коммуникации оказывается лишь частным примером значения концептуализации в реализации «мягкой власти» как таковой. Доказательству этого тезиса и будет посвящен последующий текст.

Одной из основ реализации возможностей «мягкой власти» в системе коммуникации является рационально выстроенный концептуальный ряд. Синонимичный ряд описания «другой власти» по отношению к «мягкой власти» не исчерпывается понятиями «твердая власть», «жесткая власть», он может быть продолжен. То же самое

можно сказать по отношению к понятию «мягкая власть», один из ее синонимов — понятие «мягкая сила». В то же время любые описания «мягкой власти», «мягкой силы» по отношению к «другой власти» предполагают форму реализации власти, непосредственно не связанной с использованием средств физического воздействия или воздействия через инструменты реализации государственной власти, в частности судебно-правовой системы. Вместе с тем «мягкая власть», например в процессе выработки, а затем реализации определенного концептуального аппарата, может быть использована для построения аргументации, обосновывающей необходимость применения «жесткой власти», включая военные силы, для защиты определенных интересов.

Именно концептуальный аппарат формирует обоснованность (или создает видимость обоснованности) принимаемых решений. Достаточно вспомнить трагические события, происходящие в современной Украине, и концептуальные ряды, которые используются в коммуникационном пространстве для их описания.

Один из таких концептуальных рядов описывает сепаратистов и экстремистов, другой – народных ополченцев, бойцов ДНР, но и в том, и в другом случае речь идет об одной и той же группе людей. Используемый концептуальный ряд является формой реализации «мягкой власти», действующей в различных сегментах коммуникационного, информационного пространств. Однако рационально выстроенная аргументация оборачивается в практической деятельности основанием для принятия решений по использованию «жесткой власти», в условиях Украины – соответствующей военной силы.

Оказывается, «концептуальная структура, которой пользуется политик для описания и анализа ситуаций и аргументации, очень жесткая. Человеку сложно сменить концептуальную структуру, и если он уже мыслит в какой-то системе концептов и категорий, то будет стремиться к тому, чтобы распространить эту структуру на все сферы (даже на те, к которым она изначально отношения не имеет)» [12, с. 53]. Концептуальная структура присутствует в любой модели аргументации.

Теория взаимодействия различных подходов к анализу аргументации на базе построения системной модели аргументации построена в нашей стране В.Н. Брюшинкиным, показавшим, как различные модели аргументации проявляются в разных текстах. В частности, он проанализировал *логические* модели аргументации, в которых аргументация рассматривается как один из видов логического вывода, *риторические* модели аргументации, в которых аргументация моделируется при помощи системы тропов и фигур, *когнитивные* модели, в которых аргументация представляется как конструирование и изменение моделей мира в когнитивной системе [2].

Он утверждал, что каждая из этих моделей, с одной стороны, эффективна в своей области; с другой стороны, каждая из них в отдельности оказывается ограниченной и в силу этого не позволяет представить целостную аргументацию в реальном тексте, в реальном коммуникативном пространстве. В связи с этим, с точки зрения В.Н. Брюшинкина, и возникает необходимость синтеза существующих подходов в рамках по-

строения целостной модели аргументации, которая объединяла бы в себе логический, когнитивный и риторический подходы. Созданную модель он назвал *системной моделью аргументации* (СМА) [Там же]. В рамках этой модели *аргументация* понимается им как акт коммуникации, в котором некоторый субъект сознательно производит изменения в системе убеждений другого субъекта путем обоснования или опровержения убеждений.

Принимая так понятую аргументацию в рамках письменной и устной систем коммуникации, хочу подчеркнуть базисный характер процедур концептуализации в любой модели аргументации, в частности, направленной на реализацию возможностей «мягкой власти». Концептуализация, на мой взгляд, оказывается несущей конструкцией любой системы аргументации, выступает в качестве особого «нерва интеллектуальной жизни». В частности, об этом писал Дж. Дьюи, анализируя роль понятия в процессе познания. Он подчеркивает, что любой вид познания, любая наука оперируют понятиями, которые представляют исследуемые ими объекты или явления. Понятия и суждения связаны между собой таким образом, что «всякое суждение, всякий рефлексивный вывод предполагает недостаток понимания, частичное отсутствие понятия... Увеличение запаса понятий приводит нас к осознанию новых проблем... Никакой объект не бывает настолько привычным, очевидным и обычным, чтобы не явиться неожиданно в новом положении проблемой и, таким образом, вызвать размышление, чтобы быть понятым» [9, с. 96].

Понятия формируются в практической деятельности человека через схватывание (*apprehension*). Неопределенность понятий ведет к неточностям и ошибкам. Точное ясное понятие позволяет выделить группу предметов. Сформулированное понятие, «закрепленное лингвистическим знаком, сохраняется для будущего употребления» [Там же, с. 137]. Фактически Дьюи как раз и описывает процедуру концептуализации.

Без умения оперировать понятиями невозможно решить какую бы то ни было интеллекту-

альную проблему. В процессе принятия решений, точно так же, как и в процессе обучения, человек оперирует не вещами, но понятиями, представляющими вещи. В силу этого интеллектуальная деятельность, включая процесс принятия решений, постоянно оперирует знаками, языком в широком смысле.

Сформулированное понятие, по Дьюи, «является действующим орудием для дальнейшего понимания, средством для понимания других вещей. Таким образом, понятие распространяется, чтобы включить эти вещи» [Там же, с. 103].

В 1910 г., когда Дьюи опубликовал свою книгу «How we think» (о том, как мы мыслим), идеи «мягкой силы» еще не обсуждались. Но это ничуть не умаляет его результаты по проблемам концептуализации, для которых вопрос о концептуализации в рамках использования «мягкой силы» является лишь частным примером.

Общий схематизм концептуализации не зависит от конкретной сферы деятельности человека.

Всякая наука начинается с введения и определения основных понятий своей предметной области, т. е. с концептуализации своей области. В свою очередь сами области знания представляются при помощи определенным образом заданных понятий вне зависимости от того, относятся эти области к теоретическому или эмпирическому знанию, естественнонаучному или гуманитарному. При этом уточнение предметной области, например, конкретной науки, приводит к уточнению понятия, представляющего данную предметную область.

Очень ярко это прослеживается в науках, имеющих многовековую историю. Достаточно вспомнить самые общие схемы истории развития, например, физики, химии, логики, права и т. д. Существуют сотни определений каждой из этих наук, уточнение содержания которых влечет за собой уточнение содержания основного понятия, представляющего конкретную науку. Более того, как верно подметил еще в XIX в. известный русский педагог К. Д. Ушинский, «каждая наука есть не более, как одно чрезвычайно обширное и сложное понятие... Для человека, изучившего науку вполне, вся она является одним понятием, историю образования которого он может довести

с конца до начала, т. е. до первичных суждений, до основных сочетаний из ощущений» [15, с. 601–602].

Эта мысль Ушинского перекликается с идеей Дьюи, который писал, что «одним из главных предметов науки является доставление для каждой типичной отрасли знания ряда понятий и принципов, настолько тесно связанных, что каждое соответственно определенным условиям вызывает другое, которое при известных других условиях подразумевает третье и т. д.» [9, с. 77]. Отличается ли это чем-нибудь от общей методологической позиции, связанной с процедурами концептуализации? На мой взгляд, нет.

Совершенно очевидно, что описанное выше положение дел распространяется не только на области знания, имеющие многовековую историю, но и на совсем молодые области знания, включая различные аспекты политического знания.

В конечном счете, не только любая теоретическая, но и любая практическая область знания всегда представлены понятием, системой понятий. Любопытно, что А. С. Пушкин определял талант в зависимости от того, как человек оперирует понятиями. Он связывал талант со способностью *к быстрому соображению понятий*.

Любое значимое имя в истории не только науки, но и культуры ассоциируется с каким-то определенным понятием или системой понятий, как, например, имя Дж. Ная ассоциируется с понятием «soft power».

Каждое реально существующее жизненное событие предстает перед нами в своей системе понятий. Мы живем не только в предметном мире, но и в мире понятий, которые во многом, явно или неявно определяют нашу жизнь. Например, в истории России был период, когда человек формировался в социально-политическом пространстве, в котором «хозяйничала» система понятий, куда входили в качестве совершенно необходимых следующие подсистемы:

- «октябренок», «пионер», «комсомолец», «коммунист»;
- «командир звездочки», «командир отряда», «председатель совета отряда», «председатель совета дружины», «председатель парткома», «секретарь райкома», «секретарь горкома», «секретарь обкома», «секретарь ЦК» и т. д.

Социально-политическое мироустройство обобщалось и конструировалось при помощи соответствующих систем понятий. Система мира менялась вместе с системой этих понятий; критика понятий и ситуаций, которые скрывались за ними, вела к критике системы, способствовала подрыву системы и в то же время реализации возможностей использования «мягкой силы». Подобные системы идеологических понятий не просто аналитически вводились, они конструировались согласно определенным правилам, соответствовавшим идеологической системе, в рамках которой и происходила концептуализация. Может быть, одно из основных отличий современного российского мироустройства как раз и заключается в том, что не существуют сдерживающие оковы выше обозначенной системы социально-политических, идеологических понятий. Но задача по их формированию уже вновь сформулирована.

Новые идеологические системы понятий, при помощи которых должно конструируются какое-то новое представление о мире, пока не разработаны, причем я отнюдь не уверена, что в условиях сетевого общества это возможно. Но без такой системы понятий в современном идеологическом, политическом пространстве «жесткая сила» оказывается без поддержки «мягкой силы», следовательно, возможности первой оказываются ограниченными.

Возвращаясь к анализу проблем концептуализации и функционирования различных понятийных стратегий, хотелось бы подчеркнуть следующее. Не только обозначенная выше, но и любая иная понятийная, категориальная система предлагает свое видение мира. В свою очередь это видение определяется представленной, сконструированной системой понятий. Именно поэтому борьба за понятия оказывается, как точно заметил П. Бурдьё, формой борьбы за власть. Деятельность в сфере выработки и классификации понятий, с его точки зрения, идет постоянно, «в каждый момент обыденного существования» [4]. Очевидно, что во всех сферах деятельности человека происходит борьба за право введения, определения и классификации понятийной сетки, которая будет представлять тот или иной фрагмент мира. Именно это и явля-

ется, на мой взгляд, одним из важнейших оснований реализации идеи «мягкой силы».

При этом очень важно заметить, что процедура конструирования понятий, их основные функции могут быть выделены вне зависимости от области, в рамках которой они конструировались. Все понятия репрезентируют реальную или виртуальную сферы деятельности человека.

Важнейшая функция любого понятия заключается именно в том, что оно *представляет* человеческому сообществу предметы внутреннего и внешнего мира, во-первых, через указание на некоторые признаки этих предметов и, во-вторых – через обобщение, собирание предметов, обладающих такими признаками, в определенный класс выделенных предметов. В этом смысле не составляет исключения и система понятий, группирующихся вокруг понятия «мягкая сила».

Можно говорить, что существует своеобразная «аксиоматика мышления», которая фактически задана в корневом понятийном ряду субъекта. Этот ряд складывается из систем:

- классических обыденных понятий типа «дорога», «дом», «стол», «стул» и т. д.;
- контекстуально обыденных понятий, сформировавшихся в результате проникновения в обыденный лексикон теоретических, научных понятий, приобретших социальную значимость (в качестве примера можно рассмотреть такие понятия, как «космос», пришедшее из философии Античности в современность, «космонавт», «телевизор», «компьютер», «интернет» и т. д.);
- профессиональных понятий.

Идея, применительно к системе профессиональных понятий, может быть проиллюстрирована высказыванием известного западного экономиста П. Хейне. Он утверждает, что «смотреть на вещи с точки зрения экономиста – это значит систематизировать хорошо известные всем явления с помощью таких понятий, как спрос, альтернативная стоимость, предельный эффект и сравнительная выгода» [16, с. 699].

В свою очередь, по аналогии можно утверждать, что *смотреть на мир сквозь призму проблем «мягкой силы»* – значит систематизировать различные факты и события, отталкиваясь от центрального понятия системы «мягкой силы».

Различные понятийные ряды могут иметь профессиональные и обыденные смыслы. При этом «степень объяснения каждого понятия никогда не является абсолютной; она всегда соответствует масштабам и интенсивности понимания структуры в целом» [10, с. 115].

Проиллюстрирую изложенную мысль примером из одной старой индийской сказки. Эту историю приводит в своей книге Г. Селье, выдающийся ученый XX в., создатель классического учения о стрессе, который ввел в науку само понятие «стресс».

Пример ему нужен для того, чтобы показать особенности функционирования абстрактных элементов мысли, их связь с практическим и теоретическим знанием. Сначала Селье утверждает, что, не будучи профессионалом в сфере современной физики, невозможно до конца постичь, например, идею кванта. Затем он показывает, что, не имея практического опыта, невозможно понять идею белизны как абстрактного элемента мысли. С помощью сказки Селье фактически проводит мысль о том, что отсутствие практического опыта мешает функционированию абстрактного мышления.

История, изложенная в сказке, выглядит следующим образом:

«Однажды слепой нищий спросил своего приятеля:

– Скажи мне, что такое «белый»? На что это похоже?

– Белый – это цвет, – ответил приятель. – Он похож на снег, который лежит в горах.

– Понятно, – сказал слепой. – Это холодный и мягкий цвет.

– Нет, не совсем. Бумага тоже белая.

– Тогда это тонкий и хрупкий цвет.

– Совсем не обязательно. Молоко тоже белое.

– Значит, он жидкий и съедобный? – озадаченно спросил слепой.

– Все нет, – терпеливо продолжал объяснения его друг. – Белыми бывают разные вещи: и облака, и зубы, и борода старика, кстати, твои глаза тоже белые, потому что ты ими не видишь.

– Ну что же... – вздохнул слепой. – Это жесточайший цвет. Наверное, лучше всего мне и не пытаться понять, что это такое» [11, с. 253].

Сложность определения абстрактных объектов отмечалась еще в Античности. Например, Анаксагор, которого, как замечает Плутарх, «современники называли Умом», четко проводил различие между видимым и мыслимым. Секст Эмпирик писал: «Анаксагор противопоставлял утверждению «снег бел» рассуждение «снег есть замерзшая вода; вода черна, следовательно, снег черен» [1, с. 528]. Эти же идеи транслирует Цицерон. По его мнению, Анаксагор не просто отрицал белизну снега, «но и утверждал, что поскольку он знает, что вода, из которой образовался снег, черна, то снег даже не кажется ему белым» [Там же]. Не менее сложной оказывается задача по определению абстрактных объектов и в настоящее время.

Жесткие, раз и навсегда данные определения абстрактных предметов в развивающихся сферах научной, интеллектуальной деятельности – скорее редчайшее исключение, чем правило. При этом опять-таки неважно, какую сферу мы будем рассматривать – естественнонаучную или гуманитарную, производственно-техническую или управленческую, политическую или военную.

Язык и система понятий, которые мы используем в науке и в своем повседневном жизненном опыте, имеют одну и ту же структуру. Эта мысль Н. Бора, приведенная Г. Гейзенбергом, конечно же, носит общезначимый характер [5, с. 251–252].

Любые понятия являются идеальными объектами, в этом смысле все они оказываются порождением нашего разума и рассудка. Как известно, исторически первыми начали исследоваться особенности понятий, представляющих философское, математическое, логическое знание. Именно в рамках этого типа знания обсуждался вопрос о том, «какие идеализации и идеальные объекты являются порождениями нашего разума и рассудка, каков их статус в научных теориях и, наконец, каково их отношение к опытному знанию?» [13, с. 107].

В рамках философского, математического, логического знания начали исследоваться способы введения идеальных объектов, в качестве которых рассматривались понятия, предлагались схемы построения понятий согласно правилам,

порожденным конструктивной деятельностью человека. Но оказалось, что сама деятельность по анализу и конструированию понятий intersubъективна и междисциплинарна по своему характеру. Например, классическая математика оперирует понятиями, которые сконструированы разумом и выходят за пределы опыта. Такая характеристика относится к любому из понятий классической математики: «число», «натуральное число», «комплексное число», «отрицательное число», «трансфинитное число», «точка», «бесконечно удаленная точка» и т. д.

В рамках целостной интеллектуальной деятельности человека математика всегда занимала особое место. Она рассматривалась в качестве образца строгости, последовательности, истинности. Но даже «в математике – этом образце достоверности и истинности, – как замечает Д. Гильберт, – образование понятий и ход умозаключений... приводят к нелепостям (Курсив мой. – Г.С.)» [6, с. 349].

Как бы сам собой напрашивается вывод. Если неточности, ошибки в конструировании, определении понятий могут быть обнаружены в математике, почитаемой за образец точности, ясности, однозначности, они могут быть обнаружены и в любой иной области знания. Схематизм образования понятий в математике, на мой взгляд, ничем не отличается от аналогичной процедуры в других областях знания (например, в физике, химии, биологии, политике и т. д.). Более того, этот схематизм одинаково работает в любой сфере теоретической или практической деятельности человека, включая организационную или социально-политическую сферы.

Сама идея схематизма остается одной и той же. Различаются лишь области его приложения. Вместе с тем математические и даже философские образцы понятийных схем намного проще, на мой взгляд, поддаются анализу, чем примеры подобных схем в областях организационного или социально-политического знания. Возникает вопрос: «Почему?». Возможный вариант ответа может быть представлен следующим образом.

В первых двух областях не сталкиваются слишком жестко человеческие интересы – личностные и групповые, государственные и региональные. В них чаще всего «работают» иные

системы ценностей, иной уровень конкуренций между людьми, чем, например, в сферах рыночной экономики или политике.

Необходимо подчеркнуть, что сконструированные, может быть, порой «схваченные» нами понятия как на высочайшем уровне «абстракций и идеализаций» (например, в математике или философии), так и на иных уровнях бытия понятий *управляют нашей деятельностью*. Всегда важно помнить, что мы живем не только в предметном, но и в понятийном мирах. Именно последний и является одной из форм реализации «мягкой власти».

1. Анаксагор // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. – М.: Наука, 1989.
2. Брюшинкин В.Н. Достоинства и недостатки логического подхода к моделированию аргументации // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 12. С. 96–105.
3. Бурдые П. За рационалистический рационализм // Социо – Логос постмодернизма. М., 1996.
4. Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
5. Гейзенберг Г. Физика и философия. Часть и целое. – М., 1990.
6. Гильберт Д. Основания геометрии. – М., 1948.
7. Гильберт Д. Естествознание и логика // Кантовский сборник. Вып. 15. – Калининград, 1990. С. 116–127.
8. Грязнов Б.С. Логика. Рациональность. Творчество. – М., 1982.
9. Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления. М., 1999.
10. Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. М., 1991, с. 113–169.
11. Селье Г. От мечты к открытию. – М., 1987.
12. Сергеев В.М. Новый подход к изучению аргументации // Модели рассуждений – 5. Аргументация, коммуникация, общество. – Калининград: изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 52–60.
13. Смирнова Е.Д. Роль идеальных элементов у Гильберта и Канта // Кантовский сборник. Вып. 15. – Калининград, 1990.
14. Сорина Г.В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность. – М.: Гардарики, 2005 (2-е изд. – М.: Канон+, 2009).
15. Ушинский К.Д. Собр. соч. М. – Л., 1950. Т. 8.
16. Хейне П. Экономический образ мышления. – М., 1992.
17. Ярмук Ю.В. Профессионализм политической элиты: теория и практика. – М., 2002.

1. Anaxagor // Fragmenty rannix grecheskix filosofov. Ch. I. – М.: Nauka, 1989.
2. Bryushinkin V.N. Dostoinstva i nedostatki logicheskogo podxoda k modelirovaniyu argumentacii // Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta. 2010. Vyp. 12. S. 96–105.
3. Burd'e P. Za racionalisticheskij racionalizm // Socio –

- Logos postmodernizma. M., 1996.
4. Burd'e P. Sociologiya politiki. M., 1993.
  5. Gejzenberg G. Fizika i filozofiya. Chast' i celoe. – M., 1990.
  6. Gil'bert D. Osnovaniya geometrii. – M., 1948.
  7. Gil'bert D. Estestvoznaniye i logika // Kantovskij sbornik. Vyp. 15. – Kaliningrad, 1990. S. 116–127.
  8. Gryaznov B.S. Logika. Racional'nost'. Tvorchestvo. – M., 1982.
  9. D'yui Dzh. Psixologiya i pedagogika myshleniya. M., 1999.
  10. Mangejm K. Ideologiya i utopiya // Utopiya i utopicheskoe myshlenie. M., 1991, s. 113–169.
  11. Sel'e G. Ot mechty k otkrytiyu. – M., 1987.
  12. Sergeev V.M. Novyj podxod k izucheniyu argumentacii // Modeli rassuzhdenij – 5. Argumentaciya, kommunikaciya, obshhestvo. – Kaliningrad: izd-vo BFU im. I. Kanta, 2012. S. 52–60.
  13. Smirnova E.D. Rol' ideal'nyx e'lementov u Gil'berta i Kanta // Kantovskij sbornik. Vyp. 15. – Kaliningrad, 1990.
  14. Sorina G.V. Prinyatie reshenij kak intellektual'naya deyatel'nost'. – M.: Gardariki, 2005 (2-e izd. – M.: Kanon+, 2009).
  15. Ushinskij K.D. Sobr. soch. M. – L., 1950. T. 8.
  16. Xejne P. E'konomicheskij obraz myshleniya. – M., 1992.
  17. Yarmak Yu.V. Professionalizm politicheskoy e'lity: teoriya i praktika. – M., 2002.

CONCEPTUAL FOUNDATION OF SOFT POWER IN THE SYSTEM OF COMMUNICATION

Sorina Galina Veniaminovna,

Moscow State University after M. V. Lomonosov,
Faculty of Philosophy,
Department of Philosophy of Language and Communication,
Scientific Director of the “Philosophical and Methodological Design and Decision-making” research and education centre,
doctor of philosophical sciences, professor,
Moscow, Russia,
E-mail: gssorina@mail.ru

Annotation

This article analyses the idea of «soft power» in the context of problems of conceptualisation that develops in the system of communication. The author argues that one of the prerequisites for the implementation of soft power in the system of communication is a rationally constructed concept sequence. It is shown that the general schematic nature of conceptualisation does not vary depending on the area of human activity. The author stresses that the concepts we construct steer our activities, in particular, as a manifestation of soft power.

Key words:

soft power, hard power, communication, argumentation, conceptualisation.

«МЯГКАЯ СИЛА» В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Ярмак Юрий Васильевич,

Московский городской педагогический университет,
кафедра массовых коммуникаций,
доктор политических наук, профессор,
Москва, Россия,
E-mail: y.yarmak@mail.ru

Аннотация

В статье проводится мысль о том, что идея «мягкой силы» и различные способы ее применения мы можем обнаружить уже в ранних государствах. В частности, показывается, что «мягкая сила», «мягкая власть» применялась как на международном уровне, так и внутри государств уже в древних Египте, Шумере, Вавилоне, Карфагене. В статье делается вывод, что подобный исторический экскурс актуален для современных исследований «мягкой силы» в коммуникативном пространстве государственного управления.

Ключевые слова:

мягкая сила, государственное управление, мир политических отношений, ранние государства, управленческие полномочия.

Интерес к силе у людей существует давно. В ней они находят объяснение огромного количества явлений и загадок, множества оттенков взаимодействия между частями материального и нематериального мира. Силу как феномен изучают, объясняют, постигая ее смысл, находя ее источники. Во многом это происходит не ради любопытства, а ради ее использования для управления.

Как известно, именно благодаря силе в ее различных формах осуществляется управление механизмами, электрическим полями, биологическими и социальными системами. И с того времени, как социально-гуманитарные науки стали пристально изучать историю человечества, все более рельефно проступают контуры, становятся понятными законы действия сил, которые играют главную роль в осуществлении общественного властного управления.

Оказалось, что силы власти в управлении социумом – от простейших групп до мега-

комплексов – имеют чрезвычайно широкий диапазон своего проявления, среди которых роль «мягкой силы» отнюдь не самая последняя, а в ряде случаев – наипервейшая.

Вместе с тем мир политических отношений не оригинален, и абсолютизировать сегодня роль Дж. Найя в открытии феномена «мягкой власти», «гибкой силы», как минимум, не совсем правильно. Другое дело, что современное появление такого термина в определенных атрибутивных показателях его связей с реальными политическими процессами нами может быть принято именно в связи с идеями Дж. Найя.

Признавая это, мы можем обнаружить существование и разнообразное применение «мягкой силы» и власти уже в ранних государствах. Можно сказать, что там, где функционировали хоть какие-то интеллектуальные потенциалы у носителей официальной власти, «мягкая сила», «мягкая власть» применялась властителями в интересах реализации

их управленческих полномочий. Более того, и на международном уровне «гибкая сила», «мягкая власть» достаточно активно применялись: через скрытые дипломатические каналы, экономические санкции, запретные (цензовые) механизмы, различные виды подкупа или шантажа. А на виду, в сфере официальных отношений, это могло выглядеть логичным ходом событий или оправдываться какими-то ясными причинами.

Коснувшись истории вопроса с точки зрения внутренней власти и управления, нетрудно увидеть, что в древнем мире роль «гибкой», «мягкой силы» выполняли колдуны и шаманы, культы, традиции и обычаи, а позже – религиозные постулаты и идеологии.

Древний Египет

С развитием в этой стране идей управления в условиях ранней государственности, децентрализованного и централизованного государства активную роль играли политико-религиозные центры, египетская знать (чиновники), жрецы со своими особенностями скрытного поведения и влияния. А чего стоят Поучения периода правления Гераклеопольского царского дома (XXI в. до н. э.) – столицы Египта! В них описываются не только открытые, но и скрытые формы управления при реализации власти и влияния, наказания и поощрения, мотивации и стимулирования поведения людских масс. Чем, если не прототипом «мягкой власти», были рекомендации данного документа производить красивые и убедительные речи, которыми правитель должен был влиять на подданных, выстраивать дифференцированные отношения с разными социальными группами: вельможами, представителями армии, простыми людьми? Фундаментальной, безусловно, оставалась главная цель управления того времени – формирование безукоризненного поклонения царю-Богу (фараону). И на это работал институт жрецов, система сакральных знаний писцов. Недаром такие древние источники, как «Призвание писцов выше всех других» или

«Все призвания хуже профессии писца» свидетельствуют о скрытой, но весьма серьезной роли указанных представителей в реализации «мягкой власти» в обществе.

Древняя страна Шумер

Интересно, что наиболее распространенная точка зрения среди шумерологов по поводу того, откуда шумеры появились в Месопотамии и благодаря чему, продвигаясь в ее глубь, создавали города, завоевывали местное население, выглядит как предположение об умелом сочетании силовых и несиловых средств и методов. Пришлый народ, с одной стороны, подчинял себе местное население, воспринимая многие достижения местной культуры, а с другой – обогащая и развивая ее. Но в конечном счете в последующем мир узнал именно о шумерском большом и могущественном государстве, а не о мелких его частях. Именно шумерскому государству в виде городских поселений приписывают существование советов старейшин, народных собраний, зарождение законодательной системы и другие атрибуты цивилизации.

И еще один момент. Как в Шумере, так и в Аккаде, и в Эламе – царствах с тесно переплетенными во времени культурами управления (примерно двухтысячелетняя история), – кто бы ни приходил к верховной власти, обязательно начинал это властвование с посещения и поклонения в главных храмах Бога. То есть «мягкая сила» религии уже тогда формировалась как тотальная форма управленческого участия при реализации власти, и в последующем продолжала стабильно играть в этом существенную роль.

К слову, религия сама по себе является властью, не простой, а духовной, что значительно сильнее многих других ее видов. Религиозные идеи, ценности, ритуалы и таинства тысячелетия сопровождают жизнь человечества, а для множества людей являлись и являются неоспоримой «мягкой властью», от которой трудно избавиться. Миссионеры от разных религий, как известно, часто были первыми в движении, которое происходило сначала робко и мягко,

а позже порой агрессивно, с широким фронтом захвата и покорения народов и территорий, охватывало другой язык, другую культуру и проникало в иную социально-политическую среду. Вслед за этим происходило изменение или подавление последних.

Вавилония (Вавилон)

(южная часть Месопотамии, от начала II тысячелетия до 538 г. до н. э.).

Царство прошло четыре исторических этапа. Представляло тетраполию (тетрархию), что требовало поиска и нахождения компромиссов (форм мягкого взаимодействия) для существования политического союза четырех городов, четырех стран. Это было нечто вроде конфедерации, где неагрессивная форма отношений давала возможность власти переходить от одного города к другому. Возвысившийся город как бы становился гегемоном над другими городами с соответствующими тому привилегиями.

Одной из особенностей проявления «мягкой силы» в этом царстве было ее законодательное оформление. При Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.) сложилось централизованное рабовладельческое монархическое государство с жестко организованной системой управления во всех уголках его территории. Но сам Хаммурапи стремился обеспечить своим подданным жизнь в безопасности под защитой прежде всего законов. Для этого существовал их некий свод – 282 статьи в трех разделах. В основе этого исторического документа (он появился раньше дигестов Юстиниана – 533 г. н.э.) лежали еще более древние идеи о законодательстве (Шумер, Аккада). Они в большей мере представляли собой правила поведения для разных категорий населения Вавилонии, включая царских служащих, судей, воинов, свободных общинников и рабов.

Моральные нормы, представленные в законах, формировались не одно столетие и определялись как сдерживающие начала, основы общественной морали древнего общества. Интересно, что отмеченные в законах методы

управления и инструменты, помимо административных и экономических, предусматривали социально-психологические методы, а именно воспитательные. На них делался усиленный акцент, особенно в отношении семьи, в них излагались требования к женщине и детям, к служителям культа и т. д. То есть система управления в древнем обществе предполагала использование «мягкой силы» воспитанных привычек поведения, применение этических рамок, сформированных властью Закона.

Позже, в период нововавилонской династии Набуаплицура, система «гибкой власти» («мягкой силы») управления проявилась в виде такого новшества, как брачные союзы родственников царских семей различных государств. Это влияло на решение вопросов в области управления внешнеэкономическими связями, во многом определяло мирное сосуществование с другими государствами, возможность влияния на их внутренний расцвет и развитие.

В целом, говоря об историческом развитии и особенностях социально-политической жизни Вавилона, по мнению известного исследователя В. А. Белявского, это царство не только не было восточной деспотией, но даже не являлось в полном смысле слова монархией. Скорее его можно назвать аристократической республикой с ежегодно избираемым царем-магистратом [Белявский, с. 35].

Знаменитый исход евреев из Египта
(середина II тысячелетия до н. э.)

Этот исторический период развития восточных цивилизаций дает немало количество примеров умелого использования «мягких механизмов» управления, воздействия на разрозненные еврейские племена с целью их организации в нечто единое и жизнеспособное. Сама идея Моисея образовать кочевое государство базировалась на осознании необходимости в условиях постоянных угроз сохранить еврейский народ. И для этого был использован сотнями лет испытанный способ религиозного объединения: провозглашение необходимости

выполнить прямое указание Бога. Что народ принял и во что поверил. Кроме того, серьезную роль сыграли мягкие формы сохранения семейных традиций воспитания с надежным механизмом: женщины – дети – воспитание в иудаизме – свобода – прямое обращение к Богу – община [Сатановский, с. 74]. Все остальное требовало высокого уровня организации управления, основанного на инстинкте самосохранения и интеллекте: перепись еврейского населения; определение структуры «движущегося государства»; обеспечение какого-то порядка при его мобильности и др.

В последующем такие личности, как Навин, пророк Самуил, правители Давид и Соломон не снижали уровень своего воздействия на кочевников посредством убеждения их в необходимости выполнять божественные пророчества. И от имени Бога первым помазанником на царствование в израильско-иудейском государстве стал Саул. А при существовании высокого авторитета, на котором может быть основана вера в реальную власть, мягкие формы ее использования диверсифицировали возможности управления, сглаживали протестный потенциал, который мог проявиться в самом неожиданном виде. Это позволяло не доводить до состояния сомнений авторитет Саула, его «представительство» как избранника Бога.

Хазария (Хазарский каганат)

Что касается мягкого влияния политической и религиозной силы, то следует упомянуть историю с хазарами, чье участие в становлении и развитии русской государственности нельзя исключать. Хазария (Хазарский каганат) в течение короткого периода времени была, как считают исследователи, региональной державой. Она успешно балансировала между непрерывно воевавшими друг с другом Византией и Халифатом. Ни христианство, ни ислам ей не подходили, так как permanently приходилось бы воевать с одной стороной и выплачивать дань другой. При отсутствии монорелигиозной социальной среды (здесь было исповедание иудаизма, мусульманства,

христианства) произошло «рождение» пророка Божьего Моисея со всеми прилагательными этому явлению атрибутами: чудесами, знаменьями, личными беседами с Богом и политической поддержкой. То есть поиск гибкого решения привел к соломонову выбору: признать Единого Бога, но не из тех, кому поклонялись стороны, а самому-самому... Это не противоречило ни христианским, ни исламским догматам и обеспечивало определенное военно-политическое спокойствие, что позволяло разумно выстраивать управление с эффективной системой разделения властей. Прагматический баланс веротерпимости позволял властям исповедовать иудаизм, никого к нему не принуждая. Объединение тюркских племен, славян и кавказских народов считается первым государством с настоящей экономикой на территории средневековой (часто называемой древней) Руси.

Открытая сила и тем более единоличная деспотия – чрезвычайно опасный и практически всегда менее продуктивный способ управления в государстве, нежели управление посредством хорошо организованного и мягко действующего авторитетного коллективного разума. Но этот идеал может считаться только теоретическим взглядом. В реальности история свидетельствует, что государства и их население испытывали на себе как крайне жесткие или весьма мягкие, так и сложно сочетаемые между собой эти две формы управления. Именно безальтернативная предрасположенность к доверию и привлечению во властное управление круга способных к здравому смыслу людей или, наоборот, предпочтение жестких бескомпромиссных форм управления во все времена истории порождали синусоидальные изменения в конфигурации власти: от диктатуры к коллегиям и советам, и обратно.

Город-государство Карфаген

Такие переходы и влияния можно увидеть в истории управления Карфагеном, который за свои две с лишним тысячи лет (825 г. до н. э. – начало III в.) переживал как статус властелина

западного побережья Средиземного моря, так и участь беспощадно уничтожаемого центра тогдашней цивилизации. После кончины выдающейся главы государства Дидонны-Элиссы власть принадлежала Совету десяти, одновременно с которым функционировал Совет старейшин, затем военному диктатору Малху. Позже определять процессы жизни (экономика, законы, развитие искусств и т. п.) стала олигархия Магонидов. В этот период возникают некие подобия партий, появляется прототип «республиканского» управления. Совет десяти преобразуется в Совет тридцати, а Совет старейшин, расширяясь в составе, доходит до 300 человек. В исполнительной и судебной власти появляется верховная инстанция – коллегия в составе магистров-суфжетов, которые ежегодно сменялись выборным порядком. Они исполняли обязанности безвозмездно и представляли обеспеченные (богатые, известные) социальные группы. Их деятельность была подконтрольна Совету, в который входили более 100 членов. Уже при Ганнибале сменяемость членов этого Совета стала ежегодной. Такой же ежегодной избирательной процедуре подвергался и Совет старейшин, ограничивавший полномочия магистров-суфжетов. Осуществлялись и другие меры по привлечению к управлению обществом возможно большего количества достойных граждан: проводились выборы из представителей городских цехов и объединений грамотных и честных людей для создания комиссий по переоценке состояния тех, чьи хозяйства подлежали налогообложению. Условно говоря, такого рода социально-исторические процессы задолго до современных цивилизаций готовили «живительный бульон» для господства здравого смысла: «мягкая власть» продуктивнее жесткой властной силы.

Все это многообразие «мягкой власти» (помимо существования совершенно конкретных и жестких правил и мер) способствовало экономическому развитию Карфагена и постепенному расширению его влияния на других территориях. Несомненными механизмами в этом влиянии были как торговля, миссионерская деятельность, так и договорная диплома-

тия с аналогичными городами-образованиями, что существенно дополняло хорошее военно-стратегическое состояние Карфагена как сильной державы.

Некоторые исследователи, описывая организацию управления этого государства, считают, что она напоминает своеобразную окружность, некое подобие круглого стола с точки зрения процесса осуществления управления. Предположительно можно считать, что это свидетельствует о стремлении к проведению демократических принципов власти, говоря современным языком, посредством сдержек и противовесов, подконтрольности, коллегиальности, выборности и исполнения власти на общественных началах [Макашов, Овчинникова, с. 98].

Мидийское царство (ок. 670–550 гг. до н. э.), Лидийское царство

Некие схожести в использовании «мягкой силы» при управлении существовали в недолгом веке Мидийского царства, когда царствующей особой был Денок. Его непререкаемый авторитет основывался не на абсолютной личной власти, а на социально-психологических подходах. В управлении и государством, и разноплеменными народами нормы права уступали перед приоритетом норм морали и этики. Об этом можно говорить и при рассмотрении Лидийского царства (VIII в. до н. э.), в котором на позднем этапе его развития, как считают специалисты, в рамках одной из древнейших общин зародилась христианская религия с ее принципами высокой морали. Видимо, такие принципы обладали не только собственными притягательными свойствами, но и умело приносились на страждущую почву социальных ожиданий справедливого и гуманного управления.

Считается, что эти принципы были положены в поведенческую практику человека, формировали морально-этическую систему для возникновения приверженности и даже преданности людей каким-то идеям. В свою очередь, идеи формировали некие идеологе-

мы и идеологические системы, которые, как мы знаем, в последующем становились непременным атрибутом стратегии управления на государственном уровне.

Из сказанного следует, что за несколько тысячелетий до н. э. и ближе к нашему времени в практику мягкого социального воздействия и осуществления власти были привнесены не только религиозные формы, но и морально-этические нормы социально-психологического и воспитательного влияния, использовались авторитет и механизмы поиска компромиссных решений в спорных вопросах. Нередко при этом делался выбор в управленческих решениях с отклонением жестко бескомпромиссных шагов и позиций. При всей достаточной жесткости и даже агрессивности социально-политического управления, социально-политического и культурного обустройства в прежние эпохи такие мягкие формы очень часто действовали совместно с жесткими и составляли некий конгломерат системного характера.

Таким образом, прототипы «мягкой силы», мягкого влияния и управления имеют большую родословную, уходящую вглубь веков. Цивилизации несли в себе потенциал идей, подталкивавших правителей думать о справедливом правлении, а подданных – надеяться на справедливость, а значит, мудрость в том же правлении. В данном контексте понятие мудрости коррелирует с понятием справедливости и мягкости. Но социум разнолик и типы его представителей по-разному относятся к власти, движению к ней, удержанию и использованию ее инструментов. Это же относится к народам и государствам. Поэтому движение к сегодняшним представлениям о выборе «мягкой силы» для управления и влияния, осуществления власти и формирования отношений взамен жестких силовых форм – это естественный и долгий процесс плохо обучаемого человечества и его властителей. За шагом вперед практически всегда следует отступление назад. При этом целью и триумфом, но одновременно и платой за такие движения была приобретае-

мая субъектами управления или исчезающая из их рук власть.

Такое «челночное», поступательное или откатное движение по-прежнему оставляет открытым вопрос об общих тенденциях в выборе форм применения «мягкой силы». К демократическим формам управления или авторитарным и жестким склоняется человечество, отдельные страны и общества, те или иные представители власти в государствах – вопросы по-прежнему животрепещущие. А из исторического опыта следует, что мы, во-первых, отнюдь не оригинальны в попытках осознать необходимость делать правильный выбор. Во-вторых, просто не учимся на опыте наших предков (или не хотим это делать, когда игнорируем здравый смысл и разумную гибкость в угоду «железобетонным» фактам и ортодоксиям).

В этом смысле Дж. Най с его теорией может считаться признанным авторитетом современности. Причем, на мой взгляд, самым ценным из всего массива примеров и данных, которые Дж. Най использует в доказательствах своей теории, является то, что он заставляет повернуться нас лицом к скрытым ресурсам влияния государственного авторитета на свою социальную систему и другие государства, разобраться в правильности или порочности их использования, акцентирует вопрос на межкультурном взаимодействии.

Думаю, исторический экскурс в практику использования мягкой силы и власти в управлении нам не только не помешает, но может стать подспорьем в современном научном исследовании актуальных проблем в этой области.

-
1. Белявский В. А. Тайны Вавилона. – М.: Вече, 2001.
  2. Макашов И. Н., Овчинников Н. В. Всемирная история управленческой мысли. – М.: РГГУ, 2007.
  3. Сатановский Е. Моя жизнь среди евреев: Записки бывшего подпольщика. – М.: Эксмо, 2013.
  4. Сорина Г. В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность. – М.: Гардарики, 2005 (2-е изд. – М., Канон+, 2009).
  5. Степин В. С. Цивилизация и культура. – СПб.: СПб ГУП, 2011.
  6. Чистякова К. А. Вклад Н. А. Витке в развитие управленческой мысли. – М.: Спутник+, 2006.

-
1. Belyavskij V. A. Tajny Vavilona. – M.: Veche, 2001.

2. Makashov I.N., Ovchinnikov N.V. Vsemirnaya istoriya upravlencheskoj mysli. – M.: RGGU, 2007.
3. Satanovskij E. Moya zhizn' sredi evreev: Zapiski byvshego podpol'shika. – M.: E'ksmo, 2013.
4. Sorina G.V. Prinyatie reshenij kak intellektual'naya deyatel'nost'. – M.: Gardariki, 2005 (2-e izd. – M., Kanon+, 2009).
5. Stepin V.S. Civilizaciya i kul'tura. – SPb.: SPb GUP, 2011.
6. Chistyakova K.A. Vklad N.A. Vitke v razvitie upravlencheskoj mysli. – M.: Sputnik+, 2006.

«SOFT POWER» IN THE COMMUNICATIVE SPACE OF PUBLIC ADMINISTRATION: ON THE HISTORY OF THE PROBLEM

Yarmak Yuri Vasilievich,

Moscow City Pedagogical University,
Department of Mass Communication,
doctor of political sciences, professor,
Moscow, Russia,
E-mail: y.yarmak@mail.ru

Annotation

This article argues that the idea of soft power and different means of its implementation can be traced back to early states. In particular, it is shown that soft power was used both at the international and national levels in ancient Egypt, Sumer, Babylon, and Carthage. It is concluded that such historical excursions are relevant to modern research on soft power in the communicative space of public administration.

Key words:

soft power, public administration, world of political decisions, early states, administrative authority.

КОЕ-ЧТО О ТЕХНОЛОГИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ «СТРАТЕГИИ НЕПРЯТЫХ ДЕЙСТВИЙ»

Виловатых Анна Вячеславовна,

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации,
кафедра социологии, преподаватель,
г. Москва, Россия,
E-mail: vilkavulkan@yandex.ru

Аннотация

В статье автор дает краткий анализ современных технологий глобального доминирования, более подробно останавливаясь на специфике «стратегии непрямых действий». Обосновывается, что безопасность государства и общества во многом зависит от политики противодействия современным трансформационным стратегиям.

Ключевые слова:

информационные технологии, «стратегия непрямых действий», безопасность государства.

Факт, но при современном уровне развития науки, наличии всевозможных видов вооружения, стабильность международной обстановки находится в прямой зависимости от информационного пространства. «Нелетальное оружие массового поражения» (так эксперты квалифицируют современный арсенал трансформационных технологий) в настоящее время обеспечивает решающее стратегическое преимущество над неугодными режимами и их лидерами, приводит к ряду летальных исходов среди мирных граждан.

Теоретической основой данной области служат работы Д. Шарпа «Ненасильственные действия: изучение контроля над политической властью», И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой», Б.Г. Лиддел Гарта «Стратегия непрямых действий», С. Манна «Теория хаоса и стратегическая мысль», дальнейшее развитие идей которых послужило идейной основой технологий «оранжевых революций» и «бархатных революций», теорий «управляемого хаоса», «мягкой силы» и «умной толпы».

Сущность их применения состоит в том, что в современном мире глобальных коммуникаций, с помощью информационных и политических технологий, в сознании человека формируются образы виртуального мира, подаваемые, в основном, СМИ. Под силой воздействия информации человек не может им противостоять. Его внутренний мир неизбежно деформируется под напором информационного потока, искажающего истинную суть происходящих событий. В большинстве случаев объектами таких информационных воздействий являются маргинальные слои населения страны и молодежь.

Идеологическое воздействие через глобальную сеть Интернет, социальные сети, средства массовой информации опосредует восприятие обществом обстановки как внутри страны, так и за ее пределами, а зачастую – инициирует военно-политические процессы различного масштаба – от вспышек вооруженного насилия на митингах, до серии полномасштабных региональных вооруженных конфликтов. Это показывает опыт организации «цветных рево-

люций», когда вышеперечисленные направления воздействия на сознание населения являются оружием массового поражения ментальной сферы человека, посредством которого осуществляется скрытое разрушение его культурно-конфессиональной самоидентификации и традиционных моделей поведения.

Исследователь Карякин В.В., анализируя проблемы информационно-психологического воздействия, отмечает, «цветные революции» последних десятилетий показывают, что реализация трансформационных технологий осуществляется в следующей последовательности [2]:

– На первом этапе основные усилия агрессоров сосредотачиваются на дестабилизации социально-политической и экономической систем страны-жертвы путем создания масштабного системного кризиса и погружении ее в состояние «управляемого хаоса», что делает правящую элиту враждебной страны и связанный с ней политический режим уязвимым для внешнего давления. При этом главной целью дестабилизирующих действий является создание в стране-жертве подконтрольного внешним силам «центра влияния» в лице оппозиции, наращивающей противодействие правящему режиму вплоть до вооруженной борьбы. Для решения данной задачи агрессор находит в среде правящей военно-политической элиты «враждебной» страны противников, которые становятся исполнителями трансформации политической системы.

– На втором этапе главное направление геополитического воздействия агрессора заключается в создании условий «управляемого хаоса» внутри трансформируемой государственной системы с целью формирования аттрактора, представляющего собой оппозиционный центр, способный взять на себя управление страной при смене власти.

– На третьем этапе геополитического наступления агрессор сосредотачивает свои усилия на создании новой государственной системы в стране-жертве с опорой на оппозиционные политические силы как основу будущего государственного устройства. Примерами могут служить попытки государственного строитель-

ства на территории бывшей Югославии, Грузии, Ирака, Афганистана.

– На завершающем, четвертом, этапе геополитического захвата территории агрессор решает задачу упрочения государственных институтов подконтрольной страны за счет формирования, обучения и оснащения силовых и политических структур государства-жертвы.

Тем самым побежденная страна оказывается под контролем так называемых «внешних системных связей», обеспечивающих ее включение на правах подчиненного элемента в экономическую, финансовую, политическую, военную, научно-техническую и информационно-культурную сферы агрессора и находящихся под его влиянием международных организаций. Подобные технологии описывал Е.Э. Месснер в книге «Всемирная мятежевойна», когда писал [3]: «Воевать будут не на двумерной поверхности, как встарь, не в трёхмерном пространстве, как было с момента зарождения военной авиации, а в четырёхмерном, где психика воюющих народов является четвёртым измерением... Агитация во время войны должна быть двуличной: одна полуправда для себя, другая – для противника. Но и двуличия мало – требуется многоличие: для каждого уровня сознания, для каждой категории нравов, склонностей, интересов – особая логика, искренность или лукавство, умственность или сентиментальность».

В современных условиях суть «стратегии не прямых действий» заключается в реализации политико-дипломатических, экономических, военных, информационных и психологических мер воздействия на реальных и потенциальных противников, направленных на дестабилизацию социально-политической обстановки с последующим созданием ситуации управляемого хаоса в политической, экономической, социальной жизни страны, которая подлежит политической трансформации. Постоянно ведется работа по созданию внутренних, но иницируемых и управляемых извне, противоречий и конфликтов для последующего вмешательства во внутренние дела государств, обоснования легитимных действий в форме силового вмешательства. Реализация идей осуществляется через

технологии разрушения основ государственно-сти и управления кризисами, но оцениваются внешним наблюдателем как хаос. Таким образом, «стратегия непрямых действий» – есть комплекс подходов действий, направленных на реализацию национальных интересов страны путем превентивного парирования препятствующих негативных возмущений во всех сферах его функционирования – экономической, политической, социальной, духовной – и формирующих благоприятную среду его устойчивого развития.

Можно было бы относить эти концепции к разряду умозрительных, если бы они не были подкреплены научно закрепленными теоретическими конструкциями и реальной политической практикой. Фактом сегодня является, что социальный хаос формируется, прежде всего, как предпосылка для предопределения желаемого состояния тактической обстановки противоборствующими сторонами и формирования упорядоченности в кажущемся хаосе ведения боевых действий. Оформленным примером апробирования вышеобозначенных технологий являются боевые действия в Ливии или Сирии.

С точки зрения ученого – исламоведа Д. Халидова, «элементы такой стратегии очевидны и в России, в частности, на Северном Кавказе» [5]. Однако слишком просто было бы ограничиваться СКФО России – на территории всех государств Кавказского региона все более активно проявляется деятельность широкого спектра негосударственных структур, распространяющих идеологии различной направленности. Бывший посол России в Грузии Феликс Станевский обращает внимание на то, что «Американский посол в Армении имеет в распоряжении 50 млн. долларов для финансирования антироссийских акций. Россия в этом смысле никакой работы не ведет, а она необходима» [4]. Следует отметить, деятельность таких структур размывает порог между военными и невоенными формам и способами противоборства государств, так как направлена на создание благоприятной информационной среды для оказания непосредственного влияния на социум как внутри страны, так и за рубежом. Одними из наиболее заметных информаци-

онных аналитических центров можно назвать Джеймстаунский фонд, Американский комитет за мир, «Дом свободы» и иные. Такие фонды практически полностью финансируются американским правительством, фонды работают в русле политических интересов США [1].

Данные официальных документов свидетельствуют, что США и их союзники в дальнейшем будут провоцировать очаги напряженности в различных регионах мира, используя инструментарий, показавший свою эффективность. Наиболее вероятным докладчику видится идеологическая и материальная подпитка радикальных группировок, террористических, экстремистских и незаконных вооруженных формирований.

Резюмируя, важно зафиксировать, что в условиях масштабирования деятельности теневых структур, неправительственных организаций, распространяющих лозунги политического радикализма, позиция государственных властей должна быть дифференцирована и взвешена. Отсутствие в государственной системе соответствующих организационных структур и разработанных концепций противодействия информационно-психологическим технологиям глобального доминирования угрожает безопасности России.

---

1. Гулевич В. Кавказское богатство России. Официальный сайт журнала «Международная жизнь» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://interaffairs.ru/read.php?item=9317>.

2. Карякин В.В. Хаосомятеж – символ наступившей эпохи. Национальная оборона [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2013/0306/095110313/detail.shtml>.

3. Месснер Е.Э. Мятежевойна (отрывки из трудов) // Независимое военное обозрение, 5 ноября 1999 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nvo.ng.ru/history/1999-11-05/7_rebelwar.html.

4. Станевский Ф. Выступление на конференции «Геополитические итоги «августовской войны». Официальный сайт РИСИ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.riss.ru/actions/2073-geopoliticheskie-itogi-avgustovskoj-vojny#.UvTlufI_cjk.

5. Халидов Д. Северный Кавказ: вялотекущая гражданская война. Официальный сайт интернет-портала «Военное обозрение» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://topwar.ru/1761-severnyj-kavkaz-vyalotekushhaya-grazhdanskaya-vojna.html>.

---

1. Gulevich V. Kavkazskoe bogatstvo Rossii. Oficial'nyj

sajt zhurnala «Mezhdunarodnaya zhizn'» [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://interaffairs.ru/read.php?item=9317>.

2. Karyakin V.V. Xaosomyatezh – simvol nastupivshej e'poxi. Nacional'naya oborona [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2013/0306/095110313/detail.shtml>.

3. Messner E.E'. Myatezhevojna (otryvki iz trudov) // Nezavisimoe voennoe obozrenie, 5 noyabrya 1999 [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://nvo.ng.ru/history/1999-11-05/7_rebelwar.html.

4. Stanevskij F. Vystuplenie na konferencii «Geopoliticheskie itogi «avgustovskoj vojny». Oficial'nyj sayt RISI [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.riss.ru/actions/2073-geopoliticheskie-itogi-avgustovskoj-vojny#UvTIufl_ujk.

5. Xalidov D. Severnyj Kavkaz: vyalotekushhaya grazhdanskaya vojna. Oficial'nyj sayt internet-portala «Voennoe obozrenie» [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://topwar.ru/1761-severnyj-kavkaz-vyalotekushhaya-grazhdanskaya-vojna.html>.

SOME WORDS ABOUT THE TECHNOLOGIES OF GLOBAL DOMINATION BY IMPLEMENTING THE «STRATEGY OF INDIRECT ACTIONS»

Vilovatykh Anna Vyacheslavovna,

Military university of the Ministry of Defence,
The Russian Federation,
Sociology chair, the teacher,
Moscow, Russia,
E-mail: vilkavulkan@yandex.ru

Annotation

In the article the author gives a brief analysis of modern technologies of global domination, more detailing the specifics of the «strategy of indirect actions». It is proved that the security of the state and society largely depends on the policy of counteracting contemporary transformation strategies.

Key words:

information technologies, «strategy of indirect actions», the security of the state.

ИЗМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ SOFT POWER

Ветренко Инна Александровна,

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
заведующая кафедрой политологии,
доктор политических наук, профессор,
г. Омск, Россия,
E-mail: inna-vetrenko@yandex.ru

Аннотация

В статье проведен анализ изменений избирательной системы в Государственную Думу РФ в период с 1991 по 2014 годы с позиций «мягкой силы». На основе проведенного анализа автор сделал и аргументировано доказал, что «мягкая сила» сегодня это не только инструмент международной политики, а, в первую очередь, совокупность механизмов политического управления внутри стран, особенно когда это касается публичной политики, гражданского общества и политических акторов.

Ключевые слова:

инструменты «мягкой силы», избирательные системы, Государственная Дума РФ, политический актор, публичная политика.

Понятие «soft power» или в переводе «мягкая сила» не является новым для политического дискурса. Как известно, его впервые употребил американский политолог Джозеф Най в своей работе «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power», изданной в 1990 году в США. Однако экспликация данного термина в политическую науку наиболее активно проходила в 2000-е годы. Стараниями того же первопроходца содержание понятия «мягкая сила» было раскрыто в его труде «Soft Power: The Means to Success in World Politics», которая увидела свет в 2004 году. Изложенная автором концепция «мягкой силы», основывалась, на наш взгляд, на двух ключевых постулатах, которые сегодня претерпели существенное изменение. Во-первых, дефиниция проводилась через призму дихотомии, т.е. понятие «мягкая сила» определялось как противоположное понятию «жесткая сила». Во-вторых, «soft power» Дж. Най относил, прежде всего, к внешнеполитическому ресурсу и специфическому инструменту латентного управления международными процессами, который актуализируется именно в эпоху глобализации [6].

Следует отметить, что сегодня эта категория имеет более широкое толкование в политической науке и под ней понимают совокупность как внешних, так и внутренних факторов государства. Но с позиций формальной логики это понятие относится к пустым или нулевым понятиям.

Пустыми или нулевыми понятиями в логике называются понятия, которым не соответствует ни один предмет в объективном мире, т.е. то, которое имеет нулевое содержание и объем. По нашему мнению, понятие «мягкая сила» является именно таковым, поскольку в этом словосочетании уже изначально заложено противоречие наравне с такими же, как «круглый квадрат», «горячий лед» и др. Они не могут в силу данных причин существовать в реальности, а обречены на так называемую «фигуру речи». Но в политологии сегодня оно выступает хоть и спорным понятием, но вполне конкретным в аспекте его практического преломления.

Мы убеждены, что актуализация данной темы в отечественной политологии связана с последними событиями на Украине, а именно присоединением Крыма к России, которое со-

стоялось 18 марта 2014 года. Непосредственным наблюдателем этого исторического процесса в Георгиевском зале Кремля были и мы, автор статьи. После данного события многие политики и дипломаты, рефлектируя произошедшие события, стали расценивать это как результат применения мягкой силы со стороны РФ. Действительно, кульминацией раскола Украины стал выход из её состава Крымской автономной республики и присоединение Крыма к России.

Важно отметить, что впервые в истории Российской Федерации к её территории был присоединен новый регион – Крымский полуостров, и основными инструментами этого присоединения стали технологии мягкой силы. Это событие стало значимым по нескольким причинам: во-первых, в состав РФ вошёл регион, исторически принадлежавший России и отторгнутый от неё в 1954 году решением генерального секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущёва в рамках единой страны – СССР; во-вторых, впервые за долгое время на международной арене одна страна включила в свой состав часть другого государства мирным путем, что может стать важным дипломатическим прецедентом; в-третьих, процесс вхождения Крыма в состав РФ сопровождался беспрецедентной информационной войной, которую России впервые за свою современную историю удалось выиграть хотя бы на своей территории, что доказывается опросами общественного мнения и ростом рейтинга президента РФ, с которым непосредственно связывают данное событие [1; 2].

Информационную войну, которую, по нашему мнению, следует относить к проявлению мягкой силы наравне с «цветными» революциями и другими, транспортируемыми процессами, следует понимать как «набор действий, предпринимаемых для достижения информационного превосходства <...> путем воздействия на информацию и информационные системы противника с одновременным укреплением и защитой собственной информации и информационных систем» [4, с. 12].

Информационные войны современности ведутся в первую очередь в средствах массовой коммуникации – СМИ, социальных сетях – поскольку именно они оказывают решающее влияние на формирование общественного мнения,

которое является системообразующим элементом современных демократических режимов, что в полном объеме входит в представления Дж. Ная о мягкой силе. Во время кризиса на Украине, вылившегося в отделение Крыма и его вступление в состав РФ, российские, зарубежные и украинские оппозиционно настроенные СМИ вели активнейшую работу по созданию мирового и местного общественного мнения. Они использовали широкий инструментарий информационного воздействия: приёмы пропаганды, PR и т. д., причем зачастую одни и те же события освещались с абсолютно противоположных точек зрения. Показательными стали случаи, когда в Крыму перед референдумом ограничили вещание украинских телеканалов, а на Украине – каналов российского ТВ, т. е. перекрывались каналы доступа информации «противника» и фактически вводилась монополия на телевизионное освещение событий. Таким образом, можно говорить о стремлении участников противостояния обеспечить свое превосходство в информационной среде путем технологий мягкой силы. Насколько эффективно в этом случае сработали российские СМИ и насколько неэффективно – украинские, можно судить, с одной стороны, по высокому уровню поддержки решения о вступлении Крыма в состав РФ как в самой автономной республике, так и в России, а с другой – по всё еще продолжающимся столкновениям в восточных областях Украины, требующих больше полномочий и автономии от центра, а то и вовсе объявляющих о независимости.

Информационная война по поводу Крыма стала одной из наиболее крупномасштабных в России, превзойдя, вероятно, и информационную войну, связанную с массовыми гражданскими акциями протеста после последних президентских выборов. Даже в отдаленных городах России проводились массовые акции поддержки, размещалась визуальная пропаганда. Важнейшую роль в этой информационной войне сыграли средства массовой информации, в первую очередь – телевидение. Популярные телевизионные каналы постоянно транслировали сюжеты о подготовке референдума, его проведении и результатах, снимали многочисленные аналитические программы. Несмотря на всю

запутанность ситуации, непредсказуемость политических последствий этого решения для России и тяжелую экономическую ситуацию внутри страны, уровень поддержки вхождения Крыма в РФ достиг 91% [1, с. 34], что и продемонстрировало мягкую силу в действии.

Но все выше изложенное есть только подтверждение актуальности нашей концепции применения мягкой силы не только в контексте парадигмы ее автора Дж. Найя, а гораздо шире, а именно – во внутренних политических процессах управления современными государствами.

В России, вступившей на путь демократизации, неоднократно менялась система выборов в государственные органы власти, и причина данного явления кроется, по-нашему мнению, во внутривыборных процессах, имеющих открытую и скрытую основу. Это можно характеризовать в некоторых случаях как инструмент мягкой силы.

На наш взгляд, так случилось и с объектом нашего исследования в рамках данной статьи – избирательной системой РФ в государственные органы власти. Имея на то веские основания, считаем, что последние изменения в избирательной системе Государственной Думы РФ можно трактовать как инструмент мягкой силы, который направлен на достижения легитимации власти в нашей стране и корректирование политических институтов.

Вспоминая политическую историю нашей страны в демократический период, отметим, что за это время было избрано шесть созывов Государственной Думы РФ: 1993 г., 1995 г., 1999 г., 2003 г., 2007 г., 2011 г. Первые четыре созыва избирались по смешанной системе, а именно: половина депутатов – по одномандатным округам (мажоритарная система), а другая половина – по партийным спискам (пропорциональная система). Государственная Дума пятого и шестого созывов избирались только по пропорциональной системе.

Основным событием в данных изменениях стала принятая 18 мая 2005 года новая редакция ФЗ № 51 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ», которая переходила от смешанной к пропорциональной системе на выборах в Государственную Думу,

вводила формирование нижней палаты российского парламента исключительно по партийным спискам. Это имело под собой политические причины. В стране шел активный процесс становления партийной политической системы. Основные акторы публичной политики, т. е. политические партии, нуждались в поддержке, как среди граждан, так и на высоком государственном уровне. Анализируя состояние партий в период с 1995 по 2003 год, А. Н. Кулик (исследователь ИНИОН РАН) справедливо утверждает, что «партии в России слабы, элитарны, не обладают значительной социальной базой и не стали, как на Западе, основным политическим институтом самоорганизации общества» [5, с. 45].

Более того, низкий уровень легитимности политического режима, недоверие к его институтам требовали изменений, направленных на развитие гражданского общества и развитие системы публичного управления в стране. Осуществить необходимые меры было возможным только за счет механизмов «soft power», к которым, по нашему мнению, и относится изменение избирательной системы в Государственную Думу РФ.

Следует отметить, что политическое многообразие и многопартийность стали неотъемлемой частью общественной жизни России в постсоветский период. Закрепление этого положения в Конституции означает необратимость процесса становления гражданского общества, в котором партии играют как бы роль посредника между гражданским обществом и государством. Однако большое количество партий, которое мы могли констатировать в начале и середине 90-х годов, еще не является свидетельством демократизации общества. Партии должны укрепиться, сформировать настоящую политическую конкуренцию между собой, а партии маргинального или неполитического происхождения, не имея возможности получения власти на выборах, должны были прекратить своё существование. При введении пропорциональной системы выборов в Государственную Думу это стало основными аргументами и причинами.

Однако появление у партий серьезных возможностей для развития, связанных с повышением их значимости на думских выборах,

осложнялось на данном этапе введением в законодательство множества поправок, регламентирующих деятельность политических партий, что создавало определенную правовую нестабильность данного института. Кроме того, процесс партийной институционализации приходится на ужесточение регламентации деятельности политических партий в России. В частности, было запрещено образование избирательных блоков, повышен с 5 до 7% порог прохождения партий на выборах в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, повышен до 50 000 человек минимальный порог численности партий и т. д. Произошло также усиление контроля Федеральной Регистрационной Службы за деятельностью партий. Часть контрольных функций в отношении партий была передана избирательным комиссиям. В результате опроса, проведенного ВЦИОМ в июле 2006 года, 75% россиян выступали за реформирование избирательной системы в России, 12% россиян выступали против реформирования, а 13% затруднились ответить [3].

Все вышеизложенное подтверждает наш начальный тезис, что данные изменения есть проявление «soft power», т. е., с одной стороны, партиям дается возможность формирования нижней палаты парламента, а, с другой стороны, ужесточаются требования к ним и к самим выборам.

Следующий этап внедрения механизмов «мягкой силы» в политическое управление в России связан с избранием новым президентом РФ Д. А. Медведева. «Soft power» проявилась в принятии ряда президентских инициатив (право выдвижения на пост губернатора победившей на выборах партии, парламентский контроль за деятельностью правительства и т. д.), одна из которых потребовала внесения поправок в конституцию. Речь идет о продлении срока полномочий президента до 6 лет, а Думы – до 5 лет. Парламентское большинство поддержало ряд президентских законодательных инициатив, направленных на решение этих задач. Был фактически снижен до 5% так называемый барьер прохождения партий в Государственную Думу. Партии получили право выдвигать кандидатов на должности руководителей субъектов

Федерации, а также гарантии равного освещения их деятельности в государственных средствах массовой информации.

Претерпел изменения и сам процесс принятия законов, а правильнее заметить, механизм их легитимации, который стал неотъемлемой частью законотворчества при Д. А. Медведеве. Теперь, начиная от законотворческой инициативы, заканчивая процессом правоприменения, все сопровождалось общественным обсуждением и участием граждан на всех уровнях прохождения законов. Первым таким законом стал Федеральный закон «О полиции», принятый в феврале 2011 года.

В своем последнем послании Федеральному Собранию РФ 21 декабря 2011 года Д. А. Медведев фактически обрисовал сценарий дальнейшей политической реформы в стране, которую провести представляется возможным, по нашему глубокому убеждению, только инструментами «мягкой силы»: либерализация закона о политических партиях, возвращение всенародных выборов губернаторов, создание общественного телевидения и др. Среди проанонсированного снова звучала необходимость изменения избирательной системы в Государственную Думу.

Выборы в Государственную Думу VI созыва, которые состоялись 4 декабря 2011 года, можно считать уникальными по следующим причинам: Государственная Дума впервые избиралась на пять лет; последний раз при пороге 7%; на выборах было создано рекордное количество избирательных участков – 98 000; приняли участие все 7 партий РФ, существовавшие в этот период.

По итогам голосования картина представительства партий в Государственной Думе не поменялась, все четыре партии, которые ранее были представлены в нижней палате Парламента V созыва, сохранили своё представительство в Госдуме VI созыва.

Однако 24 февраля 2014 года вступил в силу федеральный закон от 22 февраля 2014 года № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», согласно которому выборы депутатов Государственной думы созывов, избираемых после его вступления в силу,

будут проводиться по смешанной системе: 225 депутатов Государственной думы будут избираться по одномандатным избирательным округам (один округ – один депутат), а другие 225 депутатов – по федеральному избирательному округу пропорционально числу голосов избирателей, поданных за федеральные списки кандидатов. Еще один значимый пример проявления мягкой, но силы со стороны Законодателя (государства) в сфере публичной политики. Если переход от смешанной системы выборов в Государственную Думу к пропорциональной во многом объяснялся необходимостью поддержки политических партий на том этапе политического развития, и такой точки зрения придерживалось большинство аналитиков, экспертов и политологов, то это изменение или возвращение к смешанной системе выборов породило огромное количество споров в отечественной и зарубежной политической науке.

Фактически официальной версией, объясняющей эти нововведения, стала следующая. Изменения в избирательной системе 2005 года привели к тому, что политические партии стали такими мощными политическими акторами, которые «поглотили» политических лидеров, персональную ответственность депутатов перед народом. Они стали брендами, этикетками, за которые голосуют на выборах, и теперь настало время, когда следует поддержать политическую элиту и ее ярких представителей.

На наш взгляд, эти аргументы справедливы лишь отчасти. Главная причина возвращения смешанной избирательной системы в Государственную Думу связана с необходимостью установления новых отношений между государственной властью, обществом и политическими партиями, как выразителями интересов граждан. Этот тонкий политический вопрос можно решить, опять же, механизмами только «мягкой силы», к которым мы отнесли изменения избирательной системы Государственной Думы и которые, как показала практика, работают, т. е. достигают своих целей. Поэтому состоялось новое обращение к этому инструменту.

Так, исследуя трансформацию государственно-партийных взаимоотношений в современной России, мы можем сделать вывод

о постепенной трансформации государственно-партийных взаимоотношений – от ситуативных и конфликтных к более системным и результативным патерналистским взаимосвязям. Атомизированной партийной системе первоначального периода российской многопартийности (1989–1992 гг.) соответствовала модель ситуативных государственно-партийных взаимоотношений. Следующей за ней партийной системе крайнего плюрализма (1993–2000 гг.) – модель конфликтных взаимоотношений. Современной партийной системе с доминирующей партией («Единая Россия»), становление которой началось в 2001 году, свойственна модель патернализма во взаимоотношениях между государством и партиями. В свою очередь формирование наиболее прогрессивной партнерской модели взаимоотношений будет возможным в случае перехода к системе ограниченного плюрализма с мощными, электорально востребованными и самостоятельными политическими партиями. Однако таковыми (самостоятельными) политические партии РФ до сих пор не являются. Сегодня наряду с партиями у нас в политической системе страны набирают силы общественные организации и гражданские активисты, но прийти на помощь власти, т. е. войти в их ряды на уровне Государственной Думы, им можно только через политические партии, которые сегодня переживают глубокий кризис не только в России, но и в странах Европы, где они первоначально возникли. Более того, существует устойчивое мнение, что политические партии исчерпали свой потенциал, они являются политическим институтом XIX–XX веков, их роль уже выполнена.

Мы убеждены в том, что последние изменения избирательной системы Государственной Думы РФ направлены на расширение возможностей политического участия не только для партий, но и для альтернативных им политических акторов, что на данном этапе становления гражданского общества в России крайне необходимо. Поскольку гражданское общество не может навязываться сверху, постольку институты для его развития могут создаваться и закладываться путем «мягкого управления» или «мягкой силы».

Таким образом, «soft power» сегодня это не только инструмент международной политики, а, в первую очередь, совокупность механизмов политического управления внутри стран, особенно когда это касается публичной политики, гражданского общества и политических акторов.

1. ВЦИОМ: 91% россиян поддерживает вхождение Крыма в состав России / Фонтанка.ру, 17 марта 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fontanka.ru/2014/03/17/096/>, свободный.

2. ВЦИОМ: доверие политикам. Данные опросов общественного мнения за март 2014 года / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/confidence-politicians/>, свободный.

3. ВЦИОМ: россияне за изменения избирательной системы. Данные опросов общественного мнения июль 2006 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=91&q_id=7562&date=21.07.2006.

4. Завадский И.И. Информационная война – что это такое? // Защита информации.– «Конфидент».– №4. – 1996.

5. Холодковский, К.Г. Парламентские выборы 1999 года и партийное структурирование российского общества [Текст] / К.Г. Холодковский // Полис. – 2000. – №2. – С. 39–47.

6. Nye J. Soft power: The Means to Success in World Politics. N.Y. Public Affairs Group, 2004 (изд. на рус. Най Дж. «Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике». М.: Тренд, 2006).

1. ВЦИОМ: 91% россиян поддерживает вхождение Крыма в состав России / Фонтанка.ру, 17 марта 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fontanka.ru/2014/03/17/096/>, свободный.

2. ВЦИОМ: доверие политикам. Данные опросов общественного мнения за март 2014 года / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/confidence-politicians/>, свободный.

3. ВЦИОМ: россияне за изменения избирательной системы. Данные опросов общественного мнения июль 2006 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=91&q_id=7562&date=21.07.2006.

4. Завадский И.И. Информационная война – что это такое? // Zashhita informacii.– «Konfident». – №4. – 1996.

5. Xolodkovskij, K.G. Parlamentskie vybory 1999 goda i partijnoe strukturirovanie rossijskogo obshhestva [Tekst] / K.G. Xolodkovskij // Polis. – 2000. – №2. – S. 39–47.

6. Nye J. Soft power: The Means to Success in World Politics. N.Y. Public Affairs Group, 2004 (изд. на рус. Naj Dzh. «Gibkaya sila. Kak dobit'sya uspeha v mirovoj politike». М.: Trend, 2006).

CHANGES IN THE MODERN ELECTORAL SYSTEM IN RUSSIA AS A MANIFESTATION OF «SOFT POWER»

Vetrenko Inna Aleksandrovna,

Omsk state University of F.M. Dostoevsky,
Managing chair of political science,
doctor of political sciences, professor,
Omsk, Russia,
E-mail: inna-vetrenko@yandex.ru

Annotation

In the article the analysis of changes of the electoral system in the State Duma of the Russian Federation in the period from 1991 to 2014 with the «soft power». On the basis of this analysis the author has made and convincingly proved that «soft power» today it is not only a tool of international politics, and, first of all, a set of mechanisms of political control within countries, especially when it comes to public policy, civil society and political actors.

Key words:

tools of «soft power», the electoral system, the State Duma, political actor, public policy.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АНАЛОГИИ ПОЛИТИКИ SOFT POWER НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (КОНЕЦ XVIII – XIX ВВ.)

Малахова Галина Николаевна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Северо-Кавказский филиал,
кафедра государственного и муниципального управления,
доктор исторических наук, профессор,
г. Пятигорск, Россия,
E-mail: director@ski.ranepa.ru

Чегарнова Вера Николаевна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Северо-Кавказский филиал,
кафедра государственного и муниципального управления,
преподаватель,
г. Пятигорск, Россия,
E-mail: director@ski.ranepa.ru

Аннотация

В статье авторы в качестве эффективных механизмов «мягкой силы» рассматривают учреждение системы «приставств», идею «перемены нравов» П. Д. Цицианова, введение особых судов «мехкеме» и дипломатические успехи М. С. Воронцова.

Ключевые слова:

Soft Power, Северный Кавказ, управление горскими народами, П. Д. Цицианов, М. С. Воронцов.

В арсенале средств, способов и инструментов любого государства, которое имеет долгосрочные внешнеполитические цели, независимо от того, упрочение ли это собственного влияния в мире, проникновение на новые рынки, или обеспечение стабильных внешних условий для внутреннего развития [15, с. 95], всегда присутствовали два так активно обсуждаемые в современной политической философии типа власти: hard power и soft power, то есть дуальная метафора «жесткой» и «мягкой» власти» [20, с.173].

Ряд современных исследователей утверждает, что «в XXI веке каналы воздействия государства на международные процессы и другие страны расширяются, и более важным фактором, чем военная мощь и обладание ядерным оружием, являются экономический успех, идеологическая убедительность и культурная

привлекательность страны. А еще до недавнего времени чуть ли не главным инструментом внешней политики считалась жесткая сила» [11, с. 27]. Вполне закономерно, что с развитием политической науки и практики в оборот вводятся новые концепты, в частности концепт «мягкой силы», выдвинутый американским политологом Дж. Наем, но считаем необходимым отметить, что в истории распространения внешнеполитического влияния Российской империи, в частности на Северном Кавказе, есть примеры весьма успешного сочетания двух противоположных методов. С одной стороны – это военные операции, с другой – политика «приласкания», «умиротворения», «искусной дипломатии», что собственно свидетельствует о богатом арсенале различных методов мягкого воздействия на горские народы. Таким образом, современный

тезис – «сила мягкой власти действует так, что субъект свободно и добровольно ей подчиняется, воспринимает ее предписания как результат самостоятельного выбора» [20, с. 174] – может быть наглядно проиллюстрирован добровольным вхождением в состав Российской Империи целого ряда народов: кабардинцы (1 557), карабулаки (1 762), кистинцы (1 770), осетинские общества (1 774).

Дискуссия о преобладании жесткой или мягкой силы в той или иной политической ситуации велась на самом высоком уровне.

Устанавливая русскую централизованную власть среди горских народов, Екатерина II отмечала, что «в краткое время и сами они ощутят пользу из сего заведения и найдут собственную выгоду в причислении их под управление нами учрежденное» [6, с. 224]. Для этого императрица на первых порах придерживалась либеральной политики. Такая тактика обуславливалась и тем, что правительство не желало вызывать недовольства у местного населения жесткой политикой. Поэтому с целью подчинения присоединенных осетинского и кабардинского народов русской централизованной власти Екатерина II предписывала, «чтобы они в торге, промыслах, прочих позволенных упражнениях имели свободу, и чтобы военные и гражданские начальники не стесняли их в том не под каким видом, но паче всяким благодеянием и помощью их подкрепляли» [13, с. 123].

В правительственных кругах, у высших чиновников, военных и исследователей существовали разные точки зрения на характер и методы управления окраинами, в том числе и Северным Кавказом. Одни из них считали необходимым в предельно короткие сроки ввести российское управление, делая ставку на силу оружия. «Снисходительность в глазах азиатцев – знак слабости», – говорил А.П. Ермолов, который в течение 10-ти лет сосредотачивал всю полноту власти на Кавказе. Поддерживал А.П. Ермолова командующий на Линии и в Черномории генерал А.А. Вельяминов, который предлагал отнимать у горцев плодородные земли и заселять их казаками, уничтожать посевы, сжигать сено и хлебные припасы. «Полагаю, голод – писал

он – единственное средство к покорению горцев в короткое время» [7, с. 117].

Следует заметить, что было немало высказываний в пользу разрешения вопроса о мирном присоединении кавказских народов к России. В марте 1804 г. командующий войсками генерал П.Д. Цицианов направил императору Александру I рапорт, где излагал «План умиротворения Кабарды». П.Д. Цицианов предлагал включить Кабарду в административную систему России, сделав ее внутренней провинцией, назначить туда особого начальника, создавать там школы, привлекать детей знати для службы в императорских войсках, покровительствовать мусульманской религии, способствовать беспошлинной торговле [17].

Такого же мнения был адмирал Н.С. Мордвинов, который в своей записке на имя Александра I рассуждал «О мерах, коими России удобнее можно привязать к себе кавказских жителей, чем покорением их силою оружия» [18]. Меры эти он видел в расширении просвещения, развитии торговли, знакомства горцев с государственным устройством России.

Подобные мысли высказывались генералом И.В. Гудовичем, Н.Н. Раевским, Э.О. Ришелье. Последний, будучи Новороссийским генерал-губернатором, в своем отношении к войсковому атаману Черномории Ф.Я. Бурсаку от 18 июля 1809 г. сообщил, что «закубанские владельцы показывают склонность к мирным сношениям» и просил употребить все средства «к привлечению к нам дружбы к доверенности сих народов, особенно через торговые сношения» [5]. Таким образом, все компоненты «мягкой силы» – культуру, правительство, образование, дипломатию, бизнес – царская администрация с большим или меньшим успехом применяла в конце XVIII–XIX веке на Кавказе.

Естественно, однозначно сказать, что возобладала та или иная тактика в процессе присоединения горцев нельзя. Политика власти на Кавказе была направлена, прежде всего, на умиротворение политической нестабильности, прекращение сопротивления горцев, укрепление позиций господствующего класса, вовлечение Северного Кавказа в общероссийскую экономическую

систему, усиление эксплуатации народов, максимальное использование природных богатств. Методы достижения этих целей были самые различные:

– жестокое подавление любого неповиновения, карательные экспедиции в горные ущелья, которые, по словам военного министра Барклая де Толли, «были полны ужаса для кавказских горцев» [21];

– территориальное стеснение и различного рода перенаселения, подкупы феодальной верхушки.

Однако наряду с этими мерами правительство всячески способствовало развитию торговли и вовлечению в нее горских народов. Христианизация населения сочеталась с одновременным сохранением мусульманского вероисповедания. Создание института приставств, внедрение российского судопроизводства носили также постепенный характер. При этом сохранялась старая административная и податная система, вводилось образование. Таким образом, «сохраняя традиционный образ жизни, власть прежних правителей, представляя населению защиту от нападений извне» [8, с. 37], правительство более гуманным способом решало поставленные задачи и добивалось немалых успехов в завоевании Кавказа.

Управление горскими и кочующими народами Северного Кавказа по мере их подчинения отмечалось довольно значительным многообразием и носило подвижный характер. Царское правительство не могло не учитывать всей сложности политической обстановки, большого разнообразия интересов, привычек, нравов, веками установившихся правовых норм, обычаев местных народов. Поэтому введение российского административного управления горцами велось с определенным учетом всех этих особенностей.

Одним из первых и важнейших институтов управления являлся институт приставства. Он позволял в сложной обстановке международной политической нестабильности, не позволявшей содержать в горских обществах большого аппарата, не вмешиваясь до поры во внутренние дела горских народов, наблюдать и изучать процессы, происходящие в горских обществах, а также

сдерживать и предотвращать их недовольство политикой властей и постоянно шаг за шагом вводить и распространять свое влияние на другие институты управления, такие как суды, военное и гражданское управление, образование, торговлю, введение податей и т. д.

Одним из первых приставское управление было введено в 1769 году в Кабарде «для присмотра за поведением кабардинцев» и «исполнения распоряжений правительства» [13, с. 125].

Первым приставом Кабарды был секунд-майор Дмитрий Туганов, внук известного в то время ногайского владельца Мусы Мурзы – «главного над солтанаульскими татарами, составляющими большую часть кубанского народа» [1, с. 83].

Одновременно устанавливалась правительственная плата за исполнение обязанностей пристава. «А дабы пристав мог без нужды себя содержать и кабардинцев, как... гостей угощать», определялось ему жалование, на «подарки и приласкание кабардинцев по 1 570 рублей, 11,5 копеек в год» [16, с. 140].

В функции главного пристава входило посредничество между народами Кавказа и администрацией. Главный пристав был обязан оказывать всем состоящим в его ведомстве народам покровительство и защиту, наблюдать, чтобы они пользовались «беспрепятственно рыбной ловлей, пашенными угодьями, торговым промыслом». Старшинам народов разрешались поездки в Петербург, однако, пристав должен был сообщать об этом в Коллегию иностранных дел заранее.

В 1804 году правительство поручило главноуправляющему Кавказским краем князю П. Д. Цицианову внести «коррективы в управление» [2, с. 9]. В 1805 году им был представлен проект, в котором предлагались некоторые изменения в системе управления кабардинцами. В основе системы, предложенной главноуправляющим, лежал принцип постепенности. По его мнению «перемены нравов и обычаев азиатских» можно было «ожидать с переменою целых и нескольких поколений» [19]. Идея «перемены нравов», выдвинутая П. Д. Цициановым заключалась: во-первых, в перемене воспитания

горцев; во-вторых, во введении среди жителей роскоши; и, в-третьих, в сближении с российскими нравами. Немаловажным условием признавалось также покровительство российскими властями (хотя бы «наружное») мусульманской вере и распространение среди населения Кавказа христианства. По мысли П. Д. Цицианова, в управлении кавказскими народами следовало руководствоваться их обычаями и традициями. Иначе, считал он, несоответствие юридических норм российского законодательства и привычных для горцев могло парализовать деятельность административных учреждений, в частности судов, действовавших в соответствии с законами Российской империи. П. Д. Цицианов предписывал начальникам на Кавказской линии оставлять горских владетелей «в прежнем их отношении к подданным», предоставлять им возможность производить суд и управление по обычаям страны. Но в то же время владельцы и старшины должны были находиться в поле зрения начальников российских гарнизонов. Чаще всего это были гарнизоны, расположенные поблизости населенных пунктов под предлогом защиты их территорий от соседей.

Такая тщательная подготовка к проведению преобразований в завоеванных областях значительно отличается от политики западных колониальных держав по отношению к покоренным ими народам. Н. С. Киняпина приводит мнение английского историка М. Эткина, который обращает внимание «на постепенность мер организации управления на Кавказе», считая это особенностью политики России, а также мнение его соотечественника А. Рибера, что русское управление Кавказом «гораздо больше, чем британское владычество в Индии, строилось на учете особенностей общественно-экономического уклада жизни других народов» [8, с. 42].

Еще одним методом мирного влияния, по мнению Екатерины II, могло стать «правосудие». «Не единого силою оружия подлежит побеждать народы, в непреступных горах, живущие и имеющие в оных горах от войск наших убежище, но паче правосудием и справедливостью смягчать, выигрывать сердца и приучать их боле общаться с русскими» [13, с. 147].

В своем известном проекте изменения системы в Кабарде, который Цицианов П. Д. вскоре представил на утверждение, касаясь системы судопроизводства, П. Д. Цицианов предложил пойти на уступки кабардинским феодалам и духовенству.

В 1807 году родовые суды и расправы перестали существовать, им на смену пришли суды «мехкеме», где все дела решались по шариату [14, с. 190]. В состав его входили: председатель «валий», два или три князя, восемь членов от дворян, секретаря и кадия, однако главной скрипкой был первосвященник и несколько при нем духовных особ [10, с. 165].

Правила функционирования духовного суда «мехкеме» оговаривались в «Народном условии», принятом летом 1807 года. Этот документ, по мнению известного ученого-кавказоведа Р. И. Леонтовича, представлял собой «маслагат» (народный ряд), составленный и утвержденный кабардинцами на народном собрании путем пересмотра и формулировки адатных норм [12, с. 48].

В его статьях трактовались взаимные обязанности между различными сословиями кабардинского общества, определялись условия выкупа пленных, выплаты десятины духовенству, отдельные статьи регулировали семейные и имущественные отношения.

Таким образом, характерными чертами российского управления горскими народами являлись: стремление к глубокому изучению нравов, обычаев, социально-экономического уровня, организации власти у местного населения; учет религиозного многообразия Северного Кавказа (христианство, ислам, язычество) и особой роли служителей культа, выполняющих зачастую властные, административные функции (муллы, имамы, муфтии, кадии); использование исторически традиционных структур и органов управления (суды-хасы, удельно-княжеский суд, суд мехкеме и т. д.); распространение института приставства, чиновники которых назначались российскими властями и действовали по правительственным наказам или уставам (1822, 1827 гг.); развитие судопроизводства в противовес старой горской системе, основанной на обычном праве

(адате); постепенный переход к российской правовой системе через постепенную смену форм судопроизводства (родовой суд, расправа, пограничный суд, временный суд и т. д.).

Эффективное использование инструментов мягкой силы ставит своей целью возникновение иллюзии взаимного интереса, доверия, уважения, взаимопонимания. На этой основе создается возможность влияния данного государства на политические процессы в конкретной стране. Одним из наиболее действенных инструментов в данном случае может выступать дипломатия. Ярким примером в истории Северного Кавказа стали дипломатические успехи наместника М.С. Воронцова.

М.С. Воронцов родился, воспитывался и вырос в семье дипломата графа С.Р. Воронцова, российского посланника на Британских островах. Михаил Семенович не только жил в обстановке дипломатической повседневности, но по прихоти отца с малых лет по-настоящему участвовал в дипломатической жизни российского посольства, являясь техническим помощником своего отца, постепенно посвящавшего своего сына в тонкости дипломатического мастерства [9, с. 174].

В условиях войны на Кавказе дипломатия также играла роль средства достижения военных целей или целей политических и представляла иной способ борьбы с неприятелем. Основываясь на мнении императора Николая I, а также на опыте «кавказских колониальных деятелей», военный министр граф А.И. Чернышев в 1842 г. в секретной директиве к корпусному командиру генералу Е.А. Головину подверг критике систему действий российских властей на Кавказе, которая, «основываясь исключительно на употреблении силы оружия, оставила совершенно неиспытанными средства политические» [9, с. 176].

Искусное применение последних средств могло бы значительно облегчить России достижение её целей на Кавказе. М.С. Воронцов, один из немногих высших кавказских начальников, в продолжение всей Кавказской войны был наиболее расположен и подготовлен к проведению в жизнь такого рода системы.

Можно выделить несколько видов политико-дипломатических действий, которые диктовались условиями конкретной обстановки, общими обстоятельствами и задачами момента, которые М.С. Воронцов стремился реализовать к вящей удовлетворенности со стороны императора.

В этом направлении наместником использовались: 1) обращения и воззвания к разным группам горского населения с определенными целями текущего момента или с предложением перспективы; способом доставки в ту или иную этническую среду в данном случае выступали лазутчики и их доверенные лица; 2) открытые встречи и переговоры со старшинами горских обществ; 3) переговоры с отдельными влиятельными лицами горских народов в крепостях; 4) тайные встречи с лицами, желавшими скрывать свои контакты с русскими или просившие об определенных условиях; 5) контакты с группами влияния; 6) «ласкания»; 7) контакты-демонстрации; 8) письма-увещевания; 9) тайные операции и др. Большой интерес у наместника вызывала Чечня, где в 50-е гг. происходили важные военно-политические события. Его целью было не только изучение обстановки и настроений среди горских жителей, но так же «политическое воздействие на них, которого он никогда не оставлял прежде» [9, с. 177].

Идея поездок состояла в том, чтобы в преддверии перенесения решающих действий на территорию Чечни с целью пресечения её связей с Дагестаном, подтолкнуть чеченцев к выбору в пользу России.

В 1852 г. в Чечне М.С. Воронцов встречался с чеченской депутацией и вел мирные беседы, «оказывал внимание, ласкал, поощрял, интересовался» условиями существования чеченцев, все время указывая им на выгоды принятия русских условий. Это имело определенный результат. Вскоре после отъезда наместника из Чечни российскими властями отмечалось чрезвычайное увеличение «мирных» чеченских аулов [9, с. 180].

С российской стороны продолжались и не ослабевали усилия по приобщению населения Северо-Западного Кавказа к торговле и мирному образу жизни. Наместник и власти

кордонных линий старались убедить черкесов, что «для собственной своей пользы они должны искать в Русском правительстве то, чего напрасно добивались от чуждых к ним пришельцев народного благоустройства и спокойствия, <...> что веряя судьбу свою попечению могущественного и милостивого Монарха, они могут ожидать щедрот Е.В. всего полезного для своего благосостояния» [3, с. 688].

Российскими властями производилась демонстрация веротерпимости и уважительности к исламу на территориях, подконтрольных российским властям. Устраивались посещения ими русских крепостей для демонстрации предлагаемых им перспектив. Так в 1851 г. Л. М. Серебряков привозил представителей трех сильнейших фамилий среди убыхов – Берзеков, Дзеушей и Дешенов – в Новороссийск и показывал им Азиатскую школу, где «они были приятно поражены почтительностью правительства о воспитании детей горцев, а особенно тем, что дети обучаются мухамеданскому закону» [3, с. 688].

М. С. Воронцов выступал на дипломатическом поприще как конкурент в борьбе за умы горцев тем силам, которые стремились не допустить русских на Кавказ или препятствовали сближению Кавказа с Россией. Как отмечает О. Ф. Русакова «мягкая сила использует психологически привлекательные для субъекта инструменты влияния в целях незаметного реформирования в нужном направлении его ментальных структур» [20, с. 174]. Именно примеры воздействия на менталитет, убеждения, образ жизни народов Кавказа различными «мягкими» методами, приведенными в данной статье, свидетельствуют о богатом историческом опыте России в применении не только военных методов расширения зон своего внешнеполитического влияния. Естественно, что политика Российской империи на Кавказе не может быть в полной мере отождествлена с современным пониманием концепта «мягкая сила», но может и должна служить историческим примером успешного варьирования и чередования различных видов политического воздействия, применяемых в системе государственного управления России.

1. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией (далее АКАК). В 12 т. – Тифлис. Типография Главного управления Наместника Кавказского. 1866–1904 гг. Т. 1. С. 83.
2. АКАК. Т. 2. С. 9.
3. АКАК. Т. X. С. 688.
4. Волконский, Н. А. Погром Чечни в 1852 году // Кавказский сборник. – Тифлис, 1880. Т. V. С. 212.
5. ГАКК. Ф. 249. Оп. Св. 89. Д. 288. Л. 302.
6. Дубровин, Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. – СПб., 1886.
7. Кавказский сборник. Т. 7. – Тифлис, 1883.
8. Киняпина, М. С. Административная политика царизма на Кавказе и Средней Азии в XIX в. // Вопросы истории. – 1983. № 4. С. 35–47.
9. Клычников, Ю. Ю., Лазарян, С. С. Мозаика северокавказской жизни: события и процессы XIX – начала XX веков (Исторические очерки). – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2012. – 330 с.
10. Кумыков, Т. Х. Из истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии (в конце XVIII–XIX вв. // Ученые записки Карардино-Балкарского НИИ. – Нальчик, 1963. Т. XIX.
11. Леонова, О. Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2013. № 4 (279). С. 027–040.
12. Леонтович, Р. И. Адагы кавказских горцев. Одесса, 1982. Т. 1.
13. Малахова, Г. Н. Становление и развитие российского государственного управления на северном Кавказе в конце XVIII–XIX вв. – Ростов-на-Дону, 2001. – 400 с.
14. Ногмов, Ш. Б. История Адыгейского народа. – Нальчик, 1958.
15. Панова, Е. П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 4. С. 91–97.
16. Потто, В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, биографиях. – СПб., 1886. С. 140.
17. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 105. Л. 35–38. АКАК. Т. 2. Д. 1943.
18. РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 15. Л. 56–60.
19. РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 951. С. 185.
20. Русакова, О. Ф. Концепт «мягкой силы» (Soft Power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. № 10. С. 173–192.
21. ЦГИА Грузии. Ф. 1083. Оп. 1. Д. 77. Л. 2–5.

1. Akty, sobrannye Kavkazskoj Arxeograficheskoy komissiej (dalee AKAK). V 12 t. – Tiflis. Tipografiya Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo. 1866–1904 gg. T. 1. S. 83.
2. AKAK. T. 2. S. 9.
3. AKAK. T. X. S. 688.
4. Volkonskij, N. A. Pogrom Chechni v 1852 godu // Kavkazskij sbornik. – Tiflis, 1880. T. V. S. 212.
5. GAKK. F. 249. Op. Sv. 89. D. 288. L. 302.
6. Dubrovin, N. Istoriya vojny i vladychestva russkix na Kavkaze. T. 2. – SPb., 1886.
7. Kavkazskij sbornik. T. 7. – Tiflis, 1883.
8. Kinyapina, M. S. Administrativnaya politika carizma na Kavkaze i Srednej Azii v XIX v. // Voprosy istorii. – 1983. № 4. S. 35–47.
9. Klychnikov, Yu. Yu., Lazaryan, S. S. Mozaika

severokavkazskoj zhizni: sobytiya i processy XIX – nachala XX vekov (Istoricheskie ocherki). – Pyatigorsk: Izd-vo PGLU, 2012. – 330 s.

10. Kumykov, T.X. Iz istorii sudebnyx uchrezhdenij v Kabardino-Balkarii (v konce XVIII–XIX vv. // Uchenye zapiski Karardino-Balkarskogo NII. – Nal'chik, 1963. T. XIX.

11. Leonova, O.G. Myagkaya sila – resurs vneshnej politiki gosudarstva // Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel' – Observer. 2013. №4 (279). S. 027–040.

12. Leontovich, R.I. Adaty kavkazskix gorcev. Odessa, 1982. T. 1.

13. Malaxova, G.N. Stanovlenie i razvitie rossijskogo gosudarstvennogo upravleniya na severnom Kavkaze v konce XVIII–XIX vv. – Rostov-na-Donu, 2001. – 400 s.

14. Nogmov, Sh.B. Istoriya Adygejskogo naroda. –

Nal'chik, 1958.

15. Panova, E.P. Sila privlekatel'nosti: ispol'zovanie «myagkoj vlasti» v mirovoj politike // Vestnik MGIMO Universiteta. 2010. №4. S. 91–97.

16. Potto, V.A. Kavkazskaya vojna v otdel'nyx ocherkax, e'pizodax, biografijax. – SPb., 1886. S. 140.

17. RGVIA. F.VUA. D. 105. L. 35–38. AKAK. T. 2. D. 1943.

18. RGIA. F. 1286. Op. 2. D. 15. L. 56–60.

19. RGIA. F. 1268. Op. 1. D. 951. S. 185.

20. Rusakova, O.F. Koncept «myagkoj sily» (Soft Power) v sovremennoj politicheskoj filosofii // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. 2010. №10. S. 173–192.

21. CGIA Gruzii. F. 1083. Op. 1. D. 77. L. 2–5.

HISTORICAL ANALOGIES OF THE POLICY OF SOFT POWER IN THE NORTH CAUCASUS (THE END OF XVIII – XIX CENTURY)

Malahova Galina Nikolaevna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
North Caucasian branch,
Chair of the state and municipal management,
The doctor of historical sciences, the professor,
Pyatigorsk, Russia,
E-mail: director@ski.ranepa.ru

Chegarova Vera Nikolaevna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
North Caucasian branch,
Chair of the state and municipal management,
teacher,
Pyatigorsk, Russia,
E-mail: director@ski.ranepa.ru

Annotation

In the article of the authors as effective mechanisms of «soft power» consider the establishment of «a police force», the idea of «change of manners» of PD Sisianov, the introduction of special courts «mehkeme» and diplomatic successes of MS Vorontsov.

Key words:

Soft Power, the North Caucasus mountain peoples control, PD Sisianov MS Vorontsov.

«МЯГКАЯ СИЛА» В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЮЖНОГО УРАЛА В КОНЦЕ XVIII В.)

Воропанов Виталий Александрович,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, заведующий кафедрой Государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы, кандидат исторических наук, доцент, г. Челябинск, Россия, E-mail: vvoropanov@yandex.ru

Аннотация

В конце XVIII в. принципы «мягкой силы» проявились во внутренней политике российской верховной власти при консолидации народов в систему сословий и расширении взаимодействия государственного аппарата с населением посредством выборов сословных представителей на государственные должности и использования языков местных письменных культур.

Ключевые слова:

Российская империя, этнорелигиозные общины, избирательное право.

Целью статьи является раскрытие особенностей проявления принципов «мягкой силы» в региональном аспекте внутренней политики российской верховной власти после проведения административно-судебной реформы 1775–1785 гг. Имперская модель отечественной государственности, заложенная в XVI в. вследствие присоединения к России монголо-тюркских («постордынских») государственных образований, а также зависимых от них и иных народов Восточной Европы и Северной Азии, получила закономерное развитие в XVI–XVIII вв. Неотъемлемой частью внутренней политики Российского государства стала последовательная интеграция нерусского населения и территорий в систему империи. Методы и средства государственного управления были нацелены на укрепление политической лояльности подданных. В свою очередь «европоцентристский» подход, ограниченно применённый Петром I в условиях крупнейших государственных преобразований и юридического закрепления имперского статуса России, стал классическим выражением

инструмента «жёсткой силы», предусматривавшего применение мер внеэкономического принуждения ко всем подданным без различия их этнокультурных особенностей, обусловив региональную специфику социальных протестов действиям власти.

С момента вступления на престол Екатерина II осуществляла разработку программы мер, направленных на укрепление государственности, ускорение социально-экономического и демографического развития России. Если социальные противоречия, копившиеся в горнозаводской зоне Среднего Урала, получили своё разрешение благодаря вмешательству верховной власти в начале 1760-х гг. [6, с. 361–368], то области Среднего Поволжья, Южного Урала и Западной Сибири в 1773–1775 гг. были охвачены Пугачёвским движением, вынудившим правительство применить карательные меры. В то же время 7 ноября 1775 г. был утверждён крупнейший законодательный акт эпохи – «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», ставший основой проведения реформы местного управления, расчи-

танной на тесное взаимодействие государственного аппарата со всеми слоями населения [22].

Юридическая политика верховной власти способствовала формированию единого господствующего сословия в империи, последовательно упорядочивала социально-правовую структуру населения в провинции. В свою очередь по указу от 22 февраля 1784 г. началась регистрация в дворянском статусе мусульман султанского («княжеского») и мурзинского происхождения [26]. Монарх гарантировал расширение возможностей приобретения прав титульного сословия для князей и мурз, не утверждённых в дворянском достоинстве, равно как и для представителей этнической знати иных народов Азиатской России при поступлении на государственную службу [25]. Законодательными актами, консолидировавшими ведущие русские сословия и развивавшими правовое регулирование реформы местного управления, стали Жалованные грамоты дворянству и городам, опубликованные 21 апреля 1785 г. [29].

В свою очередь указом от 23 декабря 1781 г. монарх учредил на территории Южного Урала Уфимское наместничество (губернию) в составе 2 провинций (областей) и 12 уездов (округ) [23]. В 1784 г. центром 12 уезда стала Троицкая крепость, получившая статус города [27]. Система новых органов местного управления и судов учитывала комплекс особенностей края – демографических и социально-экономических, исторических и этнокультурных. В соответствии с юридическими предписаниями губернское руководство обеспечило участие в выборах кандидатов на государственные должности представителей всех этнических и религиозных общин «региона», население провело подбор материально самостоятельных, инициативных, преимущественно грамотных и, безусловно, нравственно устойчивых личностей [2, с. 463–467]. Выборы способствовали усилению межэтнического сотрудничества и развитию территориальных общественных связей, налаживанию конструктивной социальной конкуренции. Специальное внимание монарх уделил потребностям представительства коренного народа Южного Урала, наделённого в законодательстве признаками служилого этнического

сословия, а также мешерьякам, близким башкирам по правовому положению. Служилые этнические команды выдвигали в качестве кандидатов, преимущественно, представителей социальной элиты, а также рядовых воинов, пользовавшихся личной славой и лояльных к власти. Башкирская знать, массово участвовавшая незадолго до проведения реформы в Пугачёвском движении [5, с. 185, 304–305], активно реализовала избирательные права.

В нижних земских судах – органах уездной полицейской администрации – для башкир наряду с правом их участия в выборах кандидатов были зарезервированы две вакансии членов коллегий – сельских заседателей. Нижние расправы – суды первого звена, учреждённые для сельских сословий, на Южном Урале законодатель разделил на две группы, присвоив им в случае размещения в одном уездном центре порядковые номера – «первые» и «вторые», распорядившись не указывать в названии на этническую специфику специальной подсудности. Обособленная подсудность башкир отвечала многовековой традиции осуществления правосудия на Южном Урале. Включение башкирских делегатов в состав коллегий судов губернского звена также являлось обязательным (*«А что принадлежит до верхней расправы и до сельских заседателей совестных судов, вы не оставите приложить старание, чтоб и тут из сих народов выбраны были»*) [24].

В мае 1782 г. уфимский генерал-губернатор И. В. Якоби сообщил Екатерине II об успешном проведении выборов сословных представителей на государственные должности в органы губернского и уездного управления, губернские и уездные суды, а также официальном «открытии» наместничества, сопровождавшемся, как и в остальных частях империи, массовыми культурными мероприятиями [8, с. 562–563; 10]. В каждом уездном центре по окончании торжественных молебнов избранные лица принародно приводились к присяге, подписывая «клятвенные обещания» о добросовестном исполнении служебных обязанностей в присутствии православных и исламских священнослужителей [11]. Население провожало должностных лиц в дома, отведённые для «присутственных мест», где по-

сле молитв и водоосвящения служебных комнат члены коллегий («присутствий») располагались под портретом императрицы в золочёной раме за столом, укрытым алым или красным сукном, с традиционным «зерцалом» с указами и позолоченным гербом и ставили подписи в первом протоколе заседания. Секретари, начальники канцелярий, зачитывали им статьи Учреждений о губерниях [9].

В результате выборов должности сельских заседателей, в частности, в верхних расправах, учреждённых в областных центрах, заменили 4 представителя башкир, по 3 представителя мордвы и чуваш, остальные – мещеряк, тептярь, бобыль, дворцовый и государственный крестьяне из числа староверов, однодворец и отставной прапорщик, в нижних расправах «общей подсудности» – 9 представителей служилых и ясачных татар, 7 – русских общин, по 1 – мордвы, чуваш, малороссов («из черкас») и тептярей. Заседателями в совестном суде стали башкиры [33].

В декабре 1787 г. наместник О. А. Игельстром распорядился о проведении очередных выборов, предписав разделить избирателей по категориям («отдела башкирцов и мещеряков от платящих подати порознь») и рекомендовав включить мулл в число кандидатов на должности как грамотных и пользовавшихся безусловным авторитетом среди населения, способных оказывать непосредственное религиозно-нравственное воздействие на единоверцев, ставших фигурантами дел [20]. Для оказания помощи в выдвижении кандидатов в общины командировались служащие нижних земских судов – капитаны-исправники, дворянские и сельские заседатели [12].

Государственные органы снабжались копиями нормативно-правовых актов на языках местных письменных культур: кроме указов и инструкций, начиная с 1714 г., подшитых в «книги», заседатели Челябинской второй нижней расправы имели в распоряжении копии Учреждений о губерниях, Устава благочиния и других законов на тюркском языке [16]. Государственные органы обеспечивали защиту прав и законных интересов представителям всех этнокультурных групп поданных, работая с документами на языках, употреблявшихся в провинции: на тюркском языке

поступали как жалобы и прошения частных лиц, так и следственные материалы, как, например, присяжные и опросные листы, «клятвенные обещания» свидетелей, а также рапорты членов коллегий [18]. Делопроизводство способствовало развитию письменно-литературного языка тюркских народов, интенсивно усваивавшего русизмы (как-то: абрук, афисир, бамушник, бриказ, вайскауай, грамут, крипаснуй, рапурт, расбиска, сутник, убшиства, чилабитна и др.) [3, с. 37–38, 62–65].

В аппараты государственных органов включались должности переводчиков и толмачей – специалистов письменного и устного перевода. 29 июля 1770 г. монарх подтвердил финансирование в Оренбургской губернии расходов на оплату труда переводчика и 2 толмачей с тюркского языка, а также переводчика с калмыцкого языка в губернском центре, 3 переводчиков и 6 толмачей в центрах провинций – Ставрополе, Челябинске и Уфе [21]. После проведения судебной реформы найм переводчиков и толмачей предусматривался во всех периферийных областях с разнородным населением и пограничным положением. Губернская администрация санкционировала найм переводчиков из лиц, рекомендованных общинами. Так, в апреле 1789 г. башкиры Каратабынской волости Челябинской округи освободили от воинской повинности сотника Якупа Илейманова для назначения его на должность переводчика в уездном центре. Якуп Илейманов принёс присягу на Коране в присутствии муллы «о верности службе и пользе государственной», заслушал именные указы от 24 декабря 1714 г. («О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное») и 18 июля 1762 г. («Об удержании судей и чиновников от лихоимства») и письменно обязался их соблюдать [14].

При рассмотрении дел учитывались этнокультурные особенности всех фигурантов. К участию в производствах по делам привлекались духовные лица [18]. Этническое родство и религиозное единство судей и фигурантов упрощали работу суда. Так, 7 марта 1789 г. мулла и заседатель Челябинской второй нижней расправы Абил Утеганов привёл свидетеля башкира Бала-Катайской волости Яхия Утешева к присяге

на Коране о добросовестности показаний, данных им суду. Тюркоязычный вариант «клятвенного обещания» перевели и включили в материалы дела [13].

Нижние расправы и нижние земские суды удовлетворяли прошения о разбирательстве дел по шариату, издавая указы в адрес духовных органов и гарантируя исполнение их решений [17].

Количество органов городского общественного управления обуславливалось степенью развития городской среды. В ведение городских дум и городских магистратов, действовавших только в Уфе, Оренбурге и Челябинске, были переданы жители остальных городских поселений, лишённых материальной базы для содержания собственных выборных органов. В городах Южного Урала, где продолжались процессы градообразования, соседствовали и широко взаимодействовали христианские и мусульманские общины, необходимость в параллельных структурах органов городского управления не возникла, однако именной указ от 7 ноября 1784 г. повысил в статус посада Сеитову слободу, образованную в 1755 г., наделив торговых татар правом образовывать самостоятельную ратушу [28]. Применяя нормы законодательства, «судьи» Татарских ратуш объективно способствовали ускорению процессов социальной и правовой эволюции в обществе.

Законодатель стремился ввести централизованное управление всеми религиозными общинами в империи. В 1788 г. монарх одобрил проект генерал-губернатора О.А. Игельстрома и учредил в Уфе для отбора лиц на должности священнослужителей Духовное собрание магометанского закона в составе «первого ахуна» М. Хусаинова, выходца из Сеитовой слободы, и двух мулл «из казанских татар», испытанных «в верности и добропорядочном поведении». Проект предусматривал привлечение членов Уфимской верхней расправы мусульманского вероисповедания к участию в испытаниях кандидатов на должности в системе религиозного управления. Под непосредственный надзор Духовного собрания перешли религиозные школы [8, с. 563, 566; 30]. После 1793 г. члены Духовного собрания переизбирались через три года губернским съездом казанского духовенства [31]. Духовные власти

приступили к формированию единой системы органов управления [1; 4, с. 35–39; 7, с. 191–193; 32]. К 1800 г. местная администрация утвердила в должностях духовной службы 1921 лицо [8, с. 684].

Принцип выборности не только позитивно сказался на качестве взаимодействия органов государственного, общественного и частного управления, но и способствовал улучшению общественного климата в части межсословных и межэтнических отношений. Группа социально активных подданных, сотрудничавших с государственным аппаратом, не стала частью бюрократической системы, но превратилась в устойчивый канал связи власти и населения [2, с. 472–474]. При смене во время очередных выборов до 90% лиц в составе коллегий только на Южном Урале в 1782–1796 гг. через должности сельских заседателей в расправах, совестном и нижних земских судах могли пройти около 430 представителей всех этнорелигиозных групп.

Деятельность расправ и нижних земских судов стимулировала развитие правосознания всех подданных. Реагируя на рост доверия населения органам государственной власти и управления, указом от 29 марта 1793 г. Уфимское наместническое правление предписало органам уездной полицейской администрации разъяснить обывателям о необходимости воздерживаться от обращений к правителю наместничества и в наместническое правление по делам, подлежащим рассмотрению в нижних земских судах, «дабы учинение скорейшаго обслеования могло быть без упущения времени приведя все бывшее произшествие в ясность доставить обиженному немедленно удовлетворение» [15]. Кропотливый труд великого реформатора, безусловно, укрепил позиции государства на Южном Урале, сократил масштабы социальных противоречий и стёр следы Пугачёвского «бунта».

1. Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа: Гилем, 1996.

2. Воропанов В.А. Суд и правосудие в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Региональный аспект: Урал и Западная Сибирь (опыт сравнительно-сопоставительного анализа). Челябинск: ЧИ УрАГС, 2008.

3. Галаяутдинов И.Г., Ишбердин Э.Ф., Ураксин З.Г.,

Халикова Р.Х. Очерки по истории башкирского литературного языка. М.: Наука, 1989.

4. Гарипов Н.К. Ислам и российская власть: функционирование религиозных институтов мусульман // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.: Материалы научного семинара, посвященного 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011.

5. Гвоздикова И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестянской войны под предводительством Е.И. Пугачёва. Уфа: Китап, 1999.

6. История Урала с древнейших времен до 1861 г. Отв. ред. А.А. Преображенский. М.: Наука, 1989.

7. Краткий исторический очерк учреждения и деятельности Оренбургского магометанского духовного собрания // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.: Материалы научного семинара, посвященного 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011.

8. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. Сост. Н.Ф. Демидова. Под ред. С.М. Васильева. М.: АН СССР, 1960.

9. ОГАЧО. Ф. И-15. Оп. 1. Д. 118. Л. 6–6 об.; д. 1379. Л. 2–3; ф. 115. Оп. 1. Д. 99. Л. 13.

10. ОГАЧО. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 38. Л. 6; ЦГИА РБ. Ф. 346. Оп. 3. Д. 1. Л. 3.

11. ОГАЧО. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 38. Л. 8 об.; ф. И-115. Оп. 1. Д. 40. Л. 27–27 об.; ЦГИА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 365. Л. 58.

12. ОГАЧО. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 38. Л. 17 об.; ф. И-117. Оп. 1. Д. 14. Л. 30, 62.

13. ОГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 38. Л. 162–162 об.

14. ОГАЧО. Ф. И-115. Оп. 1. Д. 40. Л. 27–27 об.

15. ОГАЧО. Ф. И-115. Оп. 1. Д. 58. Л. 5.

16. ОГАЧО. Ф. И-115. Оп. 1. Д. 99. Л. 11–12.

17. ОГАЧО. Ф. И-117. Оп. 1. Д. 4. Л. 45; д. 6. Л. 279–283, 355–378, 580–581.

18. ОГАЧО. Ф. И-117. Оп. 1. Д. 4. Л. 156; д. 11. Л. 11; д. 14. Л. 133–135.

19. ОГАЧО. Ф. И-117. Оп. 1. Д. 6. Л. 201 об.; д. 11. Л. 11; д. 14. Л. 133–134.

20. ОГАЧО. Ф. И-117. Оп. 1. Д. 14. Л. 62.

21. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собр. I. Т. XIX. № 13489.

22. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. № 14392.

23. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXI. № 15307; т. XXII. № 15992.

24. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXI. № 15324. П. 2; т. XLIV. Ч. 2. К № 17494. Примеч. 14.

25. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXI. № 15324. П. 3.

26. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 15936.

27. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 15992; ОГАЧО Ф. И-231. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

28. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 16089.

29. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 16187, 16188.

30. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXII. № 16710, 16711; т. XXIII. № 16759.

31. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXIII. № 17146; НА РТ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 898. Л. 1–10.

32. Хабутдинов А.Ю. История Оренбургского магометанского духовного собрания (1788–1917): институты, идеи, люди. Нижний Новгород: ИД «Медина», 2010.

33. ЦГИА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 124–154, 198; ф. 346. Оп. 3. Д. 1. Л. 2–3.

1. Azamatov D.D. Orenburgskoe magometanskoe duxovnoe sobranie v konce XVIII–XIX vv. Ufa: Gilem, 1996.

2. Voroponov V.A. Sud i pravosudie v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XVIII – pervoj polovine XIX vv. Regional'nyj aspekt: Ural i Zapadnaya Sibir' (opyt sravnitel'no-sopostavitel'nogo analiza). Chelyabinsk: ChI UrAGS, 2008.

3. Galyautdinov I.G., Ishberdin E'F., Uraksin Z.G., Xalikova R.X. Ocherki po istorii bashkirskogo literaturnogo yazyka. M.: Nauka, 1989.

4. Garipov N.K. Islam i rossijskaya vlast': funkcionirovanie religioznyh institutov musul'man // Orenburgskoe magometanskoe duxovnoe sobranie i duxovnoe razvitie tatarskogo naroda v poslednej chetverti XVIII – nachale XX vv.: Materialy nauchnogo seminar, posvyashhyonnogo 220-letiyu uchrezhdeniya religioznogo upravleniya musul'man vnutrennej Rossii i Sibiri (Kazan', 18 dekabrya 2009 g.). Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2011.

5. Gvozdikova I.M. Bashkortostan nakanune i v gody Krest'yanskoj vojny pod predvoditel'stvom E.I. Pugachyova. Ufa: Kitap, 1999.

6. Istoriya Urala s drevnejshix vremen do 1861 g. Otv. red. A. A. Preobrazhenskij. M.: Nauka, 1989.

7. Kratkij istoricheskij ocherk uchrezhdeniya i deyatel'nosti Orenburgskogo magometanskogo duxovnogo sobraniya // Orenburgskoe magometanskoe duxovnoe sobranie i duxovnoe razvitie tatarskogo naroda v poslednej chetverti XVIII – nachale XX vv.: Materialy nauchnogo seminar, posvyashhyonnogo 220-letiyu uchrezhdeniya religioznogo upravleniya musul'man vnutrennej Rossii i Sibiri (Kazan', 18 dekabrya 2009 g.). Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2011.

8. Materialy po istorii Bashkirskoj ASSR. T.V. Sost. N.F. Demidova. Pod red. S.M. Vasil'eva. M.: AN SSSR, 1960.

9. OGACHO. F. I-15. Op. 1. D. 118. L. 6–6 об.; д. 1379. Л. 2–3; ф. 115. Оп. 1. Д. 99. Л. 13.

10. OGACHO. F. I-44. Op. 1. D. 38. L. 6; CGIA RB. F. 346. Op. 3. D. 1. L. 3.

11. OGACHO. F. I-44. Op. 1. D. 38. L. 8 об.; ф. I-115. Оп. 1. Д. 40. Л. 27–27 об.; CGIA RB. F. 6. Op. 1. Д. 365. Л. 58.

12. OGACHO. F. I-44. Op. 1. Д. 38. Л. 17 об.; ф. I-117. Оп. 1. Д. 14. Л. 30, 62.

13. OGACHO. F. 115. Оп. 1. Д. 38. Л. 162–162 об.

14. OGACHO. F. I-115. Оп. 1. Д. 40. Л. 27–27 об.

15. OGACHO. F. I-115. Оп. 1. Д. 58. Л. 5.

16. OGACHO. F. I-115. Оп. 1. Д. 99. Л. 11–12.

17. OGACHO. F. I-117. Оп. 1. Д. 4. Л. 45; д. 6. Л. 279–283, 355–378, 580–581.

18. OGACHO. F. I-117. Оп. 1. Д. 4. Л. 156; д. 11. Л. 11; д. 14. Л. 133–135.

19. OGACHO. F. I-117. Оп. 1. Д. 6. Л. 201 об.; д. 11. Л. 11; д. 14. Л. 133–134.

20. OGACHO. F. I-117. Оп. 1. Д. 14. Л. 62.

21. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (dalee – PSZ RI). Sobr. I. T. XIX. № 13489.

22. PSZ RI. Sobr. I. T. XX. № 14392.

23. PSZ RI. Sobr. I. T. XXI. № 15307; т. XXII. № 15992.

24. PSZ RI. Sobr. I. T. XXI. № 15324. П. 2; т. XLIV. Ч. 2. К № 17494. Primech. 14.

25. PSZ RI. Sobr. I. T. XXI. № 15324. П. 3.

26. PSZ RI. Sobr. I. T. XXII. № 15936.

27. PSZ RI. Sobr. I. T. XXII. № 15992; OGACHO F. I-231.

- Op. 1. D. 1. L. 1.
28. PSZ RI. Sobr. I. T. XXII. № 16089.
29. PSZ RI. Sobr. I. T. XXII. № 16187, 16188.
30. PSZ RI. Sobr. I. T. XXII. № 16710, 16711; t. XXIII.
№ 16759.
31. PSZ RI. Sobr. I. T. XXIII. № 17146; NA RT. F. 22. Op. 1.
- D. 898. L. 1–10.
32. Xabutdinov A. Yu. Istoriya Orenburgskogo
magometanskogo duxovnogo sobraniya (1788–1917): instituty,
idei, lyudi. Nizhnij Novgorod: ID «Medina», 2010.
33. CGIA RB. F. 1. Op. 1. D. 17. L. 124–154, 198; f. 346.
Op. 3. D. 1. L. 2–3.

«THE SOFT FORCE» IN THE SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION IN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF SOUTH URAL AT THE END OF THE XVIII CENTURY)

Voropanov Vitaliy Aleksandrovich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Head of the Department of Public Administration, legal support to state and municipal service,
candidate of historical sciences, associated professor,
Chelyabinsk, Russia,
E-mail: vvoropanov@yandex.ru

Annotation

At the end of the XVIII century the principles of «the soft force» were shown in domestic policy of the Russian Supreme power at consolidation of the people in system of estates and expansion of interaction of the State machinery with the population by means of elections of estates representatives to the state positions and uses of languages of local written cultures.

Key words:

Russian Empire, ethnoreligious communities, electoral right.

ВОЗМОЖНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ SOFT POWER В РОССИИ С УЧЕТОМ СОВРЕМЕННЫХ КРИЗИСОВ

Матейчук Василий Иванович,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
старший преподаватель,
г. Челябинск, Россия,
E-mail: vasilypost71@yandex.ru

Аннотация

Статья Матейчука В.И. «Возможные тенденции развития soft power в России с учетом современных кризисов» посвящена актуальной теме международных отношений – политике «мягкой силы». Автор делает вывод о том, что политика мягкой силы дает результаты только в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова:

мягкая сила, жесткая сила, умная сила, украинский кризис, инструменты мягкой силы.

Государства с давних времен пытались и пытаются использовать как можно более широкий набор средств для достижения своих внешнеполитических целей, подкрепления международных позиций своей страны, создания её позитивного образа за рубежом.

В XXI в. каналы воздействия государства на международные процессы и другие страны расширяются. Сегодня более важным фактором воздействия, чем военная мощь и обладание ядерным оружием, является экономический успех, идеологическая убедительность и культурная привлекательность страны. Еще недавно чуть ли не главным инструментом внешней политики считалась жесткая сила (hard power), которую можно охарактеризовать как политику принуждения, которая опирается на угрозу применения военной силы. Однако в глобальном мире в условиях всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости неэффективным становится использование старых инструментов политики, в том числе применение ядерного оружия или угроза его применения.

Нарастающее стремление РФ в XXI в. сохранить в зоне своих геополитических интересов либо вернуть в нее как своих традиционных геополитических союзников, так и некоторые страны бывшего СССР, породили дискуссию о целесоо-

образности применения политики «мягкой силы» и провозглашении такого метода ведения внешней политики как одного из направлений деятельности. О важности для России этих отношений между государствами свидетельствует пункт 20 Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г., в котором указано, что «неотъемлемой составляющей современной международной политики становится «мягкая сила» – комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [1]. Исходя из упоминания «мягкой силы» в данном документе, она признается как один из способов ведения внешней политики.

Дискуссии о том, что же представляет собой «мягкая сила», идут до настоящего времени. Это касается и дефиниции, и составляющих данного нормативно-идейного комплекса. Так, размытость определения породила выдвигание аналогичных понятий в российском дискурсе. Это мнение Зевелева и Троицкого о мягком влиянии [2], мнение Палажченко о несиловой мощи [3].

поддержку) террористов в Чеченской Республике. Это и слабость экономики, не позволяющей выделить сколько-нибудь значимые материальные ресурсы. Это и сосредоточенность на внутренних проблемах и, как следствие, отсутствие данного приоритета во внешней политике. Давала о себе знать и разобщенность политических элит, которые были заняты в основном формированием структуры действующей власти.

Из-за недостаточного внимания к столь значимому ресурсу внешней политики в общественном мнении РФ до недавнего времени преобладали определенные стереотипы: это не наш метод, мы не занимаемся организацией и экспортом «цветных революций»; на пространстве бывшего СССР «наши люди», зачем работать с населением, когда можно влиять на существующую власть в данном государстве; если будем заниматься организацией «цветных революций», то рано или поздно ее устроят у нас.

Без сомнений, несмотря на то, что «мягкая сила» подразумевает собой комбинацию инструментария внешней и внутренней политики, конечным итогом ее применения должен стать результат достижений целей во внешней политике. В настоящее время на внешнеполитической арене явно имеют место несколько кризисов, ряд из которых находится в достаточно острой стадии – украинский, сирийский, арабо-израильский, иракский и ливийский. Во всех из них у России имеется свой интерес, но явно выделяется по степени значимости, по накалу, по степени заинтересованности России, кризис в Украине.

Рассматривая украинский кризис с позиции применения инструментария «мягкой силы», в первую очередь, обращает на себя внимание ряд явных и не очень просчетов в его применении. Точечные, не такие уж и большие и, главное, своевременные денежные вливания США в НКО и различные неправительственные структуры определенных государств оказываются куда как более эффективными, чем поддержка РФ экономики этих же государств в размерах несоизмеримо больших. На примере Украины это прослеживается очень ярко. По признанию заместителя госсекретаря США Виктории Нуланд, США вложили в «развитие демократии» на Украине около 5 миллиардов долларов (с момента распада СССР до настоящего времени). За этот же период

по разным подсчетам РФ в различных формах субсидировала экономику Украины на сотни миллиардов. Различие в суммах, подходах к объектам финансирования и результатах очевидны. Прежде всего, к имеющемуся результату привело то, что правящая элита РФ предпочитала финансировать государственные структуры Украины, закрывая глаза на заигрывание, а зачастую и прямую поддержку националистических слоев общества Украины, что до определенного момента приводило к относительно желаемому результату в краткосрочной перспективе. При этом при такой экономической поддержке власти Украины ей давалась относительная свобода действий, и на первый план выдвигались внешние проявления лояльности России: повышение статуса русского языка, предоставление места базирования для ЧФ. Определенная мотивация для таких действий имела и сказать, что они были совсем нелогичными, нельзя. Договор об аренде базы ЧФ был продлен, было провозглашено стремление к присвоению русскому языку статуса второго государственного. Но контролировать денежные потоки, распределенные на множество относительно небольших вливаний в НКО и различные неправительственные структуры, гораздо сложнее, что привело бы в большей или меньшей степени к «оптимизации» денежных потоков, при этом «оптимизация» все равно имела место, но уже на территории Украины. И в таком случае всегда можно было сослаться на несовершенство государственного аппарата Украины и на известное изречение «нужно работать с тем, что есть». Кроме того, в российском обществе, да и в правящей элите до определенного момента бытовало мнение о «братских» отношениях между двумя народами, которые не позволят Украине занять откровенно антироссийскую позицию и об определенной зависимости от российских энергоносителей, которые Украина получала все время со «скидкой», что позволяло в какой-то степени добиваться от украинской власти нужных действий. Уверенности придавало и наличие в РФ большой украинской диаспоры трудовых мигрантов, которые теоретически могли бы воздействовать на политическую ситуацию и общественное мнение Украины при определенной работе с ними. Однако и с ними целенаправленной работы не велось, презюмировалось, что они могут это сделать только в силу

самого факта временной работы в РФ, в силу чего они должны были испытывать к нашей стране благодарность и влечение к нашему образу жизни. Однако события в Украине показали, что это отчасти были заблуждения, а отчасти причиной данных событий стала достаточно эффективная политика применения «мягкой силы» со стороны ряда стран, прежде всего США.

Возникает вопрос, почему же заинтересованные страны не использовали упомянутый инструментарий после первой «оранжевой революции» в Украине в 2005 году и прихода к власти части прозападной элиты? Одна из причин – действие «мягкой силы» пролонгировано во времени, и к 2005 году на Украине еще не завершилось становление поколения, рожденного в начале 90-х годов, которое в феврале 2014 года и стало основной движущей силой и боевыми отрядами государственного переворота.

Каким же образом можно, если не исправить, то начать исправлять данную ситуацию? Россия действительно оказалась в частичной изоляции. Применяются разного рода санкции, последствия которых не катастрофичны, но носят негативный характер для экономики РФ и, самое главное, в том числе и с помощью санкций, навязывается отрицательный стереотип восприятия РФ во многих странах. Со стороны США и стран, поддерживающих их в этом вопросе, это, конечно, проявление политики «мягкой силы», то есть попытка создания трудностей для тех стран, которые не разделяют какие-то из их ценностей и навязывания этого без угрозы применения военной силы. Об этом свидетельствует и высказывание Барака Обамы о том, что США сумели сформировать общественное мнение и добиться изоляции России из-за событий в Украине [8]. При всей спорности такого утверждения определенного результата в этом направлении США добиться удалось. Кажется, что в таких условиях политику «мягкой силы» со стороны РФ вести невозможно или крайне трудно, но не все так однозначно.

Наряду с тем, что многим странам, прежде всего бывшим членам Варшавского договора и Прибалтики, действия РФ, связанные с Украиной, кажутся излишне агрессивными, не все разделяют эту точку зрения. «Старые» члены ЕС, нехотя публично осуждая Россию, подспудно восхищаются эффективностью ее дей-

ствий по защите собственных интересов. Действия «несгибаемого» Путина вызывают у них скрытое уважение из-за принципиальности и последовательности отстаивания национальных интересов. Не случайно на местных выборах и на выборах в Европарламент на фоне украинских событий как правые, так и левые, провозгласившие курс на национальную идентичность, пока не получили большинство, но получили значительно больше мест, чем раньше. О том, что европейская модель «мягкой силы» не идеальна и европейцы находятся в поиске по ее корректировке, ориентируясь и на российский опыт, свидетельствует и высказывание министра финансов Германии: «нас, европейцев, в мире считают богатыми, стареющими и не склонными к риску. Мы крайне нуждаемся в безопасности, у нас самый высокий уровень социальных выплат, трудная демографическая ситуация, у нас мало полезных ископаемых и энергетических резервов, а когда речь заходит о внедрении новых технологий, то мы не склонны к риску» [9]. То, что эти страны все-таки после долгих колебаний ввели санкции против России, объясняется, прежде всего, зависимостью от политики США и не отражает стремления большинства политических элит ЕС в реальности изолировать или наказать Россию.

Чтобы выбить из-под ног русофобов «новой Европы» почву для обвинений России в попытке восстановления СССР и милитаризме, нужно предпринять максимальные усилия по гуманизации образа нашей страны и ее руководства за рубежом. Причем второе, скорее всего, более важно, чем первое. Не случайно, что все «цветные революции» были направлены на смену правящей элиты, а так как смена элиты происходила всегда путем создания хаоса, который в большинстве случаев не прекращался и после осуществления переворота, то огромный ущерб для страны в случае переворота неизбежен.

Пополнение запасов «мягкой силы» предполагает гибкое, контекстно-зависимое, интегрированное и творческое использование самых разнообразных коммуникативных технологий. Любая деятельность в данном направлении должна сопровождаться четким пониманием нескольких принципиально важных обстоятельств. Не следует смешивать два понятия – создание положительного образа страны для проведения поли-

тики «мягкой силы» и положительного имиджа без проведения каких-либо действий. За всю историю нашей страны наиболее положительный образ был сформирован при Горбачеве за счет политики бесконечных и односторонних уступок. В США и странах-союзниках образ Украины в настоящее время как никогда положителен, но о проведении политики «мягкой силы» с ее стороны не может быть и речи. Все чаще стали говорить об определенном балансе «мягкой» и «твердой» силы, который вошел в международный лексикон как «умная сила» (smart power). На взгляд автора данный инструментарий довольно успешно применялся руководством РФ в краткосрочном периоде, когда наряду с политическими рычагами воздействия войска РФ периодически подводились к границам Украины, чем достигался определенный результат.

Еще одним перспективным направлением для создания положительного образа РФ рано или поздно станут спорт и туризм. Как показала Олимпиада в Сочи, только одно ее успешное проведение сделало для популяризации РФ больше, чем несколько лет разъяснительной работы. При этом, конечно, туризм, как и спорт, нужно возвести в ранг национальных приоритетов. Как показала Олимпиада, при мобилизации общества и политической элиты вокруг национального проекта, страна способна добиваться результатов во многих областях.

Бесспорно, что страна, активно проводящая политику «мягкой силы», сама в силу открытости информационных ресурсов подвержена воздействию такой политики со стороны других стран. Здесь на первый план выступают приоритеты по применению политики «мягкой силы» и умение проводить ее на практике. Как одно из направлений ослабления данного ресурса геополитического соперника и усиления своего – внимательно отслеживать тенденции в информационных ресурсах других стран и в первую очередь традиционно проводящих данную политику. Для этих целей возможно на государственном уровне, используя PR-специалистов высокой квалификации, целенаправленно проводить мониторинг информационного поля и оперативно отвечать на возникающие вызовы, прежде всего со стороны стран, которые сами достаточно успешно проводят такую политику. В памяти еще осталась не совсем удачная кампания по информационному обеспечению

пятидневной операции августа 2008 года по принуждению Грузии к миру, когда на ресурсы сети Интернет не было обращено достаточно внимания. В результате, на первом этапе кампании, группа профессиональных медийщиков, нанятых грузинской властью, путем информационных вбросов в Сеть значительно осложнила работу пресс-службы МО РФ. В этом вопросе, думается, не нужно «изобретать велосипед», а использовать те методы и способы, которые уже успешно опробованы в информационном пространстве. В освещении событий на Украине уже достигнут определенный успех. Об этом свидетельствуют и запреты в данной стране на вещание российских каналов, и попытки запретить сетевые информационные ресурсы. Что касается высказывания госсекретаря США о том, что российский медийный ресурс RT является «рупором пропаганды РФ», то это высказывание является лучшей оценкой того, что успехи РФ в информационном поле в настоящее время весьма существенны.

На успешность проведения политики «мягкой силы» могла бы повлиять методичная и целенаправленная работа с национальными диаспорами в РФ, а также работа с русскими диаспорами за рубежом. Какие-то шаги в этом направлении предпринимаются – это создание Россотрудничества и попытки ввести обязательное изучение русского языка для трудовых мигрантов. Но пока эти усилия явно недостаточны, прежде всего, из-за отсутствия необходимой правовой базы и недостаточности сил и средств.

Безусловно, необходима активизация усилий по работе с НКО и различными неправительственными организациями за рубежом, организация культурного обмена, налаживание коммуникаций. При этом, конечно, следует организовать надлежащий контроль за используемыми финансовыми средствами.

В заключении хотелось бы сделать вывод, что ресурс «мягкой силы» конкретной страны определяет силу ее влиятельных позиций в системе глобальных политических коммуникаций. Только планомерная, методичная и системная работа по проведению политики «мягкой силы», использование всего инструментария данного нормативно-идейного комплекса на протяжении достаточно длительного времени может дать какой-то приемлемый результат.

1. Официальный сайт МИД РФ [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F. (дата обращения: 29.07.2014).
2. И.А. Зевелёв, М.А. Троицкий. Сила и влияние в американо-российских отношениях семиотический анализ // Очерки текущей политики. Выпуск 2. – М. 2006.
3. П. Палажченко. Стратегия сдержанности / Круглый стол «Экспертиза» на тему «Россия в современном мире: потенциал и возможные стратегии поведения» // Горбачев Фонд / 20 мая 2004 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=387&art_id=23521 (дата обращения: 29.07.2014).
4. Т. Дмитриев. Очарование «мягкой силы»: Соединенные Штаты теряют культурно-идеологическое влияние в мире // Политический журнал. Вып. 94 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=77&tek=3131&issue=94> (дата обращения: 27.07.2014).
5. Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия не прямых действий. – М. ИЛ, 1957 [Электронный ресурс]. URL: <http://voprosik.net/myagkaya-sila-kak-stroitel-novogo-mira/> (дата обращения: 28.07.2014).
6. Най, Джозеф С. Мягкая сила. Слагаемые успеха в мировой политике / Джозеф С. Най. – Нью-Йорк: Паблик афферз, 2004.
7. П.Б. Паршин Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/book/problematika_magkoj_sily_vo_vneshnej_politike_rossii_2014-03-03.htm (дата обращения: 26.07.2014).
8. Официальный сайт администрации Президента США. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/05/28/remarks-president-west-point-academy-commencement-ceremony> (дата обращения: 18.07.2014).
9. Вольфганг Шойбле. Германии Европа как самая мощная «мягкая сила» в мире. «Die Welt». Германия [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/world/20140531/220690617.html#ixzz39Vje7YUF> (дата обращения: 29.07.2014).
1. Oficial'nyj sajt MID RF [E'lektronnyj resurs] URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F. (data obrashheniya: 29.07.2014).
2. I.A. Zevelyov, M.A. Troickij. Sila i vliyanie v amerikano-rossijskix otnosheniyax semioticheskij analiz // Ocherki tekushhej politiki. Vypusk 2. – M. 2006.
3. P. Palazhchenko. Strategiya sderzhannosti / Kruglyj stol «E'kspertiza» na temu «Rossiya v sovremennom mire: potencial i vozmozhnye strategii povedeniya» // Gorbachev Fond / 20 maya 2004 [E'lektronnyj resurs]. URL: http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=387&art_id=23521 (data obrashheniya: 29.07.2014).
4. T. Dmitriev. Ocharovanie «myagkoj sily»: Soedinennye Shtaty teryayut kul'turno-ideologicheskoe vliyanie v mire // Politicheskij zhurnal». Vyp.94 [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=77&tek=3131&issue=94> (data obrashheniya: 27.07.2014).
5. Liddel Gart B.X. Strategiya nepryamyx dejstvij. – M. IL, 1957 [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://voprosik.net/myagkaya-sila-kak-stroitel-novogo-mira/> (data obrashheniya: 28.07.2014).
6. Naj, Dzhozef S. Myagkaya sila. Slagaemye uspeha v mirovoj politike / Dzhozef S. Naj. – N'yu-Jork: Pablik afferz, 2004.
7. P.B. Parshin Problematika «myagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii [E'lektronnyj resurs]. URL: http://www.perspektivy.info/book/problematika_magkoj_sily_vo_vneshnej_politike_rossii_2014-03-03.htm (data obrashheniya: 26.07.2014).
8. Oficial'nyj sajt administracii Prezidenta SSHA. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/05/28/remarks-president-west-point-academy-commencement-ceremony> (data obrashheniya: 18.07.2014).
9. Vol'fgang Shojble. Germanii Evropa kak samaya moshhnaya «myagkaya sila» v mire. «Die Welt». Germaniya [E'lektronnyj resurs] URL: <http://inosmi.ru/world/20140531/220690617.html#ixzz39Vje7YUF> (data obrashheniya: 29.07.2014).

POSSIBLE TRENDS OF SOFT POWER DEVELOPMENT IN RUSSIA WITH CURRENT CRISES

Matejchuk Vasily Ivanovich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
senior teacher,
Chelyabinsk, Russia,
E-mail: vasilypost71@yandex.ru

Annotation

The article dedicated on a relevant issue of international relations – soft power. The author makes conclusions that soft power gives results only in the long term.

Key words:

soft power, hard power, smart power, Ukrainian crisis, the instruments of soft power.

SOFT POWER В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ: ИЛЛЮЗИИ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Хмара Юрий Николаевич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
кафедра политологии, истории и философии,
кандидат политических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия,
E-mail: travopol@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена политологическому анализу и исследованию сущности, специфики и потенциальных возможностей реализации концепции soft power в современных российских политических реалиях. В ней анализируется американское и российское понимание данной дефиниции. Рассматривается соотношение концепций soft power, smart power, hard power и их место в системе современных политических отношений. Предлагается Российской Федерации в современной политической практике использовать разумное сочетание вышеперечисленных концепций с достижением синергетического эффекта.

Ключевые слова:

Российская Федерация, государственное управление, soft power, smart power, hard power.

В современном российском политическом дискурсе термин «soft power» приобрел достаточную актуальность и значимость после его упоминания Президентом России В. В. Путиным на Совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации в 2012 году [4]. Несмотря на то, что к этому моменту «мягкая сила» уже выходит из современного мирового политического дискурса, трансформируясь в концепцию «smart power» («умная сила»). Реализация положений данных теорий может дать определенный положительный эффект в процессе развития системы государственного и муниципального управления России. Хотя использование в российской практике теорий Дж. Ная не должно осуществляться путем слепого копирования и без достаточного их осмысления, что может представлять серьезную угрозу для прогрессивного развития нашей страны.

Сущность «soft power» заключается в формировании привлекательной власти, или другой политической силы, которая способна влиять на поведение людей, опосредованно побуждая

их делать то, что в ином случае они никогда не сделали бы. Такой властью становится, основываясь не только на убеждении, уговаривании или способности подвигнуть людей сделать что-либо при помощи аргументов, но и на «активах», которые продуцируют ее привлекательность. Достичь этого, по мнению Ная, возможно, используя «власть информации и образов», власть смыслов. Иными словами, ядро «мягкой силы» – нематериальность, информативность и подвижность [2, с. 33].

Акторами мягкой силы могут быть образование, наука, культура, кинематограф, СМИ, сетевые источники информации, общественные неправительственные организации и многое другое, что способствует распространению и формированию привлекательности политических теорий, идей, образа жизни, моды и т. п.

Не отрицая авторство Дж. Ная на формулировку концепции мягкой силы, следует справедливости ради отметить, что практика использования её положений отмечена и имеет место за долго до её рождения в сфере полити-

ческой деятельности многих государств. В том числе стран Европы, Китая, СССР. В мировой политической практике, государственном и муниципальном управлении всегда использовались и будут использоваться в дальнейшем три основных мотива: страх-принуждение, поощрение-одобрение, вера-идея. Сущностные отличия моделей государственного управления заключаются в расстановке приоритетов при использовании тех или иных мотивов-средств, побуждающих людей к действиям.

Обращаясь к отечественной политической теории и практике, можно отметить, что, наверное, мало найдется здравомыслящих политиков и ученых, которые будут отрицать, что в определенный исторический период был сформирован и успешно поддерживался образ СССР – защитника мира, прогресса, прав угнетенных народов и наций, оплота социализма, и т.п. На этой основе и для поддержания соответствующего политического имиджа были созданы самые различные организации, такие как Коминтерн, Совет экономической взаимопомощи, Варшавский договор, Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами и многие другие. Несомненно, что данный образ был привлекателен лишь для части мирового сообщества, политических партий и движений, руководителей государств мира. Но весьма значительной части, что обеспечивало в течение десятилетий Советскому Союзу статус сверхдержавы и соответствующую роль и поддержку в мировой политике. Данная политическая практика была уже в то время в определенной мере использованием мягкой силы, хотя на тот момент данного термина не существовало.

Обсуждение концепции «мягкой силы» в современном российском политическом дискурсе нередко сохраняет налет наивного идеализма, который был присущ тому периоду истории нашей страны, который начался после распада СССР. Ряд ученых и отечественных политиков абсолютизируют и идеализируют её. Однако следует отметить, что «soft power» не способна решить все насущные политические проблемы того или иного государства, она всегда

дополняется средствами «hard power» (жесткой силы).

Данную ситуацию можно наблюдать как на примере современной политики США, стран Евросоюза, так и в свое время влияние и авторитет СССР значительной мере поддерживался за счет «hard power» (жесткой силы) – формы политической власти, связанной с применением военного и/или экономического принуждения для коррекции поведения или интересов других политических сил. Согласно названию эта форма политической власти часто является агрессивной, и наиболее эффективна, когда субъект власти имеет меньший военный или экономический потенциал [1]. Советское государство оказывало военную экономическую поддержку тех политических режимов и сил на всех континентах, которые ему симпатизировали. США и Евросоюз действуют аналогично, кроме того иницируя экономические, торговые, финансовые блокады, а порой и прямое применение вооруженной силы против недружественных субъектов политического процесса. Примером тому могут быть соответствующие действия в Афганистане, Ливии, Сирии, Югославии, наконец, санкции против Российской Федерации.

Но кроме того и вместе с тем, в современной международной политической практике все шире используется власть информации и образов, власть смыслов для достижения эффективного влияния. Создание «привлекательности» невозможно без лингвистического конструирования, без интерпретации реальности, без акцентирования внимания на взаимно противоположных оценочных суждениях (типа Бог-дьявол, добро-зло, свобода-рабство, демократия-диктатура). Причем именно проводники «мягкой силы» определяют, что есть «хорошо» или «справедливо», какая страна становится изгоем или образцом демократической трансформации, подвигая тем самым остальных участников политического процесса соглашаться с этой интерпретацией в обмен на поддержку со стороны субъекта soft power [3].

Проводниками мягкой силы способны выступать самые различные субъекты. Таковыми могут быть СМИ, неправительственные обще-

ственные организации (НПО), образовательные учреждения и многие другие. К сожалению, российские СМИ не имеют сколь бы то ни было значительного влияния в мировом информационном пространстве. Они отстают как в охвате аудитории, так и оперативности её информирования. Сказывается и нехватка опыта деятельности на международной арене. Количество и влияние различного рода фондов и международных организаций в нашей стране также сократилось по сравнению с их численностью в СССР на порядок.

Особого внимания в процессе исследования феномена мягкой силы заслуживает система образования. Огромное влияние в сфере создания, распространения и формирования привлекательности политических теорий, идей, образа жизни, моды оказывает обучение иностранных специалистов различного профиля в учебных заведениях конкретной страны. В 1990 году СССР занимал третье место в мире по численности иностранных студентов, обучавшихся в гражданских высших учебных заведениях после США и Франции. Их число составляло 126,5 тысяч [6]. Кроме того в военных учебных заведениях Советского Союза обучались военнослужащие более чем 140 государств [5]. Естественно, что профессиональная подготовка специалистов сопровождалась идеологическим влиянием, что не могло не дать определенные положительные результаты.

В настоящее время и в этом направлении деятельности наша страна, к сожалению, пока не является лидером. Но не все потеряно, и позиции России могут быть восстановлены при условии проведения «smart power», то есть разумного сочетания как мягкой, так и жесткой силы. Концепция разумной силы предполагает наличие синергетического эффекта от оптимального сочетания элементов мягкой и жесткой силы.

Исследуя концепцию мягкой силы, следует отметить, что в процессе реализации её положений явно прослеживается объективная связь внешней и внутренней политики государства. К внутриполитическим компонентам реализации данной концепции можно отнести, прежде

всего, формирование национальных идеалов, национальной культуры, привлекательной социальной политики. В современной России необходим переход от деклараций и намерений создавать демократическое государство с инновационной экономикой, эффективно решающее социальные проблемы, к его реальному созданию. Что невозможно без реформирования всей системы государственного и муниципального управления в стране. Одной из приоритетных задач в ходе реформирования должно быть формирование у населения собственной страны доверия и поддержки органов государственного и муниципального управления. Глобальной целью этой реформы должно быть формирование национальной управленческой модели, обладающей собственной спецификой, базирующейся на исторических, географических и психологических факторах.

---

1. Давыдов Ю. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.intertrends.ru/four/006.htm> (дата обращения: 15.07.2014).

2. Най Дж.С. Мягкая сила и американо-европейские отношения // Свободная мысль – XXI, 2004, № 1(10) май, с. 33–41.

3. Пономарева Е. Железная хватка «мягкой силы». Военное обозрение [Электронный ресурс]. – URL: <http://topwar.ru/25157-zheleznyaya-hvatka-myagkoy-sily.html> (дата обращения: 15.06.2014).

4. Путин В.В. Стенограмма доклада на совещании по слов и постоянных представителей России 9.07.2012 // Официальный сайт Президента РФ – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/15902> (дата обращения: 10.06.2014).

5. Цветкова Н. Оценка эффективности международной образовательной политики СССР и США в годы «холодной войны» // 200 лет российско-американским отношениям: наука и образование. Под ред. А. Чубарьяна и Б. Рубла. Москва, 2007. с. 378–394.

6. Советское образование: опыт обучения иностранных студентов в СССР в 1950–1990-е годы Портал URAL.RU [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ural.ru/news/press/news-111875.html> 05.12.11 (дата обращения: 20.07.2014).

---

1. Davydov Yu. Ponyatie «zhestkoj» i «myagkoj» sily v teorii mezhdunarodnyx otnoshenij // Mezhdunarodnye processy [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.intertrends.ru/four/006.htm> (data obrashheniya: 15.07.2014).

2. Naj Dzh. S. Myagkaya sila i amerikano-evropejskie otnosheniya // Svobodnaya mysl' – XXI, 2004, № 1 (10) maj, s. 33–41.

3. Ponomareva E. Zheleznyaya xvatka «myagkoj

sily». Voennoe obozrenie [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://topwar.ru/25157-zheleznaya-hvatka-mygkoy-sily.html> (data obrashheniya: 15.06.2014).

4. Putin V.V. Stenogramma doklada na soveshhanii poslov i postoyannykh predstavitelej Rossii 9.07.2012 // Oficial'nyj sajt Prezidenta RF – [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/15902> (data obrashheniya: 10.06.2014).

5. Cvetkova N. Ocenka e'ffektivnosti mezhdunarodnoj

obrazovatel'noj politiki SSSR i SShA v gody «xolodnoj vojny // 200 let rossijsko-amerikanskim odnosheniyam: nauka i obrazovanie. Pod red. A. Chubar'yana i B. Rubla. Moskva, 2007. s. 378–394.

6. Sovetskoe obrazovanie: opyt obucheniya inostrannyx studentov v SSSR v 1950–1990-e gody Portal URAL. RU [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://www.ural.ru/news/press/news-111875.html> 05.12.11 (data obrashheniya: 20.07.2014).

SOFT POWER IN THE SYSTEM OF STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT IN RUSSIA: ILLUSION OR REALITY?

Khmara Yury Nikolaevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch,
candidate of political Sciences, associated Professor,
Chelyabinsk, Russia,
E-mail: travopol@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to the political analysis and research entity, specifics and potential implementation of the concept of Soft power in the contemporary Russian political realities. It reviews the American and Russian understanding of this definition. Discusses the relation of the concepts of soft power, smart power, hard power and their place in the system of modern political relations. Offers Russian Federation in modern political practice to use reasonable combination of the above concepts with synergetic effect.

Key words:

Russian Federation, public administration's soft power, smart power, hard power.

ТЕХНОЛОГИИ SOFT POWER И АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сони́на Екатерина Олеговна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Уральский филиал,
Факультет государственного и муниципального управления,
зам. декана,
кандидат политических наук,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: ekaterina.sonina@uapa.ru

Аннотация

В статье анализируется, насколько технологии soft power применимы к содержанию и реализации административной реформы в современной России, может ли использование «мягкой силы» обеспечить переход от патерналистской модели отношений граждан и государства к модели отношений, основанной на принципах партнерства.

Ключевые слова:

мягкая сила, государственное управление, административная реформа.

В ряду политических реформ административная реформа обладает особым статусом. Административная реформа конвертирует программные цели в конкретные технологии взаимодействия общества и власти, определяющие повседневные условия жизни граждан в рамках определенного государства. Фиксируя конечные результаты административной реформы, институты государственного управления, выбранная модель реализации функций государства практически воплощают действующие традиции отношений общества и государства, формы восприятия власти, изменения, происходящие в структуре властных отношений.

На современном этапе масштабные реформы системы государственного управления в мире обусловлены целым рядом причин, ключевыми среди которых являются глубинные сдвиги в системе социальных связей и технологической организации современного общества. В условиях становления информационного (постиндустриального) общества формально определенная, структурированная, «самопрограммирующаяся», замкнутая административная власть неизбежно сталкивается с «проистекающей от автономной общественности, носящей спонтанный, неконтролируемый

характер» властью коммуникативной [16, с. 68]. Реальная субстанция власти в информационном обществе выходит за пределы традиционных институтов политического и государственного управления, законов и должностных функций. Она концентрируется в коммуникационных актах, информационном обмене и языке [8, с. 163]. Неоправданные, не «перекодированные» на язык «автономной» общественности решения и действия административной власти в поле власти коммуникативной могут получить авторскую интерпретацию со стороны различных внеадминистративных агентов коммуникации, оказывая непосредственное влияние на состоятельность государства как политического и социального института. В условиях доминирования неконтролируемой коммуникативной власти «перекодировка» административных решений на язык «автономной» общественностью становится ключевой задачей системы государственного управления. Административная реформа оказывается тем связующим звеном, которое через освоение базовых принципов функционирования коммуникативной власти обеспечивает «встраивание» государства в изменившиеся структуры социальных связей и отношений [2, с. 99–100].

Коммуникативная власть принципиально меняет ресурсную базу государственного управления. Наряду с прямым принуждением и методами экономического стимулирования особое значение в реализации политики государства и в практике государственного управления приобретают технологии «мягкой» силы (soft power). «Мягкая сила» – это власть, реализуемая в форме определенного коммуникативного воздействия, в процессе которого диктуемое субъектом власти поведение воспринимается реципиентом как свободный и добровольный выбор, как проявление собственной интенции и идентичности [14, с. 218]. Конечной целью применения технологий «мягкой силы» в практике государственного управления является обеспечение идентификации общества с реализуемой государством политикой и формирование позитивного имиджа органов государственной власти в массовом сознании. Ядро технологий «мягкой силы» – их нематериальность, информативность и максимальная гибкость. Учитывая природу «мягкой силы», «включенность» населения в реализацию государственной политики обеспечивается за счет поддержания информационной открытости органов государственной власти, расширения спектра процедур общественного участия населения в их деятельности, функционирования механизмов общественного контроля. Столь непривычная для административной власти модель взаимодействия с обществом оказывается абсолютно органичной и «технологичной» в условиях доминирования власти коммуникативной. С одной стороны, обеспечение информационной открытости органов государственной власти дает в массовом восприятии ощущение сопричастности процессам управления государством. С другой стороны, включение механизмов общественного контроля позволяет вовремя диагностировать возникающие точки социального напряжения, корректировать ход реформаторских процессов, обеспечивая распределение ответственности между государственным и частным сектором в реализации функций государства. Информационная открытость оказывается тем «мягким» инструментом, который идейно, символически вписывается в ментальные структуры постиндустриального общества, приближая власть к населению, выступает залогом ее устойчивости.

Концептуальное оформление технологий soft power применительно к государственному управлению происходит в рамках модели Нового государственного управления (New Public Management – NPM). Новое государственное управление предполагает освоение технологий менеджмента в деятельности госаппарата. Содержание управленческого процесса оказывается зависимым от содержания социальной проблемы, решить которую можно только при помощи ресурсов государственной власти. Постоянное взаимодействие с населением, обеспечение информационной открытости административной власти трактуется как базовый принцип ее функционирования, соблюдение которого позволяет вовремя выявлять наиболее актуальные проблемы, снимать социальное напряжение [1, с. 20]. При этом ответственность за реализацию социально значимых функций государства распределяется между обществом и государственным аппаратом. Выстраивание системы государственного управления в соответствии с принципами NPM обеспечивает переход от патерналистского типа отношений между гражданами и государством к отношениям партнерским [13, с. 8–9]. Стратегические функции остаются за госаппаратом, тогда как остальные, связанные с обслуживанием и ранее осуществлявшиеся государством, возлагаются на коммерческие структуры.

В современной России утверждение целей и основных задач административной реформы произошло в 2003 году в Указе Президента РФ № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах» и принятом потом целом пакете документов, определивших ее идейное и символическое содержание [6; 7; 9; 10; 11; 15]. В качестве приоритетных направлений административной реформы были определены: ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства; исключение дублирования функций и полномочий федеральных органов исполнительной власти; развитие системы саморегулируемых организаций в области экономики; организационное разделение функций, касающихся регулирования экономической деятельности, надзора и контроля, управления государственным имуществом и предоставления государственными организациями услуг гражданам и юридическим

лицам; завершения процесса разграничения полномочий между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ; оптимизация деятельности федеральных органов исполнительной власти в регионах. Обозначенные в программных документах приоритетные направления административной реформы, очевидно, указывали на выбор модели Нового государственного управления в качестве ее концептуальной основы.

Идейное содержание административной реформы в рамках модели Нового государственного управления, однако, вступило в противоречие с технологиями ее реализации. Административная реформа носит комплексный характер и предполагает реструктуризацию государственной службы, изменения в бюджетном секторе, собственно трансформацию государственного аппарата. Требование комплексности применительно к технологиям реализации административной реформы означает, что ее программные цели, сориентированные на презентацию новой модели и порядка участия населения в управлении государством, должны находить свое воплощение не только в идеях, но и в символической представленности власти, повседневных практиках взаимодействия граждан и органов государственной власти. Несмотря на достаточно большой комплект документов, фиксирующих основные направления преобразований в системе государственного управления в современной России, большая часть запланированных мер ориентирована на государственных служащих как основной объект реформы. Принятый в рамках первого этапа реализации административной реформы в 2004 году Федеральный закон «О государственной гражданской службе» определяет государственную службу как «профессиональную деятельность граждан РФ <...> по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов РФ» [9]. Но такое понимание государственной гражданской службы укладывается в классические бюрократические представления о системе государственного управления – как системы, выполняющей сервисные функции по отношению к власти, а не к обществу. Повышение эффективности взаимодействия органов исполнительной власти и общества, предполагающее, в том числе,

обеспечение информационной открытости государственного аппарата, обозначено в качестве одного из направлений административной реформы. Но понимание информационной открытости системы государственного управления, согласно программным документам, сводится исключительно к «созданию порталов в сети Интернет ведомственных органов государственной власти и местного самоуправления», опубликованию решений ведомств на соответствующих сайтах. Возможные процедуры участия общества в деятельности органов власти обозначены. К ним относятся, в частности, проведение публичных обсуждений подготавливаемых решений, проведение общественной экспертизы социально значимых решений органов исполнительной власти, создание и деятельность при органах исполнительной власти общественных советов с участием представителей гражданского общества и т. д. Но в качестве конкретной меры по активизации данных процедур в государственном управлении предусмотрена «разработка методических основ и систем мониторинга процессов развития гражданского общества и участия его представителей в процессе подготовки и принятия государственными органами решений» [6]. Если анализировать структуру показателей, по которым оценивается эффективность реализации административной реформы, то большинство из них направлено на выявление экономической целесообразности проводимых мероприятий, степени оптимизации отдельных функций органов государственной власти, уровня технического сопровождения управленческих процессов. Из всех показателей достижения программных целей преобразований в системе государственного управления есть только один интегральный – индикатор GRICS, рассчитываемый Всемирным банком 1 раз в 2 года на основе сопоставления 25 различных показателей. Методика оценки по GRICS предполагает и выявление «уровня доверия к политике, проводимой Правительством Российской Федерации», но конкретные замеры данного уровня предполагается производить на основе социологических опросов в рамках деятельности конкретных ведомств [7]. Тексты документов и аналитические отчеты о реализации административной реформы содержат достаточно много апорий, неразрешимых противоречий между идейным содержанием

государственного управления и его практическим, технологическим воплощением в повседневной жизни общества. Наличие подобных противоречий приводит к фактическому отождествлению политического и государственного управления. Складывается парадоксальная ситуация, когда государство инициирует процесс создания институтов гражданского общества, внедрить которые предполагается при помощи бюрократических технологий, периодически проводя административный мониторинг их численности и порядка функционирования.

Отождествление политического и государственного управления, размытость его границ в повседневной практике политической жизни общества, фактическое отсутствие мер по обеспечению участия граждан в процессе определения стратегических целей развития общества подкрепляются символической неопределенностью государственного управления в российской политической системе. Меры, которые могут способствовать обеспечению информационной открытости органов государственной власти, связанные с электронной формой предоставления государственных услуг, антикоррупционной политикой, реализуются на фоне демонстрации традиционных для российской политической системы методов государственного управления, предполагающих наличие вертикали власти, центрированность управленческих решений, концентрацию управленческих рычагов в руках руководителя, являющегося знаковой, символической фигурой. Практически данные методы реализуются путем выражения политического недоверия эпохальным управленческим фигурам, создания атмосферы напряжения в определенной сфере управленческого воздействия (актуализация угрозы масштабного сокращения, реструктуризации целой подсистемы государственного управления и т. д.). Абсолютно не совместима установка на открытость органов государственной власти, общественный контроль за их деятельностью, оптимизацию функций органов исполнительной власти, формирование эффективных механизмов противодействия коррупции с дворцовым величием институтов, посредством которых презентует себя власть в повседневной жизни. Они словно призваны самим контрастом с убогими многоэтажками и скучным бытом сакрализировать власть и ее обладателей [3].

Учреждения – дворцы возводят каждое управленческое действие в разряд священных, ритуализируя процесс государственного управления. Играя ценностями традиционалистского толка, предметно воплощая их в каждой форме и каждом методе управленческого воздействия, власть только утверждает себя в своем символическом величии.

Подходя достаточно инструментально к административной реформе, оставаясь в поле жестких технологий управленческого воздействия, российская власть не учитывает очень важного обстоятельства – принципиальных изменений в структуре российского массового сознания. Частота смены идейных ориентиров и целей реформ привела и элиту, и общество в состояние «стихийного самотека» (В. Пастухов). Российское общество утратило на современном этапе чувство уверенности и стабильности. Состояние растерянности, неопределенности, страха перед будущим оказываются основными регуляторами политического поведения. Осложнившаяся международная обстановка только усугубляет ощущение массовой тревожности. Высокий рейтинг Президента РФ оказывается одной из немногих действительных «скреп», способных хоть как-то консолидировать крайне атомизированное российское общественное сознание [12]. Доминирование страха перед будущим в качестве базовой установки массового сознания может формировать две основные стратегии политического поведения – самосохранение и радикализм [5, с. 306]. Установка на самосохранение приводит к индивидуализации жизни, которая очень жестко преломляет социальные идеалы, тем более, когда они приобретают властно-политический оттенок. Любые идеалы и идейные проекты оказываются актуальными лишь настолько, насколько касаются непосредственно личности и ее интересов. Каждая попытка со стороны власти утверждения нового видения укоренившихся социальных явлений и процессов воспринимается обществом весьма болезненно, как посягательство на достигнутые личные свободы и социальные гарантии. «Самосохраняющееся» общество относится к политическому процессу апатично, отказываясь конвертировать свои права и свободы в обязанности гражданина. Механизмы общественного участия в управлении государством не работают, потому что граждане крайне настороженно воспринимают власть. В услови-

ях доминирования инстинкта самосохранения в массовом сознании власть устойчива настолько, насколько она может обеспечить привычные для данного общества стандарты материального благополучия. Благодаря сосредоточенным в руках власти ресурсам, она воспринимается как источник всех благ, но одновременно власть остается источником и всех неприятностей. Поэтому наиболее рациональной и безопасной стратегией действий в отношении власти является сохранение хотя бы видимости подчинения и лояльности [4, с. 161], но это совсем не означает абсолютную поддержку реализуемой государственной политики. Радикализм в условиях нарастания напряжения на мировой политической сцене может показаться более привлекательной стратегией политического поведения, поскольку он «милитаризирует» население [5, с. 162], создает поле для манипулятивного воздействия, позволяет направить энергию массы против символически сконструированного врага, отвлекая от многих внутренних противоречий. Но при доминировании коммуникативной власти выбор такой стратегии обеспечения массового участия в реализации государственной политики рискован вдвойне. Коммуникативная власть очень быстро перенаправляет энергию массового протеста, легко создавая авторитеты в пространстве информационных сетей.

Противоречие идейной и символической презентаций государственного управления, его ролевая, содержательная неопределенность по отношению к политической системе, одновременное стремление власти посредством государственного управления решить вопросы управления политического, – все это провоцирует конфликтные тенденции на уровне общественного сознания. Опора на государственное управление как ресурс управления политического, отказ от технологий, обеспечивающих действительное участие населения в управлении государством, может оказаться миной замедленного действия для власти – она лишается источников обновления. И смысл здесь не только в утрате властью легитимного признания. Современные внешние вызовы опасны не своим идейным содержанием, а скоростью, с которой они возникают и развиваются. Теперь важно не просто разрешить конфликтную ситуацию по факту ее возникновения, а вовремя диагностировать причины данной ситуации с тем, чтобы конфликт не приобрел

рел эскалирующий характер. Инструментальное подведение государственного управления под задачи политического порядка может ввести власть в режим самоуничтожения. Растрачивая колоссальные ресурсы на решение текущих задач, сущностно подменяя ими реально существующие проблемы, реализуя административную реформу без пересмотра ее смыслового содержания, находясь в параллельном с обществом режиме существования, власть серьезно рискует оказаться несостоятельной перед решением проблем, имеющих катастрофические для нее последствия.

1. The State of Public Management. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1996.

2. Гаман-Голутвина О. Изменение роли и функций государства и реформы государственного управления: отечественный и зарубежный опыт // Административные реформы в контексте властных отношений: Опыт постсоциалистических трансформаций в сравнительной перспективе / Под ред. А. Олейника и О. Гаман-Голутвиной. М.: РОССПЭН, 2008. С. 97–120.

3. Ершов Ю.Г. Основные политико-идеологические проблемы становления Российской государственности [Электронный ресурс]. URL: <http://chinovnik.uapa.ru/modern/article.php?id=316> (дата обращения: 30.07.2014).

4. Клеман К. Новые социальные движения в России // Административные реформы в контексте властных отношений: опыт постсоциалистических трансформаций в сравнительной перспективе / Под ред. А. Олейника и О. Гаман-Голутвиной. М.: РОССПЭН, 2008. С. 144–174.

5. Калхун Крейг. Люди хотят и нуждаются в единстве и социальном воспроизводстве // 22 идеи о том, как устроить мир: Беседы с выдающимися учеными / Под ред. Петра Дуткевича и Ричарда Саквы. М.: Издательство Московского университета, 2014. С. 291–308.

6. Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2005–2008 годах: Утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1789-р от 25.10.2005 г. // Собрание законодательства РФ. 2005 г. № 46.

7. Концепция снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011–2013 гг.: Утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации N 1021-р от 10 июня 2011 г. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

8. Мартыанов В.С. Политический проект Модерна: от микроэкономики к мирополитике: стратегии России в глобализирующемся мире. М.: РОССПЭН, 2010.

9. О государственной гражданской службе: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (в ред. 14 февраля 2010 г.) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

10. О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах: Указ Президента Российской Федерации № 824 от 23.07.2003 г. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

11. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: Указ президента Российской Федерации № 601 от 07.05.2012 г. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

12. Пастухов В. Последний солдат империи [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2014/07/16/soldier/> (дата обра-

шения: 17.07.2014 г.)

13. Райнхард К. Реформирование государственного управления. Концепция активизирующегося государства // Реформы государственного управления накануне третьего тысячелетия. М.: РАГС, 1999. С. 1–10.

14. Русакова О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012.

15. Федеральная программа реформирования и развития системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 гг.): Утв. Указом Президента РФ от 10 марта 2009 года № 261 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 11. Ст. 1277.

16. Хаббермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: Академия, 1995.

1. The State of Public Management. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1996.

2. Gaman-Golovtina O. Izmenenie roli i funkciy gosudarstva i reformy gosudarstvennogo upravleniya: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt // Administrativnye reformy v kontekste vlastnyx otnoshenij: Opyt postsocialisticheskix transformacij v sravnitel'noj perspektive / Pod red. A. Olejnika i O. Gaman-Golovtinoj. M.: ROSSPE'N, 2008. S. 97–120.

3. Ershov Yu.G. Osnovnye politiko-ideologicheskie problemy stanovleniya Rossijskoj gosudarstvennosti [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://chinovnik.uapa.ru/modern/article.php?id=316> (data obrashheniya: 30.07.2014).

4. Kleman K. Novye social'nye dvizheniya v Rossii // Administrativnye reformy v kontekste vlastnyx otnoshenij: opyt postsocialisticheskix transformacij v sravnitel'noj perspektive / Pod red. A. Olejnika i O. Gaman-Golovtinoj. M.: ROSSPE'N, 2008. С. 144–174.

5. Kalxun Krejg. Lyudi xotyat i nuzhdayutsya v edinstve i social'nom vosproizvodstve // 22 idei o tom, kak ustroit' mir: Besedy s vydayushhimisya uchenymi / Pod red. Petra Dutkevicha i Richarda Sakvy. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2014. S. 291–308.

6. Konceptiya administrativnoj reformy v Rossijskoj

Federacii v 2005–2008 godax: Utv. Rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii № 1789-r ot 25.10.2005 g. // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2005 g. № 46.

7. Konceptiya snizheniya administrativnyx bar'erov i povysheniya dostupnosti gosudarstvennyx i municipal'nyx uslug na 2011–2013 gg.: Utv. Rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii N 1021-r ot 10 iyunya 2011 g. // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus».

8. Mart'yanov V.S. Politicheskij proekt Moderna: ot miroe'konomiki k miropolitike: strategii Rossii v globaliziruyushhemsya mire. M.: ROSSPE'N, 2010.

9. O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe: Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2004 g. № 79-FZ (v red. 14 fevralya 2010 g.) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2004. № 31. St. 3215.

10. O merax po provedeniyu administrativnoj reformy v 2003–2004 godax: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii № 824 ot 23.07.2003 g. // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus».

11. Ob osnovnyx napravleniyax sovershenstvovaniya sistema gosudarstvennogo upravleniya: Ukaz prezidenta Rossijskoj Federacii № 601 ot 07.05.2012 g. // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus».

12. Pastuxov V. Poslednij soldat imperii [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://polit.ru/article/2014/07/16/soldier/> (data obrashheniya: 17.07.2014 g.)

13. Rajnхард К. Реформирование государственного управления. Концепция активизирующегося государства // Реформы государственного управления накануне третьего тысячелетия. М.: РАГС, 1999. С. 1–10.

14. Rusakova O.F. Sovremennaya politicheskaya filosofiya: predmet, koncepty, diskurs. Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi», 2012.

15. Federal'naya programma reformirovaniya i razvitiya sistema gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii (2009–2013 gg.): Utv. Ukazom Prezidenta RF ot 10 marta 2009 goda № 261 // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2009. № 11. St. 1277.

16. Xabermas Yu. Demokratiya. Razum. Nравstvennost'. Moskovskie lekcii i interv'yu. M.: Akademiya, 1995.

TECHNOLOGY OF SOFT POWER AND ADMINISTRATIVE REFORM IN MODERN RUSSIA

Sonina Ekaterina Olegovna,

Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, PhD, Deputy Dean of Faculty of Public Management, E-mail: ekaterina.sonina@uapa.ru

Annotation

This paper analyzes how soft power technology applicable to the content and implementation of administrative reform in Russia today, whether the use of “soft power” to ensure the transition from the paternalistic model of relations between citizens and the state for the model relations based on the principles of partnership.

Key words:

soft power, public administration, administrative reform.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ SOFT POWER

Боровкова Юлия Викторовна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, кафедра экономики, финансов и бухгалтерского учета, старший преподаватель, кандидат экономических наук, г. Челябинск, Россия, E-mail: julia.bor@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается применение в России международных стандартов финансовой отчетности в целях реализации внешней экономической политики как возможное средство использования концепции «мягкой силы».

Ключевые слова:

«Мягкая сила», международные стандарты финансовой отчетности, российские стандарты бухгалтерского учета, Федеральный Закон о бухгалтерском учете.

Концепция «мягкой силы» сформулирована известным американским политологом Джозефом Наем применительно к международным отношениям.

Термин *Soft power*, по сути, означает форму политической власти, «поведение» государства, характеризующееся способностью страны «воздействовать на других средствами, отличными от военного и экономического принуждения, которое является «жесткой силой». Компонентами «мягкой силы» являются:

– Культура страны. Здесь речь идет о культуре не столько «высокой», сколько массовой.

– Национальные идеалы и внутренняя политика.

– Публичная внешняя политика. Она должна соответствовать, как минимум, двум критериям: опора на общие ценности, разделяемые с другими государствами, и отказ от жесткого навязывания своего образа жизни» [2].

Очевидно, что выбранная форма политической власти влияет на международные экономические отношения и деловые связи. Таким образом, внешняя экономическая политика, которую

можно рассматривать как элемент внешней политики одного из компонентов «мягкой силы», также должна ориентироваться на общие международные ценности. В качестве таких общих ценностей могут выступать международные стандарты финансовой отчетности, представляющие собой не жестко регламентирующие правила, а принципы и рекомендации, следуя которым экономические субъекты составляют финансовую отчетность с целью сделать ее понятной зарубежным пользователям.

Рассмотрим, насколько можно говорить о применении Россией *Soft power* в данном контексте.

В целях приближения российского учета к международным принципам учета и составления отчетности 20.12.2011 г. вступил в силу приказ Минфина РФ № 160н от 25.11.2011 «О введении в действие Международных стандартов финансовой отчетности и Разъяснений Международных стандартов финансовой отчетности на территории Российской Федерации». Кроме того, был принят новый федеральный закон № 402-ФЗ от 06.12.2011 «О бухгалтер-

ском учете», вступивший в силу с 01.01.2013, который внес существенные изменения в терминологию российского учета и порядок разработки национальных стандартов бухгалтерского учета.

Рассмотрим основные изменения и нововведения, касающиеся:

1) Понятий и терминов, используемых в законе:

– Изменено определение бухгалтерского учета. «Бухгалтерский учет – формирование документированной систематизированной информации об объектах, предусмотренных настоящим Федеральным законом, в соответствии с требованиями, установленными настоящим Федеральным законом, и составление на ее основе бухгалтерской (финансовой) отчетности» [6]. Таким образом, новое определение, в отличие от предыдущего, делает акцент не на этапах и методах учета, а на его общей сущности и назначении, что соответствует международной тенденции.

– Заменены термины: в тексте нового закона вместо понятия «организация» используется выражение «экономический субъект», термин «хозяйственная операция» заменен понятием «факт хозяйственной жизни».

– Введены термины, ранее не упоминавшиеся в Федеральном законе о бухгалтерском учете:

- международный стандарт – стандарт бухгалтерского учета, применение которого является обычаем в международном деловом обороте, независимо от конкретного наименования такого стандарта;

- национальный стандарт – стандарт бухгалтерского учета, утвержденный уполномоченным федеральным органом;

- отраслевой стандарт – стандарт бухгалтерского учета, утвержденный органом государственного регулирования бухгалтерского учета, отличным от уполномоченного федерального органа;

- уполномоченный федеральный орган – федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством Российской Федерации осуществлять функции по выработке государственной политики

и нормативно-правовому регулированию в сфере бухгалтерского учета.

- Раскрыто понятие «учетной политики».

2) Перечня организаций, освобожденных от обязанности ведения бухгалтерского учета:

- Не предусмотрено освобождение организаций от обязанности ведения бухгалтерского учета в зависимости от применяемой им системы налогообложения. При этом в соответствии с п. 2 ст. 6 нового закона, бухгалтерский учет могут не вести:

- Индивидуальные предприниматели, лица, занимающиеся частной практикой, – в случае, если в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах они ведут учет доходов или расходов и (или) иных объектов налогообложения в порядке, установленном указанным законодательством.

- Находящиеся на территории Российской Федерации филиал, представительство или иное структурное подразделение организации, созданной в соответствии с законодательством иностранного государства.

- В случае, если в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах они ведут учет доходов и расходов и (или) иных объектов налогообложения в порядке, установленном указанным законодательством.

- Организации, получившие статус участников проекта по осуществлению исследований, разработок и коммерциализации их результатов в соответствии с Федеральным законом от 08.09.2010 № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково» вправе применять упрощенные способы ведения бухгалтерского учета, включая упрощенную бухгалтерскую (финансовую) отчетность, установленные для субъектов малого предпринимательства.

3) Организации ведения бухгалтерского учета:

- В части возложения обязанностей по ведению учета: руководитель организации (за исключением кредитной организации) обязан возложить ведение бухгалтерского учета на главного бухгалтера или иное должностное лицо организации либо заключить договор

об оказании услуг по ведению бухгалтерского учета.

– В части требований, которым должны будут отвечать главные бухгалтера организаций, перечень которых указан в законопроекте. В соответствии с п. 4 ст. 7 нового ФЗ, главный бухгалтер (или иное должностное лицо, на которое возлагается ведение бухгалтерского учета) вышеперечисленных организаций должен:

- иметь высшее профессиональное образование;
- иметь стаж работы, связанной с ведением бухгалтерского учета, составлением бухгалтерской (финансовой) отчетности либо с аудиторской деятельностью, не менее трех лет из последних пяти календарных лет, а при отсутствии высшего профессионального образования по специальностям бухгалтерского учета и аудита – не менее пяти лет из последних семи календарных лет;
- не иметь неснятой или непогашенной судимости за преступления в сфере экономики.

4) Требования к первичным документам и регистрам бухгалтерского учета:

– Отсутствует понятие «унифицированные формы первичных документов».

– В части оформления первичных документов: в соответствии с п. 5 ст. 9 нового ФЗ, первичный учетный документ составляется на бумажном носителе и (или) в виде электронного документа, подписанного электронной подписью.

– В части исправлений в первичных документах: в новом законе отсутствует прямой запрет на внесение исправлений в кассовые и банковские документы, однако есть условие допустимости исправлений.

– В части составления регистров бухгалтерского учета: могут быть составлены на бумажном носителе и (или) в виде электронного документа, подписанного электронной подписью, предусмотрены обязательные реквизиты регистров бухгалтерского учета.

5) Перечня объектов бухгалтерского учета. Новый закон выделяет следующие объекты:

- факты хозяйственной жизни;
- активы;

- обязательства;
- источники финансирования его деятельности;
- доходы;
- расходы;
- иные объекты в случае, если это установлено федеральными стандартами.

6) Проведения инвентаризации (не упоминаются случаи обязательного проведения инвентаризации).

7) Бухгалтерской отчетности:

– В части изменений наименований форм бухгалтерской отчетности: «отчет о прибылях и убытках» заменен на «отчет о финансовых результатах».

– Появление в законе новых статей, касающихся бухгалтерской отчетности, составляемой в особом порядке (статья 16 – «Особенности бухгалтерской (финансовой) отчетности при реорганизации юридического лица», статья 17 – «Особенности бухгалтерской (финансовой) отчетности при ликвидации юридического лица»).

8) Регулирования бухгалтерского учета:

– В части принципов бухгалтерского учета, ранее не упоминавшихся в законе о бухгалтерском учете, в соответствии с которыми происходит регулирование учета:

- соответствие федеральных и отраслевых стандартов потребностям пользователей бухгалтерской (финансовой) отчетности, а также уровню развития науки и практики бухгалтерского учета;
- единство системы требований к бухгалтерскому учету;
- упрощение способов ведения бухгалтерского учета, включая упрощенную бухгалтерскую (финансовую) отчетность, для субъектов малого предпринимательства и отдельных форм некоммерческих организаций;
- применение международных стандартов как основы разработки федеральных и отраслевых стандартов;
- обеспечение условий для единообразного применения федеральных и отраслевых стандартов;
- недопустимость совмещения полномочий по утверждению федеральных стандар-

тов и государственному контролю (надзору) в сфере бухгалтерского учета.

– В части перечня документов, регулирующих бухгалтерский учет в РФ. Согласно ст. 21 нового ФЗ к документам в области регулирования бухгалтерского учета относятся:

- федеральные стандарты;
- отраслевые стандарты;
- рекомендации в области бухгалтерского учета;
- стандарты экономического субъекта.

9) Разработки и утверждения федеральных стандартов:

– Введено понятие субъектов негосударственного регулирования, на которых возложены полномочия по разработке, наряду с государственными органами регулирования.

– Определены функции органов государственного регулирования и субъектов негосударственного регулирования.

– Изложена программа разработки национальных стандартов.

– Предусмотрено создание совета по стандартам бухгалтерского учета для проведения экспертизы проектов национальных стандартов.

– Изложен порядок проведения экспертизы проектов национальных стандартов [1, с. 105–109].

Таким образом, характер нововведений в Закон о бухгалтерском учете свидетельствует о сближении российских стандартов бухгалтерского учета с международными стандартами. В качестве основы для разработки национальных и отраслевых стандартов на территории РФ будут применяться международные стандарты.

Несмотря на очевидное сближение российского учета с международным, в РСБУ наблюдаются существенные отличия в способах и методах учета объектов, как правило, составляющих значительную долю в активах компаний – основных средств и нематериальных активов, и раскрытии информации об указанных объектах в отчетности. Рассмотрим некоторые моменты, свидетельствующие о данном обстоятельстве.

В отношении переоцененных объектов основных средств ПБУ 6/01 «Учет основных

средств» ограничивается указаниями о раскрытии в бухгалтерской отчетности информации «об изменениях стоимости основных средств, в которой они приняты к бухгалтерскому учету (достройка, дооборудование, реконструкция, частичная ликвидация и переоценка объектов)» [4]. Согласно МСФО 16 «Основные средства», если объекты основных средств отражаются по переоцененной стоимости, кроме общей информации о переоценке и суммы переоценки раскрытию подлежит следующая информация [5]:

– методы и значительные допущения, применявшиеся при выполнении расчетной оценки справедливой стоимости объектов;

– степень, в которой справедливая стоимость объектов определялась непосредственно на основе действующих цен активного рынка или недавних рыночных сделок между независимыми сторонами или была получена с использованием иных методик оценки;

– применительно к каждому переоцененному классу основных средств: балансовая стоимость, которая подлежала бы признанию, если бы активы не учитывались с использованием модели учета по фактическим затратам.

Известно, что РСБУ не указывают на необходимость раскрытия информации в отчетности об объектах основных средств в зависимости от степени их использования в производстве.

МСФО 16 учитывает этот факт и рекомендует в отчетности отражать информацию, которую пользователи могут счесть полезной. Данная информация имеет существенное значение для получения полных сведений о производственном капитале:

– балансовая стоимость временно простаивающих основных средств;

– балансовая стоимость основных средств, активное использование которых прекращено и которые не классифицируются как предназначенные для продажи.

Так же РСБУ не содержат указания об отражении в отчетности объектов основных средств с нулевой остаточной стоимостью.

В МСФО предусматривается отражение в отчетности информации о «балансовой стои-

мости в брутто-оценке находящихся в эксплуатации полностью амортизированных основных средств».

В российском учете арендованные объекты основных средств учитываются на забалансовом счете 001 «Арендованные основные средства» в оценке, указанной в договорах на аренду, при этом отсутствуют четкие указания о порядке оценки данных объектов.

В соответствии с МСФО 17 «Аренда» [5] на дату начала срока аренды арендаторы должны признать финансовую аренду, под которой в стандарте понимается аренда, предусматривающая передачу практически всех рисков и выгод, связанных с владением активом, в своих отчетах о финансовом положении в качестве активов и обязательств в суммах, равных справедливой стоимости имущества, которое является предметом аренды, или приведенной стоимости минимальных арендных платежей (если эта сумма ниже), при этом каждая из указанных стоимостей определяется на дату начала арендных отношений.

Операции и другие события учитываются и представляются в отчетности в соответствии со своим содержанием и финансовым смыслом, а не просто исходя из их юридической формы. Несмотря на то, что юридическая форма договора аренды может не предполагать передачу арендатору права собственности на актив, являющийся предметом аренды, в случае финансовой аренды содержание операции и ее финансовый смысл таковы, что арендатор получает экономические выгоды от использования актива, являющегося предметом аренды, на протяжении большей части срока его экономической службы в обмен на обязательство уплатить за это право сумму, приблизительно равную справедливой стоимости актива на дату начала арендных отношений и соответствующих затрат на финансирование.

Если такие операции аренды не отражены в отчете о финансовом положении арендатора, то экономические ресурсы и уровень обязательств предприятия оказываются заниженными, что приводит к искажению финансовых показателей. Таким образом, объект

финансовой аренды следует отражать в отчете о финансовом положении арендатора и как актив, и как обязательство по уплате будущих арендных платежей».

В международной практике все более актуальным является переход к оценке активов по справедливой стоимости.

Определение справедливой стоимости с незначительной степенью вариативности дается в нескольких международных стандартах финансовой отчетности: МСФО 2 «Запасы», МСФО 16 «Основные средства», МСФО 20 «Учет государственных субсидий и раскрытие информации о государственной помощи», МСФО 39 «Финансовые инструменты: признание и измерение». В них справедливая стоимость трактуется как величина, определяемая при обмене актива в сделке между независимыми, хорошо осведомленными, желающими совершить такую сделку сторонами.

Согласно уже упоминавшейся «модели по переоцененной стоимости», предлагаемой МСФО 16, справедливая стоимость земельных участков и зданий «определяется на основе рыночных данных путем оценки, которая обычно выполняется профессиональными оценщиками. Справедливая стоимость объектов основных средств обычно соответствует их рыночной стоимости, определяемой путем экономической оценки» [5].

С 1 января 2013 года введен в действие для применения на территории Российской Федерации МСФО 13 «Оценка справедливой стоимости». Данный стандарт упорядочивает, разъясняет многие спорные вопросы и противоречия других стандартов в части оценки активов и обязательств.

Указанный документ:

- дает определение справедливой стоимости;
- излагает в едином МСФО основу для оценки справедливой стоимости;
- требует раскрытия информации об оценках справедливой стоимости.

При этом стандарт предлагает определение справедливой стоимости, непротиворечащее прежнему, однако несколько отличающееся

по формулировке, даваемой в других стандартах: «справедливая стоимость – это цена, которая может быть получена при продаже актива или уплачена при передаче обязательства при проведении операции на добровольной основе на основном (или наиболее выгодном) рынке на дату оценки в текущих рыночных условиях (то есть выходная цена) независимо от того, является ли такая цена непосредственно наблюдаемой или рассчитывается с использованием другого метода оценки» [3].

Как видно, в этой трактовке акцент делается не на условиях определения рыночной цены объекта – независимости, осведомленности и желании участников совершить сделку, а на способе ее определения – не только посредством наблюдения, но и расчетным путем.

В отношении участников предполагаемой сделки принимается допущение о том, что они действуют в своих интересах.

Способы определения рыночной цены, кроме того, находят отражение в существенных уточнениях, вводимых стандартом: «справедливая стоимость – это рыночная оценка, а не оценка, формируемая с учетом специфики предприятия. По некоторым активам и обязательствам могут существовать наблюдаемые рыночные операции или рыночная информация. По другим активам и обязательствам наблюдаемые рыночные операции или рыночная информация могут отсутствовать. Однако цель оценки справедливой стоимости в обоих случаях одна и та же – определить цену, по которой проводилась бы операция, осуществляемая на организованном рынке, по продаже актива или передаче обязательства между участниками рынка на дату оценки в текущих рыночных условиях (то есть выходная цена на дату оценки с точки зрения участника рынка, который удерживает актив или имеет обязательство).

При этом в российских стандартах понятие справедливой стоимости до сих пор отсутствует. В российском законодательстве рассматривается рыночная цена, которая лишь в некоторых случаях является основой для определения справедливой стоимости.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что для России одной из сфер

применения концепции Economic Soft power является ориентация на международные стандарты ведения учета и составления финансовой отчетности. Отчетность, составленная в соответствии с МСФО, дает возможность получить заинтересованным пользователям полезную информацию о деятельности компании для принятия управленческих решений, привлечь зарубежных инвесторов и партнеров. Однако, существенными препятствиями для применения Россией «мягкой силы», в данном контексте, можно назвать: недостаточную адаптацию международных стандартов к российской практике ведения учета, отсутствие в российском законодательстве многих терминов и понятий из МСФО, недостаточно качественное программное обеспечение для составления отчетности по международным стандартам, неготовность российских бухгалтеров к ведению учета в соответствии с рекомендациями, а не по жестким правилам и нормам.

1. Боровкова Ю.В. Развитие методов оценки и анализа производственного капитала организации: дис. ... канд. эк. наук / Ю.В. Боровкова. – Челябинск, 2012. – 146 с.

2. Ваплер В.Я. Идея империи и «мягкая сила»: мировой опыт и российские перспективы / В.Я. Ваплер, Н.Э. Гронская, А.С. Гусев, Д.С. Коршунов, А.С. Макарычев, А.В. Солнцев // Научно-информационный журнал «Вопросы управления». URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru-ru/issue/2010/01/02/> (дата обращения: 14.07.2014).

3. Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 13 «Оценка справедливой стоимости», утвержден Приказом Минфина Российской Федерации от 18.01.2012 № 106н // СПС «Гарант».

4. Приказ Минфина Российской Федерации «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет основных средств» ПБУ 6/01» от 30.03.2001 № 26н // СПС «Гарант».

5. Приказ Минфина РФ «О введении в действие Международных стандартов финансовой отчетности и Разъяснений Международных стандартов финансовой отчетности на территории Российской Федерации» от 25 ноября 2011 г. N 160н // СПС «Гарант».

6. Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 N 402-ФЗ // СПС «Гарант».

1. Borovkova Yu.V. Razvitie metodov ocenki i analiza proizvodstvennogo kapitala organizacii: dis. ... kand. e'k. nauk / Yu. V. Borovkova. – Chelyabinsk, 2012. – 146 s.

2. Vapler V. Ya. Ideya imperii i «myagkaya sila»: mirovoj opyt i rossijskie perspektivy / V. Ya. Vapler, N. E'. Gronskaya, A. S. Gusev, D. S. Korshunov, A. S. Makarychev, A. V. Solncev // Nauchno-informacionnyj zhurnal «Voprosy upravleniya». URL:

<http://vestnik.uapa.ru/ru-ru/issue/2010/01/02/> (data obrashheniya: 14.07.2014).

3. Mezhdunarodnyj standart finansovoj otchetnosti (IFRS) 13 «Ocenka spravedlivoj stoimosti», utverzhden Prikazom Minfina Rossijskoj Federacii ot 18.01.2012 №106n // SPS «Garant».

4. Prikaz Minfina Rossijskoj Federacii «Ob utverzhdenii Polozheniya po buxgalterskomu uchetu «Uchet osnovnyx sredstv»

PBU 6/01» ot 30.03.2001 №26n // SPS «Garant».

5. Prikaz Minfina RF «O vvedenii v dejstvie Mezhdunarodnyx standartov finansovoj otchetnosti i Raz»yasnenij Mezhdunarodnyx standartov finansovoj otchetnosti na territorii Rossijskoj Federacii» ot 25 noyabrya 2011 g. N160n // SPS «Garant».

6. Federal'nyj zakon «O buxgalterskom uchete» ot 06.12.2011 N402-FZ // SPS «Garant».

APPLICATION OF INTERNATIONAL FINANCIAL REPORTING STANDARDS IN THE CONTEXT OF SOFT POWER

Borovkova Juliya Viktorovna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
department of economics, finance and accounting,
Senior teacher,
Candidate of Economic Sciences,
Chelyabinsk, Russia,
E-mail: julia.bor@mail.ru

Annotation

The article discusses the applying of Russian in international financial reporting standards for the implementation of foreign economic policy as a possible means of using the concept of «soft power».

Key words:

«Soft power», international financial reporting standards, Russian accounting standards, Federal Law on Accounting.

ECONOMIC SOFT POWER КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Зайцева Галина Владимировна,

Челябинский институт экономики и права им. М.В. Ладощина,
кафедра бухгалтерского учета и финансов,
старший преподаватель,
Челябинск, Россия,
E-mail: galinazay.g@yandex.ru

Аннотация

В статье на примере Челябинской области раскрывается взаимодействие органов государственной власти и предприятий малого бизнеса.

Ключевые слова:

soft power, экономика, малое предпринимательство.

Любое государство формирует бюджет за счет организованной предпринимательской деятельности. Государственная экономическая система диктует формы организации предпринимательской деятельности. Если современная рыночная экономика нацелена на полноценное развитие предпринимательства разных форм собственности, то административно-командная система, существовавшая в СССР, признавала только две формы собственности: государственную и колхозную, на основе которых и были сформированы государственные и кооперативные предприятия, на которых формировались государственный и кооперативный бизнес. В основе организации государственного и кооперативного бизнеса, были, в основном, крупные предприятия. Однако без организации небольших предприятий невозможно было обойтись в торговле, в бытовом обслуживании, поэтому можно сказать, что и в СССР существовали малые формы государственного и кооперативного предпринимательства, хотя понятие бизнеса, предпринимательской деятельности в обычном значении было под запретом.

Малый бизнес – это форма предпринимательской деятельности в экономике государства, которая активно помогает развитию экономики каждого государства в целом. Развитые страны давно поддерживают малые предприятия с тем,

чтобы успешно решать вопросы развития современной экономики. Малый бизнес отличается от бизнеса среднего или крупного только немногими факторами, касающимися экономики, учета, управления. Может быть, отличается построением, рисками, привлечением инвестиций, необходимостью внимания со стороны государства. Но построение бизнеса, его планирование, развитие всегда сходно в одном – бизнес отражает личность его владельца, его компетенции, стремление развития и вложения своих знаний и умений в практику собственного бизнеса.

Исследователь предпринимательства Й. Шумпетер отмечал еще одно немаловажное направление бизнеса, в том числе именно малого. Он считал главным в деятельности предпринимателей – инновационное, развивающее направление предпринимательской деятельности, направленной на получение прибыли. Он писал: «Без развития нет предпринимательской прибыли, без последней нет развития» [7, с. 304]. Й. Шумпетер создал теорию предпринимательской деятельности, где дал экономическое обоснование инновационной функции предпринимательства и сделал попытку разработки психологического портрета предпринимателя такими понятиями как: инициатива, авторитет, дар предвидения. Именно он заложил основы функционального подхода в изучении предпри-

нимательства [8, с. 78]. В 80-ые годы прошлого столетия П. Друкер подхватывает тему инновационной функции предпринимательства, отдавая предпочтение именно его малым формам, объясняя это тем, что необходимость развития позволит малым предприятиям и предпринимателям быть в центре процесса инноваций. П. Друкер говорит, что и предпринимательство, и новаторство должны восприниматься просто как работа в рамках экономики страны. «Должна существовать экономика, где будет множество новаторов и предпринимателей, доступ к капиталу, где будут царить предпринимательское видение и предпринимательские ценности, предпринимательский дух» [5, с. 43].

Властные структуры России нацелены на развитие малого бизнеса и осуществляют его поддержку. Малый бизнес во взаимодействии с властью использует материальную поддержку не только для инновационных форм малого предпринимательства, но и для бизнеса, который организуется оставшимися без работы талантливыми людьми в целях самозанятости, что непременно приведет к положительному результату» [6, с. 93]. Малый бизнес имеет массу преимуществ, он может быть использован как некий стартовый мостик к будущему. Малый бизнес не требует больших вложений на первоначальном этапе: начать можно с регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, который умеет делать что-то руками – это может быть и пошив, и вязание каких-либо вещей на продажу, ремонт машин, помещений. Все это в качестве приработка поможет молодым людям даже в том случае, если они собираются работать по специальности – на первом этапе работодатели не воспринимают их как специалистов, ждут наработки опыта. Приобретение опыта профессионального можно совместить с предпринимательской деятельностью. Да и сама предпринимательская деятельность может стать опытной площадкой – к примеру, для бухгалтера – это выполнение каких-либо бухгалтерских расчетов, работа в качестве бухгалтера, предоставляющего услуги таким же предпринимателям на основе договора подряда, позволят наработать клиентуру, получить рекомендации, а меняющийся статус предпринимателей-заказчиков со време-

нем даст возможность работы по специальности, карьерного роста. Очень популярным становится аутсорсинг как система, не требующая больших материальных затрат, но позволяющая применять знания (в частности, профессиональные компетенции бухгалтера) [7, с. 342].

Как необходимое звено экономики малый бизнес достоин подробного исследования, которое необходимо начать с определения основных понятий. Предпринимательство (entrepreneurship) – это процесс, с помощью которого граждане в нем участвующие по своей инициативе и в соответствии с внутренними целями используют благоприятные возможности для извлечения прибыли с помощью контролируемых ими же ресурсов. Предприниматель (entrepreneur) определяется как лицо, которое руководит предприятием или бизнесом с желанием получения прибыли, но и существующей возможностью убытка. Возможности определяются здесь как «будущая ситуация, которая считается желаемой и осуществимой». Само слово «предприимчивый» – характеризует человека как изобретательного, обладающего творческим воображением, энергичного, постоянно продвигающего свой бизнес, свою собственность с целью ее сохранения и приумножения.

В Советском Союзе существовали две формы предпринимательской деятельности: государственная и кооперативная. В том и другом направлении предпринимательства, безусловно, существовали малые формы хозяйствования, однако, правовой основы небольшие предприятия не имели, возможно, именно это и привело к разрушению административной экономики. Тем не менее, власть начала осознавать необходимость внедрения новых форм частной предпринимательской деятельности в конце 80-ых годов, когда началось наступление периода всеобщего дефицита, появился Закон СССР от 26 мая 1988 г. N 8998-XI «О кооперации в СССР», вступивший в действие с 1 июля 1988 [1]. Посредством внедрения данного закона властью разрешалось свободное предпринимательство с применением уже имеющей кооперативной формы предпринимательской деятельности. Однако это был всего лишь один закон, которым не обеспечивалась система защиты предпринимателя, не предусма-

тривалась система налогов и сборов и формирование государственного бюджета с учетом новых поступлений. Однако данный закон дал возможность самым смелым и решительным, самым предприимчивым гражданам организовать небольшой бизнес в сложных условиях. Несмотря на пережитые сложности начального периода, от разрешения заниматься предпринимательством в рамках кооперации в 1988 году до момента осознания властью необходимости поддержки малого бизнеса предприниматели выдержали, выстояли, сохранили желание заниматься бизнесом.

Правовое обеспечение деятельности бизнеса определено законом РСФСР от 25.12.1990 № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности» [2], которым определялось уже юридическое понятие предпринимательской деятельности (предпринимательства), которое «...представляет собой инициативную самостоятельную деятельность граждан и их объединений, направленную на получение прибыли. Предпринимательская деятельность осуществляется гражданами на свой риск и под имущественную ответственность» [2].

Малое предпринимательство, как таковое, в новейшей истории России начинает свой отсчет от принятого 14 июля 1995 года закона № 88-ФЗ «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» [3], который можно назвать первым законодательным актом, который дал определение малого бизнеса. На основании данного закона малым предприятием признавалась самостоятельная организация, в которой одним из критериев была численность работников малого бизнеса, не превышающая в зависимости от осуществляемого вида деятельности:

- в промышленности, строительстве и на транспорте – 100 человек;
- в оптовой торговле – 50;
- в розничной торговле и бытовом обслуживании – 30;
- в других отраслях и при осуществлении других видов деятельности – 50.

Кроме того, для отнесения предприятия к малым, учитывалась структура уставного капитала, которой и определялась самостоятельность предприятия. К субъектам малого бизнеса были

отнесены и представители индивидуального бизнеса. В этот же период в 1994–1996 годах появляются и Указы Президента РФ, и Постановления Правительства, направленные на поддержку малого предпринимательства.

Современное понятие малого бизнеса регулируется Федеральным законом от 24.07.2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [4]. Критерии, по которым организации могут рассматриваться в качестве субъектов малого предпринимательства, подразделяются:

- по степени самостоятельности и независимости предприятия, определяемой структурой уставного капитала;
- по средней численности работников за отчетный период;
- по выручке от реализации товаров.

К субъектам малого предпринимательства относятся внесенные в ЕГРЮЛ потребительские кооперативы и коммерческие организации (за исключением государственных и муниципальных унитарных предприятий), а также физические лица, внесенные в ЕГРИП и осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица (индивидуальные предприятия), крестьянские (фермерские) хозяйства, соответствующие условиям.

Одним из условий отнесения предприятия к малому является наличие в его уставном капитале доли участия РФ, субъектов РФ, различных фондов, общественных организаций, организаций, не являющихся субъектами малого предпринимательства, которая не может превышать 25%, чем и определяется самостоятельность малого предприятия.

Численность, которая на основании закона не превышает предельные значения, по новому законодательству делит малые организации на три группы:

- среднее предприятие – от 100 до 250 человек включительно;
- малое предприятие – до 100 человек включительно;
- микропредприятие – до 15 человек.

Третьим критерием, определяющим принадлежность предприятий к малому бизнесу, является выручка от реализации; т. е. балансовая стоимость активов составляет стоимость, не пре-

вышающую за предшествующий календарный год следующих значений:

- для микропредприятий – 60 млн. рублей;
- для малых предприятий – 400 млн. рублей;
- для средних предприятий – 1 000 млн. рублей.

Развитие малого бизнеса выгодно, прежде всего, региональной и местной власти. Привлечение в малый бизнес работоспособных граждан решает вопросы их трудоустройства, самообеспечения. Однако для этого потенциальный предприниматель должен знать, как войти в бизнес, как его организовать и как вести. Гражданину, который хотел бы создать свое дело, необходимо осознать ценность наличия комплекса знаний, необходимых при организации деятельности будущего предприятия, а также четко представлять себе области применения видов профессиональной деятельности, которые будут востребованы на планируемом предприятии [12, с. 75]. И здесь решение задач власти должно начинаться с разработки обучающих программ и организации обучения для будущих предпринимателей, в том числе потенциальных, через вузы, либо через специальные профессиональные курсы, финансируемые властями. На этапе обучения в образовательной деятельности вуза необходимо обеспечить подачу знаний в виде интегрированных форм, объединяющих профессию и бизнес; получение профессиональных компетенций с объединением их в процессе деятельности в бизнесе [12, с. 75].

В Челябинской области существуют программы поддержки малого предпринимательства, которые возможно получить через бизнес-инкубатор. С февраля 2014 года ГБУ Челябинской области «Инновационный бизнес-инкубатор» начал позиционировать себя как Центр поддержки и развития предпринимательства (ЦПРП). Центр бесплатно осуществляет консультационные услуги по вопросам ведения бизнеса, регистрации компаний, государственным программам поддержки предпринимательства, консультации по вопросам бизнес-планирования, а также возможности бесплатного участия в образовательных услугах и различных бизнес-мероприятиях.

Для обучения предпринимателей Центр проводит семинары, мастер-классы, тренинги

по вопросам ведения бизнеса, коучинговое консультирование. Кроме того, на базе центра действует программа предоставления субсидий по обучению, которые предоставляются одновременно из расчета пятидесяти процентов произведенных СМП затрат по обучению специалистов, но не более 50 тысяч рублей. Организовано привлечение предпринимателей в бизнес-сообщество через бизнес-инкубаторы, в которых на основе отбора и поддержки перспективных инновационных проектов формируется максимально благоприятная среда для ускорения коммерциализации идеи, осуществляется предоставление на льготных условиях в аренду площадей, обеспечение оргтехникой, оказание информационной и технологической помощи для развития инновационного, молодежного и женского предпринимательства [9].

Кроме поддержки в части обучения Минэкономразвития Челябинской области постоянно разрабатываются новые программы поддержки инновационного, молодежного, женского, социального малого предпринимательства, которые реализуются на базе консультаций Центра в части инвестирования проектов, включающих:

- Субсидии субъектам малого и среднего предпринимательства;
- Гранты субъектам инновационной деятельности;
- Программы фонда Бортника;
- Венчурный фонд Челябинской области;
- Кредитные программы крупнейших банков Челябинска;
- Услуги фонда содействия кредитованию;
- Частное инвестирование [11].

В 2013 году завершена реализация шестой ОЦП развития малого и среднего предпринимательства. Всего за двухлетний период на ее приоритетные мероприятия направлено 586,5 млн. рублей, в том числе из областного бюджета – 154,2 млн. рублей и 432,3 млн. рублей привлечено из федерального бюджета.

Значительные федеральные средства (84%) в 2012–2013 годах были привлечены на развитие Фонда содействия кредитованию малого предпринимательства Челябинской области (далее именуется – Гарантийный Фонд) и софинансирование местных бюджетов на содействие раз-

витию малого и среднего предпринимательства. В 2013 году из 39 местных бюджетов на реализацию муниципальных программ направлено 36,7 млн. рублей, что позволило привлечь территориям 75 млн. рублей из средств областного и федерального бюджетов. Финансовая поддержка на местах оказана 542 СМСП.

20-ти начинающим малым предприятиям предоставлены гранты на начало предпринимательской деятельности и реализацию инновационных проектов на сумму 10,0 млн. рублей, в том числе:

15 предприятиям при ВУЗах на общую сумму 7,5 млн. рублей;

5 предприятиям – резидентам инновационных бизнес-инкубаторов на общую сумму 2,5 млн. рублей [9]. По данным УФНС России по Челябинской области по состоянию на 31.12.2013 г. в Челябинской области количество налогоплательщиков, состоящих на учете, составляло: 85 798 – индивидуальных предпринимателей, 10 6957 – юридических лиц. Стоит сказать, что после изменения порядка исчисления страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с 1 января 2013 года наблюдался процесс прекращения деятельности индивидуальными предпринимателями. Всего за 2013 год, по отношению к 2012 году, сокращение количества зарегистрированных ИП в Челябинской области составило 154% (прекратили деятельность в 2012 году – 18 253 ИП, в 2013 году – 28 044 ИП).

Основное внимание необходимо уделить следующим вопросам:

- необходимости и обоснованности принимаемых нормативных актов в сфере регулирования предпринимательской деятельности;

- обеспечению контроля их исполнения, особенно в части своевременного принятия и надлежащей реализации региональных программ развития малого и среднего предпринимательства;

- обеспечению равного доступа субъектов предпринимательской деятельности к получению поддержки в установленном законом порядке [10].

Можно констатировать, что Российские власти по отношению к малому бизнесу про-

являют мягкость, но получает ли государство отдачу от поддержки, на которую, безусловно, должно рассчитывать?

1. О кооперации в СССР: [Закон СССР от 26 мая 1988 г. N8998-XI, не действует]: [Электронный ресурс]: СПС ГАРАНТ: Режим прямого доступа: <http://base.garant.ru/10103075/#ixzz37L9Ntpr> – Загл. с экрана.

2. О предприятиях и предпринимательской деятельности определено: [Закон РСФСР от 25.12.1990 N445-1, не действует] // [Электронный ресурс]: СПС Консультант Плюс, 2014.

3. О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации: [Федер. Закон 14 июля 1995 года, №88-ФЗ, не действует] // [Электронный ресурс]: СПС Консультант Плюс, 2014.

4. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: [Федер. Закон от 24.07.2007 года №209-ФЗ по состоянию на 20 июля 2014 г.] // [Электронный ресурс]: СПС Консультант Плюс, 2014.

5. Друкер П.Ф. Бизнес и инновации: Пер. с англ. – М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2007. – 432 с. – Парал. тит. англ.

6. Зайцева, Г.В. Современные формы проблемного обучения в целях формирования специалиста, востребованного обществом: Инновационная деятельность в системе образования: монография / науч. ред. д-р пед. наук, проф. Г.Ф. Гребенщиков. М., 2010. – 359 с.

7. Зайцева, Г.В. Современный студент – потенциальный представитель малого бизнеса. Исследование проблем и процессов социально-экономического развития регионов в современных условиях [Текст]: материалы регион. Науч. – практ. конф (13 марта 2009 г.), Чел. Ин-т. (Фил.) ГОУ ВПО РГТУ, отв. редактор С.М. Ткачев, С.П. Решикова – Челябинск: [Б.и.]: 2009 г., с. 340–343.

8. Шумпетер, Й. Теория экономического развития. – М.: Директ медиа Паблицинг, 2008 г., 401 с. Воспроизведено по изданию Шумпетер Й. Теория экономического развития – М.: Прогресс, 1982 г.

9. Минэконом развития Челябинской области [Электронный ресурс]: сайт организации: Режим прямого доступа: <http://www.econom-chelreg.ru/review?news=2566> – Загл. с экрана.

10. Ежегодный отчет о деятельности уполномоченного по правам предпринимателей А.Н. Гончарова [Электронный ресурс]: сайт омбудсмена по правам предпринимателей по Челябинской обл.: Режим прямого доступа: <http://ombudsman174.eps74.ru/htmlpages/Show/activity/EzhegodnyjdokladGoncharovaAN>.

11. Центр поддержки и развития предпринимательства Челябинской области [Электронный ресурс]: сайт организации: Режим прямого доступа: <http://www.innovation-chel.ru> – Загл. с экрана.

12. Зайцева, Г.В. Предприниматель как продукт взаимодействия власти, бизнеса и общества: Евр22 Евразийские исследования в гуманитарных науках: успехи, проблемы, перспективы: Материалы научно-практической конференции 28–29 ноября 2013 г. В рамках Евразийского научного форума / Под ред. М.Ю. Спириной, А.А. Торопыгиной. Часть I. – СПб.: МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2013–209 с.: [Электронный ресурс]: АНОО ВПО МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2013: Режим прямого доступа: http://miep.edu.ru/uploaded/sbornik_ipfs_13_chastq_1_na_sajt.pdf – Загл. с экрана.

1. O kooperacii v SSSR: [Zakon SSSR ot 26 maya 1988 g. N8998-XI, ne dejstvuet]: [E'lektronnyj resurs]: SPS GARANT: Rezhim pryamogo dostupa: <http://base.garant.ru/10103075/#ixzz37L9Ntptr> – Zagl. s e'krana.

2. O predpriyatiyax i predprinimatel'skoj deyatel'nosti opredeleno: [Zakon RSFSR ot 25.12.1990 N445-1, ne dejstvuet] // [E'lektronnyj resurs]: SPS Konsul'tant Plyus, 2014.

3. O gosudarstvennoj podderzhke malogo predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii: [Feder. Zakon 14 iyulya 1995 goda, №88-FZ, ne dejstvuet] // [E'lektronnyj resurs]: SPS Konsul'tant Plyus, 2014.

4. O razvitii malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii: [Feder. Zakon ot 24.07.2007 goda №209-FZ po sostoyaniyu na 20 iyulya 2014 g.] // [E'lektronnyj resurs]: SPS Konsul'tant Plyus, 2014.

5. Druker P.F. Biznes i innovacii: Per. s angl. – M.: OOO «I.D. Vil'yams», 2007. – 432 s. – Paral. tit. angl.

6. Zajceva, G.V. Sovremennye formy problemnogo obucheniya v celyax formirovaniya specialista, vostrebovannogo obshchestvom: Innovacionnaya deyatel'nost' v sisteme obrazovaniya: monografiya / nauch. red. d-r ped. nauk, prof. G.F. Grebenshnikov. M., 2010. – 359 s.

7. Zajceva, G.V. Sovremennij student – potencial'nyj predstavitel' malogo biznesa. Issledovanie problem i processov social'no-e'konomicheskogo razvitiya regionov v sovremennyx usloviyax [Tekst]: materialy region. Nauch. – prakt. konf (13 marta 2009 g.), Chel. In-t. (Fil.) GOU VPO RGTU, otv. redaktor

S.M. Tkachev, S.P. Reshnikova – Chelyabinsk: [B.i.]: 2009 g., s. 340–343.

8. Shumpeter, J. Teoriya e'konomicheskogo razvitiya. – M.: Direkt media Publishing, 2008 g., 401 s. Vosproizvedeno po izdaniyu Shumpeter J. Teoriya e'konomicheskogo razvitiya – M.: Progress, 1982 g.

9. Mine'konom razvitiya Chelyabinskoy oblasti [E'lektronnyj resurs]: sajt organizacii: Rezhim pryamogo dostupa: <http://www.econom-chelreg.ru/review?news=2566> – Zagl. s e'krana.

10. Ezhegodnyj otchet o deyatel'nosti upolnomochennogo po pravam predprinimatelej A.N. Goncharova [E'lektronnyj resurs]: sajt ombudsmena po pravam predprinimatelej po Chelyabinskoy obl.: Rezhim pryamogo dostupa: <http://ombudsman174.eps74.ru/htmlpages/Show/activity/EzhegodnyjdokladGoncharovaAN>.

11. Centr podderzhki i razvitiya predprinimatel'stva Chelyabinskoy oblasti [E'lektronnyj resurs]: sajt organizacii: Rezhim pryamogo dostupa: <http://www.innovation-chel.ru> – Zagl. s e'krana.

12. Zajceva, G.V. Predprinimatel' kak produkt vzaimodejstviya vlasti, biznesa i obshchestva: Evr22 Evrazijskie issledovaniya v gumanitarnyx naukax: uspehi, problemy, perspektivy: Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii 28–29 noyabrya 2013 g. V ramkax Evrazijskogo nauchnogo foruma / Pod red. M. Yu. Spirinoj, A.A. Toropyginov. Chast' I. – SPb.: MIE'P pri MPA EvrA-zE'S, 2013–209 s.: [E'lektronnyj resurs]: ANOO VPO MIE'P pri MPA EvrAzE'S, 2013: Rezhim pryamogo dostupa: http://miep.edu.ru/uploaded/sbornik_ipfs_13_chastq_1_na_sajt.pdf – Zagl. s e'krana.

ECONOMIC SOFT POWER AS A RESOURCE OF DEVELOPMENT OF SMALL BUSINESS

Zajtseva Galina Vladimirovna,

Chelyabinsk institute of economy and law after M.V. Ladoshin,
Chair of book keeping and the finance,
The senior teacher,
Chelyabinsk, Russia,
E-mail: galinazay.g@yandex.ru

Annotation

In the article on an example of the Chelyabinsk area interaction of public authorities and the small-scale business enterprises reveals.

Key words:

soft power, economy, small business.

МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА КАК РЕСУРС ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Гришук Владимир Андреевич,

Челябинский государственный университет,
 кафедра государственного и муниципального управления,
 кандидат педагогических наук, доцент,
 г. Челябинск, Россия,
 E-mail: vova_303@mail.ru

Аннотация

На основе анализа сущности определений муниципальной службы, принципов её функционирования, автор обосновывает выбор категории «муниципальная служба» для применения в исследовании взаимодействия муниципальной службы и предпринимательства, её влияния на экономическое развитие муниципального образования.

Ключевые слова:

муниципальная служба, предпринимательство, муниципальная служба как социальный институт, взаимодействие муниципалитета и малого бизнеса.

Разработка эффективных механизмов влияния муниципальной службы на экономическое развитие муниципального образования, в том числе на развитие малого бизнеса, невозможна без теоретического осмысления сущности построения, организации и функционирования самой муниципальной службы. В последние годы муниципальная служба стала объектом исследования ученых различных отраслей научного знания.

В статье 12 Конституции Российской Федерации указывается что «В Российской Федерации местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно <...> и не входит в систему органов государственной власти». Не включение органов местного самоуправления в систему органов государственной власти поставило на повестку дня вопрос о необходимости формирования отличного от государственной службы корпуса профессиональных управленцев, реализующих полномочия в органах местного самоуправления от имени и по поручению муниципального образования.

Проблемы государственной службы в Российской Федерации занимали умы ученых с середины 90-х годов прошлого столетия, и ими был предложен широкий спектр определений государственной службы в зависимости от критериев оценки и используемых методологических подходов. Так, Н.М. Коркунов определил государственную службу как правовое отношение служащего с государством; А.Ф. Ноздрачев – как деятельность служащих, Ю.М. Буравлев – как совокупность государственных органов [4, с. 17]. Е.В. Охотский определил, что государственная служба – это «деятельность по выполнению, в пределах полномочий, прерогатив государственной власти и управления; совокупность правовых, социальных и организационных норм, правил, стандартов и традиций по реализации Конституции и законов российского государства, его политических, экономических, социальных задач; публично-правовое отношение между государством и государственными служащими по поводу условий, методов, и результатов служения государству»

и обществу» [2, с. 35]. Г.В. Атаманчук охарактеризовал государственную службу как «практическое и профессиональное участие граждан в осуществлении целей и функций государства посредством исполнения обязанностей и полномочий по государственной должности, определенной в конкретном государственном органе» [1, с. 364]. Внимание вопросам муниципальной службы уделено значительно меньшее. Часто в статьях ученых муниципальная служба заслуживает внимания только как упоминание через запятую при описании государственной службы.

В Концепции реформирования системы государственной службы Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации в 2001 г., государственную службу предложено квалифицировать как комплексный, публичный, социальный, правовой, организационный институт по обеспечению выполнения государственными служащими функций государства, а также деятельности органов государственной власти, их аппаратов, иных государственных органов, образованных в соответствии с Конституцией Российской Федерации, отдельных государственных органов или полномочий лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, учреждаемые Конституцией Российской Федерации и федеральными конституционными законами, и конституционные (уставные) должности субъектов Российской Федерации, учреждаемые конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации. Подобного подробного толкования понятия муниципальной службы нет.

Законодательство Российской Федерации о муниципальной службе, сформированное в контексте Концепции реформирования государственной службы, определяет муниципальную службу как профессиональную деятельность граждан Российской Федерации. Задачами муниципальной службы являются:

- обеспечение наряду с государственной службой прав и свобод человека и гражданина на территории муниципального образования;
- обеспечение самостоятельности решения населением вопросов местного значения;

– исполнение положений Конституции Российской Федерации, федерального законодательства, конституции (устава) и законодательства субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов муниципального образования органами и должностными лицами местного самоуправления на территории муниципального образования;

– подготовка, принятие, исполнение и контроль решений в пределах полномочий органов местного самоуправления;

– защита прав и законных интересов муниципального образования и его населения [3, с. 114].

Среди вопросов местного значения важное место занимает содействие в развитии сельскохозяйственного производства, создание условий для развития малого и среднего предпринимательства. С этой целью во многих регионах и крупных муниципальных образованиях созданы союзы промышленников и предпринимателей, воссозданы советы «директоров».

Муниципальная служба является сложным социально-правовым институтом. В социальном аспекте задача муниципальной службы – профессиональное осуществление общественно полезной деятельности по поручению государства. Следовательно, федеральная программа «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013)» непосредственно касается муниципальной службы. Тем более что органам местного самоуправления рекомендовано самостоятельно и в пределах своих бюджетных средств принять участие в реализации мероприятий, предусмотренных программой, а также разработать и утвердить программы развития муниципальной службы.

В программе поставлена задача разработать и внедрить антикоррупционные стандарты в виде установления для государственной и муниципальной службы единой системы запретов, ограничений, обязанностей, направленных на предупреждение коррупции.

Будучи по своему содержанию социальной системой, муниципальная служба

строится и функционирует на основе законодательно установленных принципов. Принципы функционирования муниципальной службы и деятельности муниципальных служащих в значительной степени совпадают требованиями к государственным служащим, закрепленными в Концепции реформирования системы государственной службы. К таковым относятся:

- соблюдение законности при верховенстве Конституции Российской Федерации;
- служение интересам гражданского общества и государства, обеспечение приоритета прав и свобод человека и гражданина;
- независимость муниципальных служащих от политических партий, общественных объединений, религиозных организаций, корпоративных интересов социальных групп и коммерческих структур, а также от интересов отдельных граждан;
- ответственность органов местного самоуправления, должностных лиц местного самоуправления и муниципальных служащих перед населением муниципального образования, государством, физическими и юридическими лицами в соответствии с федеральными законами;
- доступность информации о деятельности муниципальных служащих для населения муниципального образования;
- обеспечение взаимосвязи государственной и муниципальной службы и предъявляемых к ним требований;
- равный доступ граждан Российской Федерации к муниципальной службе;
- профессионализм и компетентность муниципального служащего;
- стабильность муниципальной службы на основе правовых, организационных, финансово-экономических и социальных факторов;
- социальная и правовая защищенность муниципальных служащих;
- сбалансированность установленных для муниципальных служащих законодательных ограничений и запретов, а также предоставляемых ему социальных гарантий;

– этичность поведения муниципального служащего, поддержание им авторитета муниципальной службы.

По своей сути, принципы муниципальной службы задают теоретическую модель муниципальной службы как социального явления и сложного социального феномена, имеющего различные грани. Они предметно изучаются как объекты науки, отличающиеся между собой предметными областями. В связи с этим муниципальную службу можно рассматривать как социальный институт с присущими ему составляющими – социальной общностью муниципальных служащих, нормами, традициями, процессами и отношениями, которые возникают и протекают в результате взаимодействия гражданина, общества и государства. При этом социальный институт рассматривается как относительно локализованное социальное образование, функционирующее на основе относительно устойчивых формальных и неформальных норм и правил, регулирующих соответствующий круг общественных отношений. Важно заметить, что каждый социальный институт характеризуется наличием целесообразной деятельности, конкретными функциями, обеспечивающими достижение этой целесообразности, набором социальных статусов и ролей, типичных для данного института.

Муниципальная служба как социальный институт предметно исследована В. В. Бакушевым, И. Н. Барцыцем, А. М. Володиным, Ю. С. Кабашовым, А. А. Немчиновым, А. С. Соломаткиным. Учеными установлено, что взаимодействие муниципального образования и общества происходит на институциональном уровне, а муниципальная служба в этом процессе выступает институтом обеспечения участия муниципалитета в удовлетворении потребностей населения в муниципальном управлении. В этом заключается ее основная социальная функция. В данном случае социальный механизм проявляется как взаимодействие муниципальной службы с другими социальными институтами (образованием, культурой, пред-

принимательством, государственной службой), посредством которого обеспечивается функционирование системы муниципальной службы.

К тому же муниципальная служба, являясь правовым институтом, имеет определенные нормативные правовые основы, кадровые процессы и отношения, социальный статус, санкции и другие атрибуты. Таким образом, муниципальная служба – это важнейший механизм муниципального управления, призванный обеспечивать реализацию органами местного самоуправления своих обязательств перед местным сообществом. С учетом этого социальный механизм муниципального управления призван реализовать конкретные цели, вытекающие из нее задачи и функции. В процессе действия такого механизма должны воспроизводиться социальные отношения и взаимодействия между муниципальными служащими, населением и муниципальными служащими, муниципалитетом и муниципальным служащим. В целом же муниципальная служба как механизм муниципального управления представляет собой социальный механизм муниципального управления.

В Федеральном Законе «Об общих принципах организации местного самоуправления» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ указывается, что правовое регулирование муниципальной службы, включая требования к должностям муниципальной службы, определение статуса муниципального служащего, условия и порядок прохождения муниципальной службы, осуществляется федеральным законом, а также принимаемыми в соответствии с ним законами субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований и иными муниципальными правовыми актами.

На законодательном уровне муниципальная служба определена как профессиональная служебная деятельность граждан, задачей которой является обеспечение исполнения полномочий органа местного самоуправления, избирательной комиссии муниципального образования или лица, замещающего муниципальную должность.

Предметному раскрытию профессионально-деятельностной стороны государственной службы посвящены труды В. В. Волкова, В. Г. Игнатова, Н. В. Постовой, Е. В. Охотского, А. А. Сапфинова, В. В. Яновского, и др. Как показано в трудах ученых, состояние социальной среды муниципальной службы в значительной мере определяет профессиональный уровень кадрового обеспечения функционирования органов местного самоуправления. Ведь муниципальные служащие представляют собой социальную группу профессиональных управленцев, от которых зависит эффективная реализация полномочий муниципального образования. Следует заметить, что они имеют определенную социальную организацию, профессиональную и должностную иерархию, систему установленных в организации ролей и статусов и т. п. При этом муниципальные служащие могут быть интегрированы в различные институты гражданского общества, являясь его активными социальными субъектами.

Муниципальные служащие как особая социальная группа, взаимодействуя с другими социальными группами общества, в том числе и с предпринимателями, формируют социальный механизм влияния этих отношений как на муниципальную службу, так и на предпринимательство.

---

1. Атаманчук, Г. В. Теория государственного управления. Изд. 2-е, допол. – М.: Омега-Л, 2004 г. 584 с.

2. Государственная служба: теория и организация / Под ред. Е. В. Охотского. – Ростов н/Д. 1998.

3. Гришук, В. А. Государственная и муниципальная служба / В. А. Гришук. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2012. 199 с.

4. Демин А. А. Государственная служба в России: учебник для магистров / А. А. Демин. – 7-е изд. Перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2012. – 391 с.

---

1. Atamanchuk, G. V. Teoriya gosudarstvennogo upravleniya. Izd. 2-e, dopol. – M.: Omega-L, 2004 g. 584 s.

2. Gosudarstvennaya sluzhba: teoriya i organizaciya / Pod red. E. V. Oxotskogo. – Rostov n/D. 1998.

3. Grishhuk, V. A. Gosudarstvennaya i municipal'naya sluzhba / V. A. Grishhuk. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyab. gos. un-ta, 2012. 199 s.

4. Demin A. A. Gosudarstvennaya sluzhba v Rossii: uchebnik dlya magistrrov / A. A. Demin. – 7-e izd. Pererab. i dop. – M.: Izdatel'stvo Yurajt; ID Yurajt, 2012. – 391 s.

COMMUNITY SERVICE AS A RESOURCE FOR ECONOMIC DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIA

Grischuk Vladimir Andreevich,

Chelyabinsk State University,
Department of Public Administration,
Ph.D., associate professor,
Chelyabinsk, Russia,
E-mail: vova_303@mail.ru

Annotation

On the basis of analysis of the essence of the municipal service definitions, principles of its functioning, the author proves the category choice «community service» for use in studying the interaction of municipal service and entrepreneurship and its influence on the economic development of the municipality.

Key words:

community service, entrepreneurship, community service as a social institution, the interaction of the municipality and small businesses.

МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Нестеренко Ирина Юрьевна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, кафедра экономики, финансов и бухгалтерского учета, кандидат экономических наук, доцент, г. Челябинск, Россия, E-mail: nesterenko-chel@mail.ru

Аннотация

В статье Нестеренко И. Ю. «Механизм государственного регулирования предпринимательства на региональном уровне» рассмотрены уровни регулирующего воздействия на предпринимательский климат, место региональных органов власти в формировании политики стимулирования предпринимательской деятельности, структурные элементы этой политики. Проведен анализ инструментов региональной политики стимулирования предпринимательской деятельности по материалам государственных программ и официальной информации об их реализации в субъектах Уральского федерального округа.

Ключевые слова:

региональная политика, механизм регулирования предпринимательства, направления и инструменты государственной политики, Уральский федеральный округ.

Движущим элементом обеспечения экономического роста в рыночной экономике является предпринимательская деятельность. Предпринимательская деятельность в экономической теории часто рассматривается как один из факторов производства, обеспечивающих организацию соединения всех факторов производства в единый процесс. Различие между предпринимательством и трудовым ресурсом производства в экономическом анализе фирмы базируется на характере предпринимательских решений и далеко идущих последствиях их реализации. Предприниматели несут ответственность за экономические решения: что производить, в каком количестве, какой метод производства применить [7, с. 154].

Предпринимательская активность формируется, прежде всего, исходя из возможностей привлечения ресурсов и прогнозов относительно доходов от их использования для предпринимателя. Государство формирует институциональную среду осуществления

предпринимательской деятельности и тем оказывает регулирующее воздействие на активность субъектов хозяйствования.

Федеральное устройство России определяет возможности выделения регулирующего воздействия по уровням управления на федеральные, региональные и муниципальные. Наиболее широкий круг объектов регулирующего воздействия, естественно, формируется на федеральном уровне. Во-первых, это определяется тем, что некоторые объекты могут регулироваться только на федеральном уровне: параметры денежного и финансового рынков, уровень политической стабильности, доступность ресурсов естественных и государственных монополий. Во-вторых, для России характерна централизованная модель государственного управления и, следовательно, концентрация мер регулирующего воздействия, в том числе в области формирования предпринимательского климата, на федеральном уровне. Некоторые объекты регулирующего

воздействия органов власти на параметры предпринимательского климата пересекаются по уровням государственного управления: уровень и условия налогообложения, развития производственной и социальной инфраструктуры, условия предоставления объектов государственной и муниципальной собственности для ведения предпринимательской деятельности, меры и условия предоставления поддержки, в том числе финансовой, субъектам предпринимательской деятельности, их административное и информационное сопровождение. Но эти объекты могут иметь дифференцированные параметры по территориям страны и, в силу этого, в отношении них возможно проведение мер регулирующего воздействия со стороны региональных и муниципальных органов власти.

Политика регулирования предпринимательской деятельности – это система мер воздействия государства, направленная на расширение деятельности функционирующих предприятий и/или создание условий для выхода на рынок новых предприятий по приоритетным для государства видам деятельности. Политика регулирования предпринимательской деятельности встраивается в систему экономической политики государства. Экономическая политика включает ряд взаимосвязанных направлений деятельности государства: финансовое, денежно-кредитное, инвестиционное, структурное, внешнеэкономическое и другие. [1, с. 10–14]. Исходя из существующего выделения направлений экономической политики по функциональной направленности, на наш взгляд, инвестиционную, инновационную, антимонопольную, политику стимулирования экспорта, поддержки малого и среднего предпринимательства и отраслевые политики (развития промышленности, сельского хозяйства, туризма и другие) можно рассматривать как элементы политики регулирования предпринимательской деятельности. У каждой из перечисленных направлений экономической политики есть своя функциональная направленность. При наличии самостоятельных целей реализации перечисленных видов политик их достижение предполагает формирование благоприятных условий для расширения предпри-

нимательской деятельности в определенных сферах и отраслях. Из перечисленных видов экономических политик антимонопольная реализуется только на федеральном уровне. Все остальные могут реализовываться органами власти всех уровней.

Институциональными инструментами реализации политики органов власти в настоящее время являются госпрограммы, в которых определены целевые установки реализации программ, мероприятия по их достижению, прогнозируемые объемы финансирования. В частности, в Челябинской области реализуются в настоящее время следующие программы, которые направлены на формирование предпринимательского климата: Инвестиционная стратегия Челябинской области до 2010 года, Стратегия развития инновационной деятельности в Челябинской области до 2020 года, областные целевые программы развития малого и среднего предпринимательства на 2012–2014 года, развития инновационной деятельности в Челябинской области на 2013–2015 года, развития сельского хозяйства в Челябинской области на 2013–2017 года, капитального строительства в Челябинской области на 2012–2014 года, строительства и реконструкции автомобильных дорог общего пользования в Челябинской области на 2012–2015 года, вовлечения молодежи в предпринимательскую деятельность в Челябинской области на 2012–2014 года. Аналогичные программы разработаны и в других субъектах РФ.

Любая экономическая политика реализуется через инструменты воздействия. Выделение форм регулирования предпринимательской деятельности исследователи осуществляют по различным критериям [3; 4; 5]. Своя классификация мер и инструментов регулирования осуществляется региональными органами власти в нормативных и программных документах. В работе рассмотрены инструменты региональной политики стимулирования предпринимательской деятельности, обобщенные по материалам официальных сайтов и государственных программ субъектов РФ Уральского федерального округа (Челябинской, Свердловской и Тюменской областей).

Налоговые льготы являются одним из универсальных инструментов государственной поддержки предпринимательской деятельности. В настоящее время в соответствии с российским законодательством на региональном уровне могут приниматься льготы по налогу на имущество организаций, налогу на прибыль (в пределах отчисления в региональные бюджеты), транспортному налогу, по упрощенной системе налогообложения, а на местном уровне – по земельному налогу, налогу на имущество физических лиц, налогу на вмененный доход.

По принятым законам Челябинской, Свердловской и Тюменской областей ставка налога на прибыль, зачисляемого в областной бюджет, может быть снижена с 18% (по общедо- федеральному законодательству для зачисления в региональные бюджеты + 2% в федеральный бюджет) до 13,5, 14 или 16% в зависимости от субъекта РФ и условий получения налоговых преференций [10; 13; 16]. Льготы по налогу на прибыль предоставляются, как правило, предприятиям, реализующим приоритетные для субъекта РФ инвестиционные проекты с крупными капитальными вложениями, технопарки. Эти предприятия также могут рассчитывать на снижение налога на имущество организаций.

Максимальная ставка налога на имущество организаций составляет 2,2%, но регионы могут принимать решения о снижении этой ставки для определенных категорий налогоплательщиков. В частности, в Челябинской области ставка налога на имущество организаций может быть снижена на 50% (до 1,1%) [14]. В Свердловской области участники приоритетных инвестиционных проектов, резиденты особых экономических зон, организации по производству и переработке сельхозпродукции и другие (всего 18 категорий) освобождаются от уплаты данного налога, а в отношении организаций некоторых других сфер деятельности (в отношении имущества аэропортов и аэродромов, железнодорожных путей общего пользования и некоторых других) ставка налога на имущество устанавливается в пределах 0,7–2% [12]. В Тюменской области снижение ставки по налогу на имущество организаций предусмотрено для лизинговых компаний,

осуществляющих лизинг авиационной техники и объектов инфраструктуры аэропортов, определенным категориям предприятий нефтехимической промышленности, организациям по переработке древесины лиственных пород и другим [13].

По федеральному законодательству ставка налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения, для налогоплательщиков, выбравших объектом налогообложения доходы, уменьшенные на величину расходов, установлена в размере 15%. По региональному законодательству в Челябинской области она составляет 10%, в Свердловской области 5 и 7% (в зависимости от отраслевой принадлежности налогоплательщиков), в Тюменской области – 5% [11; 13; 15].

Как показывает практика реализации прав по применению налоговых льгот для субъектов предпринимательства, массовый характер имеют в основном льготы по упрощенной системе налогообложения, которыми пользуется малый и средний бизнес. В регионах предусмотрено относительно большое количество региональных налоговых льгот для участников инвестиционных проектов. Но воспользовались ими единицы и пока только по налогу на имущество организаций. В основном это связано с тем, что налоговые льготы предоставляются в основном вновь создаваемым предприятиям и по крупным инвестиционным проектам. Льготы по прибыли будут актуальны, если в результате реализации инвестиционных проектов предприятия выйдут на прибыль, и возникнет возможность снижения налога на прибыль.

В качестве инструмента финансовой помощи предпринимателям используются также государственные гарантии. Госгарантии предусматриваются, прежде всего, для субъектов инвестиционной деятельности, реализующих приоритетные инвестиционные проекты на территории субъекта РФ. Предоставление госгарантий должно стимулировать привлечение больших по размеру инвестиций в приоритетные сферы экономики или социально значимые объекты. Как правило, предоставление госгарантий осуществляется на бесплатной основе, но в некоторых регионах предусматривается платность

данной госуслуги. В ряде регионов введено ограничение на объем обязательств по госгарантиям относительно размера привлекаемых инвестиций. В Челябинской области объемы госгарантий для обеспечения инвестиционных проектов могут быть не более 70% полной стоимости проекта, а под инвестпроекты на создание производственных мощностей в животноводстве – не более 80%. В Свердловской области предельный размер господдержки в форме госгарантии одному субъекту инвестиционной деятельности ограничен 3 млн. рублей, при этом финансирование проекта за счет собственных средств инвестора должно быть не менее 15% общей стоимости проекта.

Региональные органы власти формируют Программы государственных гарантий. В них отражаются плановые максимально возможные объемы гарантий в течение финансового года. Изучение состава получателей региональных госгарантий и целей их предоставления за период 2010–2013 годов позволяет сделать вывод, что в основном госгарантии предоставляются на реализацию инвестиционных проектов, прежде всего в сфере жилищного строительства, объектов общественной инфраструктуры. Отношение госдолга по госгарантиям в доходах бюджета является косвенным показателем значимости данного инструмента в региональной политике. На 01.07.2014 года сумма госдолга по госгарантиям Челябинской области составляла 10,5 млрд. рублей или 10% к годовым доходам бюджета, в Свердловской области – 2,1 млрд. рублей или 1,2% и в Тюменской области – 0,4 млрд. рублей или 0,34% соответственно [17; 18; 19].

Предоставление госгарантий должно стимулировать привлечение больших по размеру инвестиций в приоритетные сферы экономики или социально значимые объекты. Соотношение объемов привлечения инвестиций и размеров предоставленных субрегиональных госгарантий Свердловской области в течение 2009–2012 годов позволяет сделать вывод, что в среднем уровень обеспеченности инвестиций госгарантиями составляет от 5,7% до 47,2%. Т.е. 1 рубль предоставленных гарантий стимулирует привлечение от 2 до 17 рублей инвестиций [5].

В отношении субъектов малого и среднего предпринимательства с целью формирования благоприятных условий кредитования госорганами организуется поручительство либо за счет бюджетных средств, либо с условием финансовой поддержки организаций инфраструктуры малого и среднего предпринимательства. В регионах функционируют Гарантийные фонды (Фонды содействия кредитованию малого предпринимательства), назначение которых – предоставление поручительств субъектам малого предпринимательства по договорам банковского кредитования, лизинга.

Одной из наиболее востребованных мер поддержки предпринимательства является финансовая помощь в форме субсидий на возмещение части затрат. В основном она распространяется на малые предприятия, в том числе инновационные. Условия предоставления субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства в Челябинской области в настоящее время в основном предполагают возмещение 50–70% затрат по определенным видам расходов. Предельный размер субсидии на одного субъекта предпринимательства в финансовом году составляет от 50 тыс. рублей (субсидии по оплате участия в программах подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров) до 1 млн. рублей (субсидии на возмещение затрат на уплату лизинговых платежей и субсидии экспортерам). Наибольшие объемы субсидий направляются на субсидии по лизингу, на возмещение затрат на уплату процентов по кредитам, субсидии субъектам женского и семейного предпринимательства [4].

Имущественная поддержка субъектов предпринимательства осуществляется в форме предоставления в аренду на долгосрочной основе по льготным ставкам государственного и муниципального имущества. Например, льготные условия пользования землей, находящейся в государственной собственности Челябинской области, предусматривают установление коэффициента уменьшения суммы годовой арендной платы (до 0,001) в отношении земельных участков, используемых для реализации инвестиционных проектов. Областными и муниципальными органами власти сформиро-

ваны перечни имущества, которые могут быть предоставлены в рамках поддержки малого и среднего предпринимательства. В частности, в областных центрах и некоторых крупных муниципалитетах действуют бизнес-инкубаторы, в которых предоставляются на льготных условиях оборудованные рабочие места для начинающих предпринимателей.

Действенной мерой привлечения инвесторов является формирование производственных площадок с подведенной инфраструктурой. На границе г. Челябинска планируется ввести в эксплуатацию парк индустриальных инноваций «Малая Сосновка», который представляет производственную площадку в 200 га с подведенными коммуникациями. Предоставление участков на ней предполагается на конкурсной основе между инвесторами. В Свердловской области идет создание индустриального парка «Богословский» площадью 110 га рядом с моногородом области Краснотурьинском.

Административное сопровождение инвестиционных проектов осуществляется по результатам заключения трехсторонних инвестиционных соглашений между правительствами областей, муниципальными образованиями и инвесторами об оказании содействия инвесторам, в частности, по оформлению необходимых документов в короткие сроки.

Областные органы власти могут участвовать в формировании спроса на продукцию предприятий своих областей за счет размещения госзаказов. В целях оказания содействия малым и средним предприятиям для формирования заказов на их продукцию в регионах функционируют Центры субконтрактации.

Информационная и консультационная поддержка субъектов предпринимательства осуществляется в формах размещения специальной информации на сайтах официальных органов, издания справочных и методических пособий, каталогов товаров, производимых предприятиями области, проведения рекламно-выставочных мероприятий, конкурсов предпринимателей.

История политики регулирования предпринимательства в РФ свидетельствует, что происходит расширение инструментов государственного воздействия, фактически ежегодная

корректировка условий и приоритетов реализации мер стимулирующего характера с целью активизации деятельности субъектов предпринимательства. Но относительно невысока доля предпринимателей, которые пользуются прямыми мерами стимулирования предпринимательской деятельности. Как уже отмечалось, льготами по налогу на прибыль, на имущество организаций пользуются единицы, в лучшем случае десятки предприятий области. Самыми массовыми получателями финансовой помощи являются малые предприятия. Но и то, по итогам 2013 года по данным Министерства экономического развития РФ мерами государственной поддержки охвачено 3% субъектов малого и среднего предпринимательства. К 2018 году ставится задача повысить этот показатель до 5,5% (ежегодный рост на 0,5%). Доля кредитного портфеля предпринимателей, обеспеченных поручительствами гарантийных фондов, по итогам 2013 года составила 2,5%, к 2018 году этот показатель предполагают повысить до 4,5% [20].

Инструменты поддержки предпринимательства по различным объектам регулирующего воздействия по большей части не обособлены и находятся на стыке разных функциональных политик. К инструментам поддержки, распространяющимся на субъекты инвестиционной, инновационной деятельности, предприятия малого и среднего бизнеса, относятся, например, размещение государственных заказов; субсидии на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, лизинговым платежам; государственные гарантии под кредитные, лизинговые договоры; предоставление в аренду земельных участков, имущества, находящегося в государственной собственности, на льготных условиях. Субсидии на реализацию инновационных проектов являются также элементом инвестиционной политики, если они предоставляются на внедрение инноваций в производство. Региональный центр субконтрактации для субъектов малого и среднего предпринимательства работает и в направлении стимулирования экспорта, если осуществляется поиск иностранных партнеров. В целом имеет место взаимовлияние направлений и инструментов поддержки пред-

принимательства по объектам регулирующего воздействия. При разработке мер региональной политики необходимо ориентироваться на такие механизмы, которые нацелены на положительный результат по нескольким направлениям экономической политики и могут обеспечить синергетический эффект.

Исследователи, изучающие формирование предпринимательского климата, неизменно отмечают важность не только экономической политики властей, но и политических компонентов – стабильности власти, правовых условий ведения бизнеса и правоприменительной практики (даже без изменения нормативных документов), гарантированности соблюдения прав собственности [2; 6].

Проблемы реализации экономической политики федеральных органов проецируются и на региональную политику, и в значительной степени определяют ее. Преимуществом региональных органов может быть возможность выходить на прямые контакты с действующими и потенциальными предпринимателями и не только крупными. На уровне территорий политика может быть более гибкой, приспособляемой к возможностям и запросам.

1. Ведута Е.Н. Стратегия и экономическая политика государства. – М.: Академический Проект, 2004. – 456 с.
2. Жаворонков С., Мау В., Хорошухин С., Лазаревич М., Войсичевский Д. Комплексный подход к созданию благоприятных условий для инвесторов: опыт Новгородской области. – М.: Институт Гайдара, 2002. – 109 с. URL: <http://www.iep.ru/ru/kompleksnyi-pod-od-k-sozdaniyu-blagopriyatny-uslovii-dlya-investorov-opyt-novgorodskoi-oblasti-2.html>.
3. Логунцова И.В. Механизмы государственной поддержки малого предпринимательства в РФ // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). – 2009. – № 4. – С. 69–77.
4. Нестеренко И.Ю. Направления и инструменты поддержки предпринимательства на региональном уровне // Региональная экономика: теория и практика. – 2013. – № 31 (310). – С. 12–21.
5. Нестеренко И.Ю. Практика предоставления государственных гарантий субъектами РФ // Финансы и кредит. – 2013. – № 34 (562). – С. 51–57.
6. Российская экономика в 2013 году. Тенденции и перспективы. (Выпуск 35) – М.: Институт Гайдара, 2014. – 540 с. URL: http://www.iep.ru/files/RePEc/gai/gbooks/RussianEconomyIn2013issue35_ru.pdf.
7. Словарь современной экономической теории Максимилиана. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 608 с.
8. Шваков Е.Е. Особенности формирования и содержания инвестиционной политики в различных субъектах Рос-

сийской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. – 2014. – № 4 (331). – с. 51–60.

9. Шишкин С.Н. Государственная поддержка предпринимательской деятельности как специфическая форма государственного регулирования экономики. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_CJI_57986/.

10. Закон Свердловской области от 29.11.2002 N 42-ОЗ (ред. от 15.07.2013) «О ставке налога на прибыль организаций для отдельных категорий налогоплательщиков в Свердловской области».

11. Закон Свердловской области от 15.06.2009 № 31-ОЗ «Об установлении налоговой ставки при применении упрощенной системы налогообложения на территории Свердловской области».

12. Закон Свердловской области № 35-ОЗ «Об установлении на территории Свердловской области налога на имущество организаций» (в ред. от 15.07.2013 N 69-ОЗ).

13. Закон Тюменской области от 5 июля 2013 года № 48 «О предоставлении налоговых льгот на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов отдельным категориям налогоплательщиков».

14. Закон Челябинской области от 27.11.2003 г. № 189-30 «О налоге на имущество организаций».

15. Закон Челябинской области от 23.06.2011 г. № 154-30 «О снижении ставки налога на прибыль организаций для отдельных категорий налогоплательщиков».

16. Закон Челябинской области № 418-30 от 30.04.2009 г. «Об установлении налоговой ставки при применении упрощенной системы налогообложения на территории Челябинской области».

17. Министерство финансов Свердловской области. URL: minfin.midural.ru/.

18. Департамент финансов Тюменской области. URL: admtyumen.ru/ogv_ru/gov/administrative/finance_department.htm.

19. Министерство финансов Челябинской области. URL: minfin74.ru/.

20. Министерство экономического развития РФ. URL: <http://www.economy.gov.ru/minec/main>.

1. Veduta E.N. Strategiya i e'konomicheskaya politika gosudarstva. – М.: Akademicheskij Proekt, 2004. – 456 s.

2. Zhavoronkov S., Mau V., Xoroshuxin S., Lazarevich M., Vojishechovskij D. Kompleksnyj podxod k sozdaniyu blagopriyatnyx uslovij dlya investorov: opyt Novgorodskoj oblasti. – М.: Institut Gajdara, 2002. – 109 s. URL: <http://www.iep.ru/ru/kompleksnyi-pod-od-k-sozdaniyu-blagopriyatny-uslovii-dlya-investorov-opyt-novgorodskoi-oblasti-2.html>.

3. Loguncova I.V. Mexanizmy gosudarstvennoj podderzhki malogo predprinimatel'stva v RF // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshhestvo). – 2009. – № 4. – S. 69–77.

4. Nesterenko I.Yu. Napravleniya i instrumenty podderzhki predprinimatel'stva na regional'nom urovne // Regional'naya e'konomika: teoriya i praktika. – 2013. – № 31 (310). – S. 12–21.

5. Nesterenko I.Yu. Praktika predostavleniya gosudarstvennyx garantij sub'ektami RF // Finansy i kredit. – 2013. – № 34 (562). – S. 51–57.

6. Rossijskaya e'konomika v 2013 godu. Tendencii i perspektivy. (Vypusk 35) – М.: Institut Gajdara, 2014. – 540 s. URL: http://www.iep.ru/files/RePEc/gai/gbooks/RussianEconomyIn2013issue35_ru.pdf.

7. Slovar' sovremennoj e'konomicheskoy teorii Maksimiliana. – M.: INFRA-M, 2003. – 608 s.
8. Shvakov E.E. Osobennosti formirovaniya i sodержaniya investicionnoj politiki v razlichnyx sub'ektax Rossijskoj Federacii // Regional'naya e'konomika: teoriya i praktika. – 2014. – №4(331). – s. 51–60.
9. Shishkin S.N. Gosudarstvennaya podderzhka predprinimatel'skoj deyatel'nosti kak specificheskaya forma gosudarstvennogo regulirovaniya e'konomiki. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_CJI_57986/.
10. Zakon Sverdlovskoj oblasti ot 29.11.2002 N42-OZ (red. ot 15.07.2013) «O stavke naloga na pribyl' organizacij dlya otdel'nyx kategorij nalogoplatel'shnikov v Sverdlovskoj oblasti».
11. Zakon Sverdlovskoj oblasti ot 15.06.2009 №31-OZ «Ob ustanovlenii nalogovoj stavki pri primenenii uproshhennoj sistemy nalogooblozheniya na territorii Sverdlovskoj oblasti».
12. Zakon Sverdlovskoj oblasti №35-OZ «Ob ustanovlenii na territorii Sverdlovskoj oblasti naloga na imushhestvo organizacij» (v red. ot 15.07.2013 N69-OZ).
13. Zakon Tyumenskoj oblasti ot 5 iyulya 2013 goda №48 «O predostavlenii nalogovyx l'got na 2014 god i na planovyy period 2015 i 2016 godov ot del'nym kategoriyam nalogoplatel'shnikov».
14. Zakon Chelyabinskoj oblasti ot 27.11.2003 g. №189-ZO «O naloge na imushhestvo organizacij».
15. Zakon Chelyabinskoj oblasti ot 23.06.2011 g. №154-ZO «O snizhenii stavki naloga na pribyl' organizacij dlya ot del'nyx kategorij nalogoplatel'shnikov».
16. Zakon Chelyabinskoj oblasti №418-ZO ot 30.04.2009 g. «Ob ustanovlenii nalogovoj stavki pri primenenii uproshhennoj sistemy nalogooblozheniya na territorii Chelyabinskoj oblasti».
17. Ministerstvo finansov Sverdlovskoj oblasti. URL: minfin.midural.ru/.
18. Departament finansov Tyumenskoj oblasti. URL: admtymen.ru/ogv_ru/gov/administrative/finance_department.htm.
19. Ministerstvo finansov Chelyabinskoj oblasti. URL: minfin74.ru/.
20. Ministerstvo e'konomicheskogo razvitiya RF. URL: <http://www.economy.gov.ru/minec/main>.

THE MECHANISM OF ENTERPRISE GOVERNMENTAL REGULATION ON THE REGIONAL LEVEL

Nesterenko Irina Urievna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Economics and Finance Department,
candidate of economic sciences, PhD, lecturer,
Chelyabinsk, Russia,
E-mail: nesterenko-chel@mail.ru

Annotation

The article investigates regulating levels of business climate, the role of regional authorities in the formation of business activities stimulating policy and the structural elements of this policy. The tools of business activities stimulating policy on the regional level are analyzed on the material of government programs and the official information about their realization in the entities of the Ural Federal district.

Key words:

regional policy, business regulatory mechanism, directions and instruments of state policy, Ural federal district.

МЕТОДЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ РЫНКА

Сонина Олеся Викторовна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
кафедра экономики, финансов и бухгалтерского учета,
кандидат педагогических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия,
E-mail: pavelson@inbox.ru

Аннотация

В статье рассматриваются и систематизируются методы прогнозирования социально-экономических систем в условиях рынка применительно к национальной экономике России.

Ключевые слова:

прогнозирование, социально-экономическая система, методы прогнозирования, национальная экономика.

Прогнозирование национальной экономики – это процесс разработки системы обоснованных научных представлений о возможном ее состоянии и траектории динамики в будущем.

В условиях рыночной экономики грамотный и четкий прогноз является, безусловно, сложным, но важнейшим условием развития национальной экономики. Кризисные потрясения, затрагивающие экономику многих стран и, конечно, нашу страну, ставят перед учеными, хозяйственниками и государственными руководителями все новые задачи предвидения будущего. Необходимо предвидеть время наступления кризисов, их характер, а также выработать вовремя антикризисную программу. От этого будет зависеть, сможет ли страна в короткие сроки и с наименьшими потерями пройти кризисную фазу [5].

В последнее время появились новые характеристики функционирования социально-экономических систем, которые необходимо учитывать для прогнозирования. Во-первых, повышается значение взаимодействия национальных центров прогнозно-плановой работы с аналогичными центрами общемировой ори-

ентации, т. к. неравномерность распределения прогнозно-аналитического потенциала между странами и регионами актуализирует проблему возможного подчинения прогнозных и плановых проектировок интересам доминирующих центров мировой политики. Во-вторых, возрастает роль научно-технологического прогнозирования, т. к. в условиях резкого обострения в мировых масштабах проблемы дефицита энергетических и иных природных ресурсов надежды на устойчивое развитие национально-хозяйственных систем в долговременной перспективе могут быть связаны лишь с акцентом на освоение глубинного потенциала новых знаний и научно-технологических инноваций. В-третьих, выдвигаются требования к четкому взаимодействию частной и государственной форм собственности. Еще одна характеристика – делегирование полномочий от центра к регионам, т. к. все большее значение придается региональным особенностям социально-экономической политики. И последнее, необходимо учитывать циклические колебания траектории экономической динамики при прогнозировании, а не сводить только к экс-

траполяции в будущее сложившиеся в прошлом тенденции [4].

В настоящее время рассматриваются два подхода к прогнозированию: генетический (изыскательский) и нормативный (телеологический).

Первый основан на анализе предыстории развития социально-экономической системы, фиксации его основополагающих факторов и определении особенностей развития, а также выявлении устойчивых тенденций и закономерностей. Все вышесказанное способствует построению гипотезы относительно прогнозируемой системы в будущем.

Второй подход предполагает возможность и необходимость целенаправленного влияния на прогнозируемые процессы с учетом целей и ресурсной базы, а также потребностей общества.

Возможность прогнозирования социально-экономической системы заключается в том, что она развивается в соответствии с законами, в частности экономическими, и имеет определенную инерционность. В практике прогнозирования используют более 300 способов проведения прогнозных исследований.

Под системой социально-экономической прогнозирования понимается определенное единство методологии, организации и разработки прогнозов, обеспечивающих их согласованность, преемственность и непрерывность.

Национальное прогнозирование носит комплексный характер, охватывая все уровни и аспекты расширенного воспроизводства. Те или иные частные национальные прогнозы, описывающие различные стороны экономического роста, характеризуются относительной обособленностью и имеют собственное специфическое содержание. Однако они тесно взаимосвязаны и образуют целостную систему, которая может быть представлена в виде следующих групп прогнозов.

Технико-экономические прогнозы рассматривают перспективы развития народного хозяйства страны, его отраслей, размещения производства, динамики технико-экономических показателей производства продукции, освоения

ее новых видов, структурных сдвигов в экономике, финансирования производства и т. д.

Научно-технические прогнозы исследуют достижения научно-технического прогресса, развитие фундаментальных и прикладных исследований, новых видов техники и технологии, определяют последствия НТП.

Социально-экономические прогнозы направлены на исследование вопросов динамики уровня жизни населения, доходов, потребления населением продуктов питания и непродовольственных товаров, развития отраслей социальной инфраструктуры, демографии, занятости населения и т. д.

Естественно-природные прогнозы характеризуют запасы природных ресурсов и возможности их вовлечения в хозяйственный оборот, состояние растительного и животного мира, окружающей среды.

Внешнеэкономические прогнозы рассматривают перспективы сотрудничества с зарубежными странами, проблемы интеграции национальной экономики в мировое хозяйство, вопросы рационализации экспорта и импорта и т. д. [2].

В настоящее время разработка системы национальных прогнозов в России еще далеко не завершена, и предстоит большая работа в этом направлении в будущем.

Социально-экономическое прогнозирование в условиях рынка основывается на ряде важнейших принципов.

Принцип системности прогнозирования означает, что народное хозяйство рассматривается, с одной стороны, как единый объект, а с другой – как совокупность относительно самостоятельных объектов или направлений прогнозирования. Системный подход предполагает построение прогнозов на основе системы методов и моделей, характеризующейся определенной субординацией и последовательностью, что позволяет разрабатывать согласованный и непротиворечивый прогноз экономического развития по каждому объекту народного хозяйства. Однако в условиях переходной экономики построить целостную систему моделей социально-экономического прогнозирования

очень сложно. В связи с чем необходима унификация блочных моделей, использование вычислительных способов решения, создание информационного банка данных.

Принцип единства политики и экономики означает, что при рассмотрении вопросов развития экономики, составлении прогнозов следует исходить из совокупности экономических интересов всех субъектов хозяйствования и в то же время по некоторым направлениям прогнозирования необходимо, в первую очередь, учитывать общегосударственные интересы (устойчивость финансовой системы, обеспечение целостности страны, ее обороноспособности и т. д.).

Принцип научной обоснованности означает, что в экономическом прогнозировании всех уровней необходим всесторонний учет требований объективных экономических и других законов развития общества, использование научного инструментария, достижений отечественного и зарубежного опыта формирования прогнозов.

Принцип адекватности (соответствия) прогнозов объективным закономерностям характеризует не только процесс выявления, но и оценку устойчивых тенденций и взаимосвязей в развитии народного хозяйства и создания теоретического аналога реальных экономических процессов с их полной и точной имитацией.

Принцип вариантности прогнозирования связан с возможностью развития народного хозяйства и его отдельных звеньев по разным траекториям, при разных взаимосвязях и структурных соотношениях. Источниками возникновения различных вариантов развития народного хозяйства служат возможные качественные сдвиги в условиях воспроизводства при переходе от экстенсивных методов его расширения к интенсивным, при создании новых условий хозяйствования.

Принцип целенаправленности предполагает активный характер прогнозирования, поскольку содержание прогноза не сводится только к предвидению, а включает и цели, которые предстоит достигнуть в экономике путем активных действий органов государственной власти и управления [1].

Разработаны различные классификации методов прогнозирования.

Экстраполяционное прогнозирование. При экстраполяционном прогнозировании предполагается, что рассматриваемый объект, вследствие инерции, сохраняет тенденцию своего развития в будущем. Тенденции выявляются на основе информации о развитии объекта в предшествующие годы и данных о состоянии объекта в текущий период. Прогнозирование осуществляется по принципу: из прошлого – через настоящее – в будущее.

Нормативное прогнозирование. При нормативном прогнозировании первоначально устанавливают тенденцию развития объекта управления и возможную форму развития на основе экстраполяции. Устанавливается желаемое состояние объекта управления на завершение периода упреждения. Затем процесс разворачивается из будущего в настоящее. На основе выявления расхождений между желаемым и имеющимся состоянием раскрываются те проблемы, которые необходимо решить для достижения желаемого состояния объекта в будущем [3].

По другой классификации методов прогнозирования их можно разделить на эвристические, которые основаны на преобладании интуиции, т. е. субъективных начал, и экономико-математические, в которых преобладают объективные начала.

Эвристические методы предполагают, что подходы, используемые для формирования прогноза, не изложены в явном виде и неотделимы от лица, делающего прогноз. При разработке прогноза доминирует прежний опыт, интуиция, воображение и творчество. К этой группе методов относят экспертные методы и методы социологических исследований. Опрашиваемые, давая оценки, свои суждения могут основывать, как опираясь на интуицию, так и анализируя определенные причинно-следственные связи, данные статистики и расчетов.

В условиях рынка очень часто прогноз спроса осуществляется путем опросов потребителей, а также посредством экспертных оценок. В качестве экспертов используют торговый пер-

сонал, консультантов по маркетингу, дилеров. В прогнозировании социально-экономического развития используют опросы населения.

Сущность метода экспертных оценок заключается в проведении экспертами интуитивно-логического анализа проблемы с количественной оценкой суждений и формальной обработкой результатов.

Получаемое в результате обработки обобщенное мнение экспертов принимается как решение проблемы. Комплексное использование интуиции (неосознанного мышления), логического мышления и количественных оценок с их формальной обработкой позволяет получить эффективное решение проблемы.

Характерными особенностями метода экспертных оценок как научного инструмента решения сложных ненормализуемых проблем являются:

- научно обоснованная организация всех этапов экспертизы;
- применение количественных методов, как при организации экспертизы, так и при оценке суждений экспертов и формальной групповой обработке результатов.

Эти две особенности отличают метод экспертных оценок от обычной, давно известной экспертизы, широко применяемой в различных сферах человеческой деятельности. К методам экспертных оценок относятся мозговой штурм и метод Дельфи.

Мозговой штурм (мозговая атака) представляет собой метод получения новых идей, решений какой-либо проблемы в результате коллективного творчества группы людей в ходе заседания-сеанса, проводимого по определенным правилам.

Принципиальной особенностью метода является «обезличивание идей», абсолютное исключение в ходе самого сеанса критики и какой-либо оценки высказываемых идей.

Сущность метода мозгового штурма заключается в решении двух задач:

- генерирование новых идей;
- анализ и оценка предложенных идей.

Соответственно образуются две разные группы: генераторов идей и аналитиков.

Основными правилами проведения заседания являются:

- критические оценки высказываний недопустимы;
- важно количество и разнообразие высказанных идей;
- необходимо свободное парение мысли: чем необычнее идея, тем лучше;
- мысли должны подхватываться, развиваться, участники заседания должны раскати́вать» друг друга.

Метод Дельфи. Основными особенностями метода являются:

- полный отказ от личных контактов экспертов и коллективных обсуждений;
- многотуровая процедура опроса экспертов;
- обеспечение экспертов информацией, включая и обмен информацией между ними, после каждого тура опросов при сохранении анонимности;
- обоснование ответов экспертов по запросу организаторов.

Процедура опросов по методу Дельфи заключается в анкетировании экспертов с помощью опросных листов в несколько туров с обработкой результатов анкетирования в каждом туре и информировании экспертов об этих результатах.

При использовании экономико-математических методов структура моделей устанавливается и проверяется экспериментально, при условии объективного наблюдения и измерения.

Моделирование является важным и эффективным средством прогнозирования социально-экономической системы, инструментом научного познания исследуемого процесса. Поэтому вопрос об адекватности модели объекту (т.е. о качестве отображения) необходимо решать, исходя из определенной цели прогноза. Содержанием процесса моделирования являются: конструирование модели на основе предварительного изучения объекта или процесса, выделение его существенных характеристик; теоретический и экспериментальный анализ модели; сопоставление

результатов моделирования с фактическими данными об объекте или процессе; корректировка и уточнение модели.

В прогнозировании социально-экономических систем средством изучения закономерностей их развития является экономико-математическая модель (ЭММ), т.е. формализованная система, описывающая основные взаимосвязи ее элементов.

Экономико-математическая модель представляет собой математическое описание экономической системы или процесса, произведенное в целях исследования для дальнейшего эффективного управления. В общей форме модель – условный образ объекта исследования, сконструированный для упрощения этого исследования. При построении модели предполагается, что ее непосредственное изучение дает новые знания о моделируемом объекте. ЭММ является основным средством модельного исследования национальной экономики. Во всех случаях необходимо, чтобы модель содержала достаточно детальное описание объекта, позволяющее, в частности, осуществлять измерение экономических величин и их взаимосвязей, чтобы были выделены факторы, воздействующие на исследуемые показатели.

В процессе экспериментирования могут быть установлены такие связи, отношения или свойства элементов модели, которым не соответствует ни одна связь, отношение или свойство элементов объекта. В этом случае либо построенная модель не адекватна сущности изучаемого явления, либо построенная модель адекватна сущности изучаемого явления, однако свойства и отношения элементов прогнозируемого явления описаны не полно.

Статистические методы также являются важным звеном в прогнозировании. С их помощью, например, определяют периодичность сбора данных, анализируют параметры теоретических экономико-математических моделей.

Еще одно эффективное средство для организации прогнозирования социально-экономических систем – это метод сценариев. Он объединяет в себе качественный и количественный подходы.

Сценарий можно рассматривать как модель будущего. В нем описывается ход событий, основные факторы, которые могут повлиять на прогнозируемые события, и должны быть учтены. Необходимо составить несколько вариантов сценариев. В качестве базового рассматривается наиболее вероятный вариант. Альтернативные рассматриваются и планируются в том случае, если реальность начинает приближаться к их содержанию в большей мере.

Сценарий представляет собой анализ быстро меняющегося настоящего и будущего. При его подготовке необходимо заниматься деталями и процессами, которые могут быть упущены при изолированном использовании других методов прогнозирования. Сценарии включают в себя описание событий, оценки показателей анализа социально-экономических систем и характеристик во времени.

Сценарное прогнозирование в условиях рынка способствует лучшему пониманию конкретной ситуации, оцениванию потенциальных угроз, выявлению благоприятных возможностей и целесообразных направлений деятельности.

Таким образом, все указанные методы обладают определенными достоинствами, они дополняют друг друга, а также применяются совместно. Делают прогнозирование тем фундаментом, который необходим национальной экономике в условиях рынка.

---

1. Балансовые методы в прогнозировании и планировании. Практикум по курсу «Теория прогнозирования и планирования». – СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2009. – 54 с.

2. Макроэкономическое планирование и прогнозирование: Учебное пособие / под ред. А.Н. Петрова. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011.

3. Петров А.Н. Теория планирования: первое приближение. – СПб.: Изд-во «Знание», 2007.

4. Прогнозирование, стратегическое планирование национальное программирование: Учебник. / Б.Н. Кузык, В.И. Кушлин, Ю.В. Яковец. – М.: Экономика, 2011. – 604 с.

5. Рыночный потенциал экономического роста. – М.: 2007, 539 с.

---

1. Balansovye metody v prognozirovanii i planirovanii. Praktikum po kursu «Teoriya prognozirovaniya i planirovaniya». – SPb: Izd-vo SPbGUE'F, 2009. – 54 s.

2. Makroe'konomicheskoe planirovanie i prognozirovanie: Uchebnoe posobie / pod red. A.N. Petrova. – SPb.: Izd-vo SPbGUE'F, 2011.

3. Petrov A.N. Teoriya planirovaniya: pervoe priblizhenie. – SPb.: Izd-vo «Znanie», 2007. V.I. Kushlin, Yu. V. Yakovec. – M.: E'konomika, 2011. – 604 s.
4. Prognozirovanie, strategicheskoe planirovanie nacional'noe programmirovaniye: Uchebnik. / B.N. Kuzyk, 2007, 539 s.
5. Rynochnyj potencial e'konomicheskogo rosta. – M.: 2007, 539 s.

METHODS OF FORECASTING THE NATIONAL ECONOMY OF THE MARKET

Sonina Olesya Viktorovna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Department of economics, finance and accounting,
Candidate of Pedagogical Sciences, Docent,
Chelyabinsk, Russia,
E-mail: pavelson@inbox.ru

Annotation

The article summarizes and organizes the methods of forecasting of social-economic systems in terms of the market, in particular, for the specifics of Russia national economy.

Key words:

forecasting, social-economic system, forecasting methods, the national economy.

SOFT POWER В ФОРМИРОВАНИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА В УСЛОВИЯХ БАКАЛАВРИАТА

Шибанова Елена Климентьевна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы, при Президенте РФ,
Челябинский филиал,
кафедра политологии, истории и философии,
заместитель заведующего,
кандидат педагогических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия,
E-mail: shiban@is74.ru

Аннотация

В статье раскрываются особенности soft power в формировании самостоятельности студентов вуза в условиях бакалавриата. Авторское видение проблемы представлено в постановке задач и содержании кластеров, в использовании в самостоятельной работе образовательного процесса фонда оценочных средств. Представлены рекомендации по использованию soft power в формировании самостоятельности студентов вуза.

Ключевые слова:

самостоятельность, внеаудиторная работа, фонд оценочных средств.

Современное общество все больше тяготеет к информационным технологиям и их внедрению в образовательный процесс учебного заведения любого уровня: школа – техникум – вуз. И, безусловно, ничего «плохого» в этом на первый взгляд нет. Сторонники информатизации даже приведут множество совершенно справедливых аргументов за данный контекст. Да и автор статьи не считает главным вести полемику по данному вопросу. В данной статье вопрос о компьютеризации является лишь отправной точкой к основному содержанию. Так сказать «затравкой» для вопроса о формировании самостоятельности современного молодого поколения в рамках обучения в вузе.

Почему же именно с этой идеи начинается статья? Дело в том, что современная система Интернет дает практически любые знания, без усилий, без особого поиска, без творчества самостоятельного труда.

Современный молодой человек, придя в вуз, сталкивается с трудностями самостоятельного поиска информации, составления аннотации статьи, выбором конкретного ма-

териала из учебника или монографии, и, как показала практика, не владеет понятием «оглавление» книги или статьи. Не берусь говорить о студентах всех российских вузов, но личная практика такова, особенно это становится удивительным, когда студент приходит на диплом, и вопрос о самостоятельной научной деятельности становится особенно остро.

На сегодня по требованиям ФГОС 3 поколения произошло существенное увеличение времени на самостоятельную работу студента. И это совершенно правильно. Однако в России всегда перегибы: как в сказке, дали крестьянину волю – да не знает он, что с ней делать. Так и у нас. Студент и рад бы самостоятельно учиться, да не готовили его в школе. Вот и получается, пришел учиться, а как не знает.

О. Н. Ефремова справедливо отмечает, что организация самостоятельной работы, система ее отслеживания, критерии и оценивание результатов самостоятельной работы являются слабо реализуемыми в практике современного вузовского образования. Поэтому в современном образовательном процессе и педагогиче-

ских исследованиях самостоятельной работе уделяется всё большее внимание [3, с. 160].

Хотелось бы напомнить слова Л. А. Арцимовича: «Студент – это не сосуд, который надо наполнить, а факел, который надо зажечь» [1, с. 28].

Так кто же должен зажечь этот факел, если не преподаватель вуза? Ведь понятие самостоятельности личности не должно сводиться к отстраненности или холодной вежливости. Должно быть разумное руководство, содействие со стороны преподавателя вуза, в некотором смысле *soft power*. Прагматическому обществу целесообразно использовать и иные инструменты.

В данном контексте хотелось бы обратиться к идеям Сократа, которые совершенно созвучны с мнением автора. Сократ, например, прекрасно сознавал, называя всех беседующих с ним «друзьями» (слово «ученики» он не любил, и не без оснований), что часть этих людей, которые сейчас восторженно его слушают, станет последователями, часть – обвинителями на суде, которые будут требовать для него смертного приговора, и лишь кое-кто (немногие) – другом. Сократ считал, что процесс познания (обучения) – это не процесс передачи знаний, умений, навыков информации, но он есть совершившийся акт понимания (встречи) [3, с. 279].

Именно таким должно быть взаимодействие преподавателя и студента при разъяснении и оценке самостоятельности последнего.

Еще один важный вопрос, который встает перед преподавателем – это оценка уровня самостоятельности. Почему мы и обозначили проблему как *soft power*. На первый взгляд, кажется, что этот вопрос давно решен. Есть балльно-рейтинговая система (БРС), есть фонды оценочных средств. И, тем не менее, каждая из них преследует иные цели. Так БРС оценивает подготовленность студента в аудиторной и внеаудиторной работе и за все виды отчетности, ФОС, казалось бы, преследует цели оценки внеаудиторной работы, однако оценочные средства показывают лишь конечный результат (решение задачи, написание эссе, выполнение творческого задания, соотнесение табличных

данных и пр.). Например, на практическом занятии в начале учебного года до каждого студента доводится информация о требованиях к самостоятельной работе. Студенту выдается рейтинг-лист по дисциплине, в котором обозначены темы лекций и практических занятий, индивидуальные задания, контрольные работы, список литературы, определено количество баллов, которые студенты могут получить в течение семестра за определенные виды работ, а также указаны результаты изучения дисциплины, которые студент должен продемонстрировать при освоении курса.

В рабочей программе дисциплины указываются часы на внеаудиторную самостоятельную работу, которая должна контролироваться и оцениваться преподавателем в течение семестра. В разделе «Организация и учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов» студенту указываются виды работ, которые включает в себя текущая СРС и творческая СРС. Там же приводится примерный перечень научных проблем и направлений научных исследований.

Вместе с тем, фонды оценочных средств не раскрывают механизмов формирования самостоятельности, имеет место чисто технологическая составляющая, в некотором смысле (как не вспомнить бихевиористов) стимул-реакция: выполнил – получил оценку. Задача же, по нашему мнению, должна состоять в содействии со стороны преподавателя овладению средствами, инструментарием и общей концепцией самостоятельности обучающегося.

Как указывалось выше новый Федеральный государственный образовательный стандарт предусматривает планирование не только аудиторных, но и внеаудиторных занятий, поэтому самостоятельная работа перестает быть частным делом студента. Она становится обязательным элементом обучения, детально планируемым и подлежащим контролю.

Роль навигатора в этом процессе должна выполнять рабочая программа дисциплин. В программе устанавливается траектория изучения дисциплины с указанием тематики лекций, семинарских и практических занятий, заданий на самостоятельную работу и поне-

дельный хронометраж времени на их выполнение, формат электронных и иных средств фиксации результатов выполненных в ходе самостоятельной работы заданий, механизм отчета об этой работе, критериях ее оценки и т. д. Контроль за ходом освоения материала таков, что не отчитавшись за одну тему (модуль), нельзя перейти к изучению дугой темы (модуля). Весь позитивный материал, таким образом, усваивается в полном объеме, без каких-либо пробелов и по определенной логической схеме.

В принципе, каждый студент вправе выбрать собственную траекторию обучения, согласовав с преподавателем график своей самостоятельной работы. Но такие возможности, как нам представляется, могут быть полноценно реализованы только на старших курсах, когда студент приобретет необходимые знания и умения. На начальном же этапе обучения важно научить студента приемам и методикам самостоятельной работы.

Следует отметить, что во многих учебных заведениях с первокурсниками проводят занятия по программе «Введение в специальность». Как правило, в рамках 10–12 часов, отводимых этой дисциплине, начинающих студентов знакомят со славным прошлым, настоящим и светлым будущим учебного заведения, особенностями приобретаемой в вузе профессии и последующей трудовой деятельности. Однако такая тематика мало ориентирована на обретение студентом умений и навыков, необходимых для самостоятельного усвоения программного материала.

Анализ педагогической литературы позволил сделать вывод, что успех организации СРС обеспечивают четыре группы кластеров: аналитический, образовательный, ценностно-целевой и рефлексивный.

К аналитическому кластеру относятся: бюджет времени, место СРС (аудиторная, внеаудиторная), средства для СРС (учебная литература, компьютер и т. д.), форма деятельности (групповая, парная, индивидуальная).

К образовательному кластеру относятся: планирование преподавателем заданий на самостоятельную работу (по объему, срокам выполнения), обучение методам самостоятельной

работы (самостоятельное изучение источников, подготовка докладов, учебных проектов и т. д.) и использованию компьютера (для оформления работы, решения задачи, построения графиков и т. д.), управление самостоятельной работой (сотрудничество преподавателя со студентом, система контроля и самоконтроля).

К ценностно-целевому кластеру относятся: познавательные интересы, потребность узнать новое, расширить свои знания, овладеть каким-либо умением и т. д.

К рефлексивному кластеру относятся: формирование универсальных (общекультурных) и профессиональных компетенций, учет личностных качеств, самооценка и самопознание.

При организации внеаудиторной самостоятельной работы студентов по гуманитарным дисциплинам отдается предпочтение групповой, парной и индивидуальной деятельности, которая будет способствовать развитию необходимых компетенций. Групповая и парная деятельность предполагает возможность продемонстрировать готовность студента к кооперации с коллегами, к командной работе. Индивидуальная деятельность позволяет студенту критически оценить свои личностные качества, наметить пути и выбрать средства развития достоинств и устранения недостатков.

Многолетний опыт по проблеме доказывает, что внеаудиторную самостоятельную работу надо организовать таким образом, чтобы она помогла студенту сделать первые шаги в овладении методами научного исследования. Целесообразно в процессе обучения студентов проводить самостоятельную работу, которая будет направлена на разработку образовательных интегративных проектов по межпредметным дисциплинам.

При организации внеаудиторной СРС мы ставили следующие задачи:

1) помочь студентам овладеть приемами работы с традиционными носителями информации, с компьютером, Интернет-ресурсами, базами данных, электронными словарями и т. д.;

2) развивать способность студентов демонстрировать базовые знания в области

гуманитарных дисциплин, готовность к решению профессиональных задач на основе полученных знаний;

3) создавать в процессе обучения условия для развития у студентов умений соединять разрозненные факты в единое целое, интегрировать полученные знания для решения познавательных и творческих задач, исследовательские умения и навыки;

4) развивать способность студентов к самоконтролю, рефлексии и самооценке;

5) развивать у студентов профессионально важные личностные качества, такие как выбор собственной стратегии, ответственность за принятие решения и т. п.

Предложенная организация самостоятельной работы направлена не только на достижение учебных целей дисциплины, но и на развитие у студентов личностных качеств, вовлечение их в самостоятельную поисковую деятельность и формирование первоначального опыта решения профессиональных задач на основе полученных знаний.

В этой связи мы полагаем целесообразным сформулировать некоторые рекомендации по использованию soft power в формировании самостоятельности студентов вуза в условиях бакалавриата:

1. Ознакомление первокурсников с методическими основами образовательного процесса в вузе. Это вопросы, связанные с нормативно-правовой и учебно-методической базой высшего учебного заведения. Они объединяют материалы из общероссийского законодательства об образовании, локальных нормативных актов, действующих в конкретном вузе, учебных и учебно-тематических планов, программ учебных дисциплин и т. д.

2. Формирование представлений о содержании аудиторных занятий и внеаудиторной работы студента в вузе. Студенту надлежит знать, какова роль лекции, какие по видам и содержанию лекции читаются в юридическом вузе. Обстоятельные характеристики семинарских и практических занятий, практикумов, деловых игр и других видов аудиторной работы, рассматриваемые через призму стоящих перед ними целей и задач, будут ориентировать сту-

дента работать на них со знанием дела, полно и глубоко осваивая учебный материал.

3. Ознакомление с приемами самостоятельной работы студента. С учетом знаний, полученных на предыдущих занятиях, студент узнает, как нужно готовиться к лекции, как работать по ходу лекции, в чем заключаются особенности работы над конспектом и его дальнейшего использования в учебном процессе. Кроме того, педагог должен предложить студенту комплекс приемов и методик по подготовке к различным видам аудиторных и внеаудиторных занятий, написанию эссе и рефератов, выполнению контрольных и курсовых работ, подготовке к текущему, рубежному и итоговому контролю, участию в олимпиадах и конкурсах, выступлениям на заседании научных кружков и студенческих конференциях. Студенту предстоит столкнуться с большим потоком информации, поэтому ему следует учиться выделять в изучаемом материале главные мысли, сопровождать их комментариями, давать им адекватную оценку, формировать собственную точку зрения.

4. Формирование представлений и активизация деятельности с фондами оценочных средств. Студент должен знать систему оценочных средств по каждой дисциплине. Преподаватель знакомит с теми оценочными процедурами, которые должен пройти студент в течение всего курса обучения.

5. Организация работы с информационно-поисковыми системами в Интернете. Преподаватель должен научить студента поиску рекомендуемой литературы и информации в целом. Студент должен знать, что такое научная, учебная, учебно-методическая литература, нормативные источники: законы и подзаконные акты. Необходимо научить студента самостоятельно находить рекомендуемые и иные литературные источники в вузовской библиотеке, пользоваться межбиблиотечным абонементом, фондами районных, региональных и федеральных библиотек. Он должен знать, что такое учебный и научный абонемент, как организовать работу в читальных залах, чем предметный каталог отличается от систематического и как использовать электронные базы библиотек.

С первых дней занятий студент должен усвоить требования к документальному оформлению своей самостоятельной работы и обязательной отчетности перед преподавателями. О конкретных формах и приемах такого контроля студент информируется в завершающей теме курса.

6. Организация самостоятельной работы и контроль за ее исполнением.

Таким образом, soft power в формировании самостоятельности студентов вуза в условиях бакалавриата не сводится к уяснению и совершенствованию технологии обучения. Ее роль важна в обеспечении столь желанного для общества перехода от трудно изживаемой «знаниевой концепции», в которой студент выступает в роли «сосуда», который надо залить знаниями, умениями и навыками, к деятельности обучающегося по саморазвитию и самообразованию. Выполнение предлагаемых рекомендаций способствует формированию у студента навыка самостоятельного поиска. Студент, пройдя подобную систему, совершен-

но уверенно способен получить информацию и обработать ее самостоятельно и, что особенно важно, пронести этот багаж «самостоятельности» на протяжении всего периода вузовского обучения, не ощущая себя «пустым сосудом».

1. Арцимович, Л.А. Что каждый физик должен знать о плазме. 2-е изд. [Текст] / Л.А. Арцимович. – М.: Атомиздат, 1977. – С. 28.

2. Васильев, В.А. Сократ о благе и добродетели [Текст] / В.А. Васильев // Социально-гуманитарные знания. – М., 2004. – № 1. – С. 276–290.

3. Ефремова, О.Н. Опыт организации самостоятельной работы студентов [Текст] / О.Н. Ефремова // Высшее образование в России. – 2013. № 8–9. – С. 160–162.

1. Arcimovich, L.A. Chto kazhdyj fizik dolzhen znat' o plazme. 2-e izd. [Tekst] / L.A. Arcimovich. – M.: Atomizdat, 1977. – S. 28.

2. Vasil'ev, V.A. Sokrat o blage i dobrodeteli [Tekst] / V.A. Vasil'ev // Social'no-gumanitarnye znaniya. – M., 2004. – № 1. – S. 276–290.

3. Efremova, O.N. Opyt organizacii samostoyatel'noj raboty studentov [Tekst] / O.N. Efremova // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2013. № 8–9. – S. 160–162.

SOFT POWER IN FORMING THE AUTONOMY OF UNIVERSITY STUDENTS OF BACHELOR

Shibanova Elena Klimentievna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
 Chelyabinsk branch,
 Department of politic, history and philosophy,
 Candidate of pedagogical Sciences, associate Professor,
 Chelyabinsk, Russia,
 E-mail: shiban@is74.ru

Annotation

The article reveals the peculiarities of soft power in the formation of the independence of University students in the conditions of a bachelor degree. The author's vision of the problem is presented in setting objectives and content of clusters to use in independent work of the educational process of the Fund assessment tools. Recommendations on the use of soft power in the formation of the independence of University students.

Key words:

independence and extracurricular activities, the Fund estimated means.

НАСЛЕДИЕ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ КАК ФИЛОСОФСКОЕ ПОСЛАНИЕ ПОТОМКАМ

Шпаковская Елена Евгеньевна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Челябинский филиал,
кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации,
кандидат филологических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия,
E-mail: fakel3000@yandex.ru

Аннотация

В языке заключен культурный код народа, позволяющий этносу закрепить опыт, традиции, культуру и одновременно границы своей самобытности и идентичности. Это своеобразный цивилизационный код. Для нас это кириллица.

Ключевые слова:

славянская письменность, кириллическая цивилизация, культурологический иммунитет.

Взгляды ученых на общее количество языков в мире расходятся: выделяют от 2,5 до 7 тысяч. Главная же трудность заключается в том, что считать языком, а что его диалектом. Ответ на этот вопрос в духе М. Вайнраха («Язык – это диалект, у которого есть армия и флот») показывает, что лингвистические проблемы часто имеют политическое значение. Действительно, в основе любого народа лежит язык – универсальный код, закрепляющий и передающий определенные значения. В языке заключен культурный код народа, отражающий общность мышления, бытовой организации, климатических условий, социальных отношений в коллективе, этических оценок поведения и т. д. Поэтому наличие языка – одно из важнейших условий формирования этноса, наряду с территорией, религией, культурой, историей и т. д. Собственный язык позволяет этносу закрепить опыт, традиции, культуру и одновременно границы своей самобытности и идентичности. Не у всех существующих сегодня языков есть письменность, но те, у которых она есть, прочно заняли свое место на мировой арене. Собственная письменность дает народу право на равных существовать с другими народами, дает своеобразный цивилизационный код. Для нас это код, созданный братьями Кириллом

и Мефодием, кириллица. Трудно представить, на каком бы языке мы говорили сегодня, если бы не они.

Вопрос о том, что же создали Кирилл и Мефодий, далеко не праздный. На первый взгляд, тут нет никакой проблемы вообще, ибо то, что создал Кирилл, как раз и называется кириллицей. Эту позицию русская наука занимала весьма долгое время, да и сегодня не спешит отказываться от нее. Например, в статье архимандрита Леонида (Кавелина), опубликованной в 1891 году, как раз излагается подобная точка зрения [3]. Он утверждает, что Кирилл создал кириллицу в 862 году, тогда как глаголица была создана в 879 году, то есть на 17 лет позже, отцом Феодосием, далматинским монахом. Достаточно подробно в статье описывается триумфальное шествие кириллицы по Моравии, Сербии, Хорватии, Болгарии и России, а также гонения на кириллицу и ее проповедников. Однако еще в 1866 году выдающийся отечественный филолог И. И. Срезневский, сравнивая кириллицу и глаголицу, приходит к выводу, что глаголица является более древней азбукой [10]. Сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, стало ясно, что глаголица древнее. С другой стороны, существовала традиция, что славянскую азбуку создал

Кирилл с братом Мефодием. С тех пор в решении данной проблемы появилось множество гипотез. Например, В.А. Чудинов утверждает, что Кирилл и Мефодий не изобрели азбуку (ни кириллицу, ни глаголицу), а приспособили уже существовавшую у славян письменность для переводов с греческого языка, и именно в этом смысле их можно считать великими славянскими просветителями [11]. Но, как точно заметил Ю. Лошиц, «по той причине нет до сих пор умиротворения вокруг вопроса о глаголице, что чем дальше, тем сильнее зыбится перспектива самого происхождения феноменальной азбучной доктрины. Её облик и по сей день будоражит воображение исследователей. Не иссякает соревновательная активность в изыскании всё новых и новых доказательных догадок. Её вычурно называют сакральным кодом, матрицей вселенского звучания, к которой нужно, как к великому святилищу, развернуть и кириллицу, и другие европейские алфавиты. Кому выпадет честь окончательно высветлить родословную диковинной гостыи на пиру письмен? Не пора ли, наконец, остановиться, сойтись на чём-то одном. Иначе тема генезиса глаголицы однажды захлебнётся в воронке дурной бесконечности» [4].

Независимо от того, создал Кирилл кириллицу или глаголицу, отредактировал ли существующую языческую славянскую азбуку, значение этого человека для развития славянской письменности трудно переоценить. Здесь важно сделать акцент не на форме букв, а на историческом значении данного факта. Сегодня Кирилл и Мефодий канонизированы и почитаются как святые равноапостольные «учители словенские». В их наследие включается не только письменность, но и христианское служение, миссионерская деятельность.

В 9 веке правитель динамично развивающегося молодого Моравского государства князь Ростислав хотел крестить свой народ [8]. Тогдашний лидер глобалистов Папа Римский Николай I прислал священников из Баварии, немцев, которые не интересовались ни языком, ни культурой славян. Службу вели на латинском языке – кому надо, тот поймет. Таким образом, славянам навязывали чужой язык и чужую культуру, подавляя собственную самобытность

и уникальность. Стремясь к независимости от восточно-франкского короля, князь Ростислав изгнал из Великой Моравии баварских священников и отправил послов в Рим с просьбой к Папе Николаю I прислать учителей для подготовки собственных священников. Славяне хотели знать христианское учение на славянском языке и службу на латыни не понимали. Получив отказ от Папы, Ростислав в 862 году отправил послов в Византию к императору Михаилу III, прося об учителях, священниках или епископе, которые бы заложили в его государстве основу собственного церковного управления. Михаил III удовлетворил эту просьбу Ростислава и послал к моравам Кирилла и Мефодия. Именно в Моравии Кирилл и Мефодий, обнаружив отсутствие у местных жителей собственной письменности, создали письменные знаки – азбуку. Они переводили церковные книги с греческого на славянский язык, обучали славян чтению, письму и ведению богослужения на славянском языке. Их миссионерская деятельность имела основополагающее значение для культурного развития не только Великой Моравии, но и всей Восточной Европы. Пробыв в Моравии по 866 год, они организовали независимую от германского епископата славянскую церковь, что способствовало укреплению политической самостоятельности государства. Этот исторический факт имеет большое значение для понимания сути кириллической цивилизации. С одной стороны, это был своеобразный дебют, первый выход кириллической цивилизации на историческую сцену. С другой стороны, идея, лежащая в ее основе, имеет непреходящую ценность и сегодня: эта цивилизация готова принять любой народ, сохранив при этом его язык, культуру, образ жизни. В этом состоит великая гуманистическая ценность кириллической цивилизации – сохранение национальной самобытности, национального менталитета любого народа. Письменность в данном случае позволяет выработать так называемый культурологический иммунитет, то есть способность народа сохранять и защищать от чужеродных наслоений свои духовные ценности, язык, устои, обряды, обычаи – свое видение мира [5]. Таким образом, Кирилл и Мефодий, создав письменные знаки для славян, на самом

деле выстроили надежный щит против агрессоров с Запада, против глобалистов, которые во все века стремились лишить народы, в том числе и славян, собственной уникальности. Сегодня все чаще ученые говорят об агрессивном насаждении западных ценностей, то есть насильственном внедрении и насаждении неприемлемых для сотен стран религиозных, моральных и иных устоев, а также навязывании чуждого образа жизни посредством Всемирной паутины, теле- и радиокоммуникаций.

Стоит заметить, что подобные действия предпринимались неоднократно. Приведем только несколько примеров из новейшей истории. Первый пример – из нашего советского прошлого. Пятого января 1918 года был опубликован декрет наркома просвещения Луначарского, который обязывал все печатные издания Советской России «печататься согласно новому правописанию». Так был дан старт самой грандиозной реформе русского языка [7]. Однако реформа русской орфографии преследовала не только меркантильные цели. В противном бы случае она ограничилась ликвидацией нескольких «ненужных» букв. Изменяя язык, большевики смотрели далеко вперед. С введением новой реформы они фактически отрезали будущие поколения от «царского книжного наследия» без его реального уничтожения. У человека, обучавшегося по новым правилам русского языка, контакт с книгами, напечатанными при прошлом режиме, был бы весьма затруднительным. Русский язык был призван эволюционировать из языка Пушкина и Гоголя, которых большевики не планировали переводить по новым правилам, стать языком Ленина, Троцкого и прочих товарищей. Чем это могло закончиться для русской культуры, даже страшно представить. Но и это не все. Далее планировалось перевести русскую графику на латинскую основу, поскольку кириллица мешала мировой революции (большинство пролетариев в мире воспринимали только латинское письмо), а во-вторых, в латинице всего 26 букв. Чудесная экономия в бумаге и типографском наборе! Однако после того как одна за другой захлебнулись революции в Европе, власти потеряли интерес языку, а народ стал довольствоваться тем, что есть. Точнее – тем,

что осталось... Этот факт нашел отражение в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»: «Мы, геркулесовцы, как один человек, ответим <...> поголовным переводом делопроизводства на латинский алфавит». По словам митрополита Илариона (Алфеева), если бы этот план большевиков осуществился, мы бы читали сегодня произведения русских классиков не на привычном нам русском языке, а на так называемом руглише, то есть русском языке, записанном латинскими буквами. В этом ключе попытки «обалбанить» русский язык можно трактовать как лингвистическую или культурологическую диверсию, так как основной особенностью «русского албанского» является намеренное нарушение норм орфографии русского языка. Возникнув как языковая игра, как гротескная реакция на многочисленные орфографические ошибки в интернет-публикациях и репликах, вскоре многими безграмотными и бескультурными пользователями «олбанский» язык стал приниматься за чистую монету как результат орфографической реформы, сближающей правописание с произношением. Внушает оптимизм тот факт, что многие наблюдатели, включая таких известных лингвистов, как М. А. Кронгауз (автор книг «Самоучитель олбанского» и «Русский язык на грани нервного срыва»), констатируют неуклонное снижение популярности «языка падонкафф» и его различных модификаций со второй половины 2000-х гг.

Другой пример нападения на кириллический код – из Греции. В районе греческого города Салоники и в соседних с ним областях Македонии сложилась значительная славянская общность. По переписи 1951 года в регионе проживало свыше 41 тысячи носителей южнославянской речи [9]. В начале 20-го века греческое правительство, задавшись целью изолировать местных славян от собственно македонцев и болгар, предприняло попытки перевода их письменности на латиницу, хотя в среде православных славян еще во времена ранней Византии на основе греческого же алфавита зародилась кириллица, распространившаяся позже на север. Любопытна в этой связи клятва родителей, опубликованная в афинской газете «Сфера» за 1 сентября 1959 года: «Я обещаю

перед господом, народом и официальными властями, что с этого дня перестану говорить на славянском диалекте, что дает козни в руки врагов нашего государства – болгар, и что я буду говорить всегда и всюду на официальном языке нашего Отечества – греческом». Позднее греческие националисты, в том числе в Австралии, США и других странах, организовали митинги под лозунгом «Славянами в Греции и Салониках могут быть только туристы». Последний скандал произошел 24 мая 2008 года в День славянской письменности, когда македонский митрополит Стефан упрекнул правительство Греции в проведении политики эллинизации местных славян. Стефан в присутствии премьер-министра Македонии перед гробом св. Кирилла Философа сказал, обращаясь к святому: «Святой отче Кирилле, сегодня в твоей и нашей Солуни все окаменело. В твоём родном городе лишь прах и пепел, и ни буквы не осталось от твоего и нашего языка. В области, где все говорили как ты и как мы, сегодня македонцам нельзя не только говорить на своём языке, но и вообще существовать. К сожалению, все македонское там преследуется и искореняется, оспаривается даже имя и нашей страны, и нашей церкви, и сама истина» [1]. Слова македонского архиепископа, естественно, вызвали официальный протест Афин. Так без лишнего шума в 20 веке хотели уничтожить славян в Греции, просто лишив народ собственного языка. Действительно, язык – это не атомная бомба, его даже нельзя увидеть и потрогать, но языковые проблемы перекраивали карту мира сильнее, чем самые великие войны.

И последний пример из украинской истории. В клубке проблем этого государства языковые занимают не последнее место. Во-первых, объявление титульного языка государственным лишает русскоговорящих родного языка. Таких на Украине от 17 до 30% (по разным данным). Во-вторых, перевод русского языка в статус языка нацменьшинств искажает историческую роль русского языка, вообще русских в существовании данного государства. В-третьих, сегодня звучат голоса не просто об умалении статуса русского языка на Украине, но и вообще о переводе украинского языка на латинскую

графику. Русский язык якобы мешает интеграции Украины в Европейский Союз (вспомним о мировой революции, которой русский язык тоже мешал). К чему это приведет понятно: перевод на латиницу подорвет исторические основы этой нации и разорвет братские узы, которые нас соединяют и держат. Разъединенные народы, как уже не раз показала история, легче уничтожить.

Подведем итоги. Кирилл и Мефодий оставили нам уникальное наследие. Они создали простой и понятный алфавит, способствовавший распространению письменности, с одной стороны, и христианства – с другой. Кириллическая азбука, подобно свету и теплу огня, объединила вокруг себя народы, позволив им выйти из тьмы и сохранить собственную культуру и традиции. Кириллица – то, что объединяет народы, и не только славянские, напоминая об общих испытаниях и победах. Так сложилось, что сегодня кириллица ассоциируется с русским влиянием, и поэтому те страны, которые поддерживают с Россией положительные, конструктивные отношения, сохраняют и кириллическую письменность. Буквы оказываются важнейшими символами, такими же, как герб, флаг и гимн. Роль России в современном мире – защитить наш цивилизационный код, код Кирилла.

1. В День славянской письменности македонцы устроили скандал в Риме // Сайт Федерального информационного агентства «НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ». URL: <http://regions.ru/news/2144648/> (дата обращения: 20.07.2014).

2. Кронгауз М. А. Язык и коммуникация: новые тенденции // Сайт «Полит.ру». URL: <http://polit.ru/article/2009/03/19/communication/> (дата обращения: 03.07.2014).

3. Леонид (Кавелин), архимандрит. О родине и происхождении глаголицы и об ее отношении к кириллице // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, том LIII, №3. СПб., 1891. URL: <http://starieknigi.info> (дата обращения: 11.07.2014).

4. Лощиц Ю. Кирилл и Мефодий // Сайт «Русское воскресение». URL: <http://www.voskres.ru/bratstvo/loshchits.htm> (дата обращения: 21.07.2014).

5. Мелик-Шахназарян Л. Характер армянского народа. Ереван, 1999. URL: <http://www.armenianhouse.org/mshakhnazaryan/nf-ru/character.html> (дата обращения: 10.06.2014).

6. Павленко А. Плач Ярославны, или Украинский язык способен себя самостоятельно защитить // Интернет-газета «День». 2012. №100. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/podrobnosti/plach-yaroslavny> (дата обращения: 20.07.2014).

7. Плешанов А. Семь тайн реформы русского языка 1918 года // Русская семерка. URL: <http://russian7.ru/2014/01/7->

tajn-reformy-russkogo-yazyka-1918-goda/ (дата обращения: 15.07.2014).

8. Ростислав (князь Великой Моравии) // Википедия. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%EE%F1%F2%E8%F1%EB%E0%E2_\(%EA%ED%FF%E7%FC_%C2%E5%EB%E8%EA%EE%E9_%CC%EE%F0%E0%E2%E8%E8\)#cite_note-1](http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%EE%F1%F2%E8%F1%EB%E0%E2_(%EA%ED%FF%E7%FC_%C2%E5%EB%E8%EA%EE%E9_%CC%EE%F0%E0%E2%E8%E8)#cite_note-1) (дата обращения: 13.07.2014).

9. Салоники // Википедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E0%EB%EE%ED%E8%EA%E8#.D0.A1.D0.BB.D0.B0.D0.B2.D1.8F.D0.BD.D1.81.D0.BA.D0.BE.D0.B5_.D0.BC.D0.B5.D0.BD.D1.8C.D1.88.D0.B8.D0.BD.D1.81.D1.82.D0.B2.D0.BE (дата обращения: 05.07.2014).

10. Срезневский И. И. Древние глаголические памятники сравнительно с памятниками кириллицы. СПб., 1866. С. 163–220. URL: <http://starienigi.info> (дата обращения: 11.07.2014).

11. Чудинов В. А. Загадки славянской письменности. Что создали Кирилл и Мефодий? // Сайт Академии тринитаризма. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/005a/02110025.htm> (дата обращения: 05.07.2014).

1. V Den' slavyanskoj pis'mennosti makedoncy ustroili skandal v Rime // Sajt Federal'nogo informacionnogo agentstva «NOVOSTI FEDERACII». URL: <http://regions.ru/news/2144648/> (дата обращения: 20.07.2014).

2. Krongauz M. A. Yazyk i kommunikaciya: novye tendencii // Sajt «Polit.ru». URL: <http://polit.ru/article/2009/03/19/communication/> (дата обращения: 03.07.2014).

3. Leonid (Kavelin), arximandrit. O rodine i proisxozhdenii glagolicy i ob ee otnoshenii k kirillice // Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk, tom LIII, № 3. Spb., 1891. URL: <http://starienigi.info> (дата обращения: 11.07.2014).

4. Loshic Yu. Kirill i Mefodij // Sajt «Russkoe voskresenie». URL: <http://www.voskres.ru/bratstvo/loshchits.htm> (дата обращения: 21.07.2014).

5. Melik-Shahnazaryan L. Karakter armyanskogo naroda. Erevan, 1999. URL: <http://www.armenianhouse.org/mshakhnazaryan/nf-ru/character.html> (дата обращения: 10.06.2014).

6. Pavlenko A. Plach Yaroslavny, ili Ukrainskij yazyk sposoben sebya samostoyatel'no zashhitit' // Internet-gazeta «Den'». 2012. № 100. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/podrobnosti/plach-yaroslavny> (дата обращения: 20.07.2014).

7. Pleshanov A. Sem' tajn reformy russkogo yazyka 1918 goda // Russkaya semerka. URL: <http://russian7.ru/2014/01/7-tajn-reformy-russkogo-yazyka-1918-goda/> (дата обращения: 15.07.2014).

8. Rostislav (knyaz' Velikoj Moravii) // Vikipediya. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%EE%F1%F2%E8%F1%EB%E0%E2_\(%EA%ED%FF%E7%FC_%C2%E5%EB%E8%EA%EE%E9_%CC%EE%F0%E0%E2%E8%E8\)#cite_note-1](http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%EE%F1%F2%E8%F1%EB%E0%E2_(%EA%ED%FF%E7%FC_%C2%E5%EB%E8%EA%EE%E9_%CC%EE%F0%E0%E2%E8%E8)#cite_note-1) (дата обращения: 13.07.2014).

9. Saloniki // Vikipediya. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E0%EB%EE%ED%E8%EA%E8#.D0.A1.D0.BB.D0.B0.D0.B2.D1.8F.D0.BD.D1.81.D0.BA.D0.BE.D0.B5_.D0.BC.D0.B5.D0.BD.D1.8C.D1.88.D0.B8.D0.BD.D1.81.D1.82.D0.B2.D0.BE (дата обращения: 05.07.2014).

10. Sreznevskij I. I. Drevnie glagolicheskie pamyatniki sravnitel'no s pamyatnikami kirillicy. Spb., 1866. S. 163–220. URL: <http://starienigi.info> (дата обращения: 11.07.2014).

11. Chudinov V. A. Zagadki slavyanskoj pis'mennosti. Chto sozdali Kirill i Mefodij? // Sajt Akademii trinitarizma. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/005a/02110025.htm> (дата обращения: 05.07.2014).

HERITAGE OF CYRIL AND METHODIUS AS A PHILOSOPHICAL MESSAGE TO DESCENDANTS

Shpakovskaya Elena Evgenievna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Chair of Linguistics and professional communication,
Candidate of philological sciences, Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia,
E-mail: fakel3000@yandex.ru

Annotation

In the language of the people signed a cultural code that allows you to consolidate experience ethnicity, traditions, culture and at the same time the limits of their originality and identity. This is the kind of civilization code. For us it is Cyrillic.

Key words:

the Slavic written, Cyrillic civilization, culturological immunity.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПРАВ РАБОТНИКОВ КАК ФОРМА НАРОДОВЛАСТИЯ

Аббасова Елена Валерьевна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Челябинский филиал,
кафедра гражданско-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия,
E-mail: vaslena@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется осуществление органами местного самоуправления представительства прав и свобод в сфере труда. Предлагаются пути решения проблем, возникших в этой сфере.

Ключевые слова:

реализация полномочий органов местного самоуправления, местное сообщество, муниципальная власть, комитеты территориального общественного самоуправления.

Представительство – одна из основ демократии, гарантированной Конституцией РФ, в соответствии с которой народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления (ст. 3). Значительно многообразие представительства. Высшей его разновидностью является представительство народа. Оно может быть индивидуальным и коллективным, профсоюзным, корпоративным. Этот перечень не является исчерпывающим. «Представительное народовластие – это делегированное народом либо отдельными, входящими в него социальными образованиями, части принадлежащих ему прав избираемыми на демократических основах представительным органам государственной власти и местного самоуправления [5, с. 6]. Осуществление представительства многогранно, оно охватывает права и свободы граждан в государственной, общественной, социально-трудовой и других сферах.

Новейшая история подтверждает, что волевой подход к решению вопросов, затрагивающих коренные интересы населения страны или его значительной части, приводит к масштабным человеческим, экономическим потерям, во-

влекает в орбиту противостояния соседние территории, государства, мировое сообщество. Подтверждением этого могут служить события на Украине. Нельзя не отметить, что они происходят в стране, где в одной из первых на Руси зародились демократические институты. Важнейшей стороной жизни Киевской Руси была организация отношений между пригородами и городами, малым вечами и вечем большим. Князья вынуждены были ладить с жителями и заслуживать их расположение, в противном случае их рано или поздно изгоняли [10, с. 104].

Говоря об осуществлении представительства органами местного самоуправления прав работников в социально-трудовой сфере, следует отметить, что речь идёт о формировании поведения участников местного сообщества, включая работников, представителей бизнеса, установлении морально-правовых ценностей, мер по их обеспечению. Характерны особенности формирования муниципального правового поля, правовой культуры. Следует поддерживать высказанную в литературе точку зрения о том, что поскольку система местного самоуправления создавалась «сверху» посредством использования административного ресурса, то взаимосвязь

между административно-территориальными по своей природе муниципальными образованиями и местными сообществами, сложившаяся на основе социокультурной и исторической общности территории проживания, утратила самоочевидный характер [3, с. 16].

Вопрос об участии государственных органов, органов местного самоуправления в осуществлении защиты прав граждан, представительства интересов трудовых коллективов всегда вызывал неоднозначное мнение учёных. По мнению одних, защита этими органами чужих интересов «вытекает из обязанностей, возложенных на них в силу их компетенции» [4, с. 315]. Другая точка зрения заключалась в том, что данные органы не приспособлены для участия в гражданских правоотношениях в качестве равноправной стороны [6, с. 85]. Развитие законодательства шло по пути усиления роли органов публичной власти в защите интересов граждан. В соответствии с принятым в 1923 году Гражданским процессуальным кодексом РСФСР органы управления в определённых законом случаях имели право подавать иски в защиту других лиц, участвовать в интересах одной из сторон в судебных заседаниях (ст. 16). К числу дел, о которых идёт речь, относились установление опеки, расторжение кабальной сделки и др.

В ГПК РСФСР 1964 года участие органов публичной власти в названной деятельности получило дальнейшее развитие. Помимо предъявления в судебные органы исков в интересах других лиц, они могли вступить в судебный процесс для дачи заключения по делам в целях выполнения возложенных на них обязанностей и для представительства и защиты прав граждан и интересов государства (ст. 42).

Сегодня представители муниципальных образований по определениям судов нередко выступают с заключениями как специалисты. Помощь членам коллективов работников, гражданам большей частью оказывается при рассмотрении их обращений. Выполнению задачи, стоящей перед органами местного самоуправления по реализации публичных интересов, способствует работа с представителями коллективов работников. Она позволяет в ряде

случаев вырабатывать современные формы практической деятельности, осуществлять полномочия, предусмотренные ТК РФ.

Органы местного самоуправления имеют право:

– принимать нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права в пределах своей компетенции (ст. 5 Трудового кодекса РФ, далее ТК);

– выступать в качестве стороны социального партнёрства в случаях, когда являются работодателями и в других случаях, предусмотренных трудовым законодательством (ст. 25 ТК);

– представлять работодателя в социальном партнёрстве (ст. 34 ТК);

– взаимодействовать с Федеральной инспекцией труда (ст. 365 ТК).

Органы местного самоуправления обязаны обеспечивать условия для участия комиссий по регулированию социально-трудовых отношений в разработке и (или) обсуждении актов органов местного самоуправления в сфере труда (ст. 35 ТК).

Наделены они полномочиями по содействию занятости населения, рассмотрению обращений граждан, по регулированию трудовых отношений в организациях, финансируемых из местных бюджетов и др. Несмотря на значительный круг полномочий, коэффициент их использования органами местного самоуправления невелик. В определённой степени это можно объяснить значительной централизацией законодательного регулирования организации местного самоуправления, неполным, односторонним использованием имеющихся возможностей. В настоящее время прослеживается тенденция к сокращению полномочий федеральных и региональных органов государственной власти в сфере регулирования муниципально-правовых отношений. Но резервы в этой работе остаются. Трудно согласиться с тем, что законодательство предусматривает возможность органам государственной власти вмешиваться в деятельность органов местного самоуправления, относящуюся к компетенции последних. В ст. 75 Закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 02.07.2013, далее – Закон

№ 131-ФЗ) определён ряд случаев, когда такое вмешательство возможно. Это допускается:

– если вследствие решений, действий (бездействия) органов местного самоуправления возникает просроченная задолженность муниципальных образований по исполнению своих долговых и (или) бюджетных обязательств в установленных названным законом случаях;

– если при осуществлении отдельных переданных государственных полномочий за счёт предоставления субвенций местным бюджетам органами местного самоуправления было допущено нецелевое расходование бюджетных средств, либо нарушение Конституции РФ, федерального закона, иных нормативных правовых актов, установленных соответствующим судом в некоторых других случаях.

При анализе этих положений закона возникает вопрос о том, насколько они соотносятся со ст. 12 Конституции РФ, определившей, что местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно, а органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Логично было бы заключить, что механизм вмешательства органов государственной власти в компетенцию местного самоуправления, о котором идёт речь, должен быть исключён из Закона № 131-ФЗ. Но принятие такого решения вряд ли способствовало бы усилению муниципальных образований, поскольку их экономическое положение не даёт оснований для вывода об их самостоятельности. Источниками пополнения местных бюджетов являются собственные и регулирующие доходы. Собственные доходы включают в себя налоговые и неналоговые доходы, безвозмездные перечисления. Регулирующие доходы местных бюджетов образуются за счёт отчислений по федеральным и региональным налогам. Нормативы этих отчислений определяются субъектами Федерации. На практике размеры отчислений по регулирующим доходам нередко становятся предметом разногласий между муниципальными образованиями и субъектом федерации.

Говоря о второй причине – недостаточной эффективности органов местного самоуправления в работе по защите прав граждан в сфере труда, то есть о неполном, одностороннем ис-

пользовании имеющихся возможностей, необходимо отметить следующее. Низкий уровень взаимодействия между местным сообществом и муниципальной властью не способствует повышению эффективности её работы и реализации представителями трудовых коллективов, представителями работодателей защитной функции в сфере труда.

При постановке задач органами местного самоуправления далеко не всегда учитываются интересы тех, на кого должна быть рассчитана их деятельность. «Несмотря на постоянные изменения, затрагивающие систему местного самоуправления, накапливающийся практический опыт, граждане имеют смутные представления и о местном самоуправлении, и о формах участия в нём. Муниципальная власть в свою очередь рассматривает население лишь как пассивный объект управления, играющий несущественную роль. Исключения делаются лишь в предвыборный период, когда муниципальная власть «идёт в народ», давая всевозможные обещания решения проблем и улучшения жизни» [1, с. 55]. Поиск новых форм работы нередко осуществляется в большей степени с учётом необходимости решения органами местного самоуправления вопросов организационного характера (проведение выборов, субботников и др.).

Самодетельность масс является основным принципом государства. Важно, какую роль играют самодетельные организации, насколько они эффективны, необходимы. Эффективной формой взаимодействия граждан с органами муниципальной власти призвано стать использование жителями муниципального образования правотворческой инициативы. Как отмечает Е. И. Бычкова, в Челябинской области минимальное количество участников инициативной группы граждан для реализации такой инициативы различно: в Челябинске – не менее 10 человек, в Юрюзанском городском поселении – не менее 25 человек, в Миасском городском округе – не менее 0,01% от числа жителей, в Коркинском городском поселении – не менее 500 человек [2, с. 11].

Следует согласиться с высказанной автором точкой зрения, что в Положениях о правотворческой инициативе граждан муниципальных

образований следует закрепить не конкретное количество участников группы, а исходить из процентного соотношения такой группы и населения муниципального образования, которое периодически может меняться в ту или иную сторону.

В наши дни накоплен опыт практической деятельности комитетами территориального общественного самоуправления (КТОСы), принявшими на себя значительную часть работы с населением микрорайонов, посёлков, улиц. Органы местного самоуправления могут передавать комитетам на договорной основе часть своих полномочий с предоставлением необходимых для их осуществления финансовых, материальных ресурсов, устанавливать сферы совместной компетенции с органами территориального самоуправления.

Корреспонденты радио «Комсомольская правда» выяснили отношение различных категорий граждан к названному общественному самоуправлению. По мнению некоторых руководителей эти организации нужны людям, чтобы им не отстаивать очереди к кабинетам чиновников для решения той или иной проблемы («Они могут обратиться к нам, а мы уже передадим дело в административные органы»). Но, как показал опрос, лишь 7,8% опрошенных полагают, что КТОСы – это реальное городское самоуправление. Более половины респондентов (51%) считают, что это практически бесполезные организации, 29,4% – это политический рычаг за деньги налогоплательщиков [8]. Вместе с тем нельзя отрицать, что у этих организаций огромный резерв возможностей, но, чтобы стать эффективными, они не должны выполнять функции передаточного механизма между населением и муниципальной властью. Необходимо определение доступного для них уровня деятельности, прав и обязанностей не только с учётом сиюминутных задач, поставленных вышестоящими органами. Граждане должны чётко представлять, что они служат тем, кто их избрал. Особенности взаимодействия российских органов государственной и муниципальной власти, значительная степень несамостоятельности, характер деятельности последних дают основания полагать, что перспективно в определённых

случаях использование правовых схем, закрепляющих непосредственное осуществление органами государственной власти полномочий органов местного самоуправления на местном уровне.

Иногда «самостоятельность органов местного самоуправления в решении вопросов местного значения – всего лишь декларативная норма. В действительности, органы местного самоуправления – те же самые органы государственной власти, только на местном уровне» [9, с. 42–48]. Главное же заключается в том, что в настоящее время нет оснований полагать, что повсеместно сформировалась социальная основа местного самоуправления. Законодательные схемы не должны исключать самоуправления. Сложность заключается в определении того, каким должен быть его уровень, насколько тесна связь социума и публичной власти. Как отмечает А. С. Саломаткин, соединение принципов федерализма, местного самоуправления и рыночной экономики предполагает признание того, что соответствующее образование (от субъекта федерации до сельского поселения) обязано иметь сферу собственного регулирования общественных отношений, самостоятельно принимаемых под свою ответственность решений с учётом собственных ресурсов. Одним из главных направлений совершенствования территориальных организаций является становление и развитие национально-культурной автономии, развитие этнических общностей [7, с. 4]. Позиция других учёных заключается в том, что самоуправление возможно только на низовых уровнях самоорганизации граждан (сельские сходы, долговые и дворовые комитеты, школьное ядро, соседние дома и пр.), на уровнях досягаемого соседства [9, с. 42–48].

Вряд ли такой подход должен иметь повсеместное распространение. С последней точкой зрения следует согласиться в том случае, если соответствующее образование не имеет сферы собственного регулирования, его деятельность не соответствует возложенным на него задачам. В соответствии со ст. 12 Конституции РФ гарантируется местное самоуправление, то есть власть населения. Реалии таковы, что чаще всего мы имеем дело с властью органов местного

самоуправления, а через них – опосредованно – с властью субъектов Федерации.

1. Антипов К.А. Модели взаимодействия муниципальной власти и местного самоуправления // Социум и власть. 2012. №6.
2. Бычкова Е.И. Проблемы реализации правотворческой инициативы граждан (на примере муниципальных образований Челябинской области) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Право. Вып. №17. 2009.
3. Коултер Д. Культурные различия и управление // Проблема теории и практики управления. 1997. №3. С. 25–30.
4. Курс советского гражданского процессуального права: в 2 т. / Под ред. П.П. Гуреева, А.А. Добровольского, А.А. Мельникова и др. Т. 1. – М.: Наука, 1981.
5. Лебедев В.А. Проблемы народ-представительства в Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. Право. Выпуск 28. 2011.
6. Мицкевич Л.А. О правовой природе и признаках органов государства // Споры с участием государственных органов. М.: Винор-Медиа, 2006.
7. Саломаткин А.С. Территориальная организация российского государства: государственно-правовые вопросы. Автореф. дисс. д-ра наук / А.С. Саломаткин. – М., 1996.
8. Сергеева Е. КТОСам 20 лет! А кто это? Радио «Комсомольская правда». 2011 г. 18 сентября.
9. Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. и др. Национальная идея России. Т. 6. – М.: Научный эксперт, 2012.
10. Ялаева К.Т. Становление и развитие демократических и политических институтов со времён Киевской Руси

до середины XVIII века // Вестник Челябинского государственного университета. Право. Выпуск 28. 2011.

1. Antip'ev K.A. Modeli vzaimodejstviya municipal'noj vlasti i mestnogo samoupravleniya // Socium i vlast'. 2012. №6.
2. Bychkova E.I. Problemy realizacii pravotvorcheskoj iniciativy grazhdan (na primere municipal'nyx obrazovanij Chelyabinskoy oblasti) // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. Vyp. №17. 2009.
3. Koulter D. Kul'turnye razlichiya i upravlenie // Problema teorii i praktiki upravleniya. 1997. №3. S. 25–30.
4. Kurs sovetskogo grazhdanskogo processual'nogo prava: v 2 t. / Pod red. P.P. Gureeva, A.A. Dobrovol'skogo, A.A. Mel'nikova i dr. T. 1. – M.: Nauka, 1981.
5. Lebedev V.A. Problemy narod-predstavitel'stva v Rossijskoj Federacii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. Vypusk 28. 2011.
6. Mickevich L.A. O pravovoj prirode i priznakax organov gosudarstva // Spory s uchastiem gosudarstvennyx organov. M.: Vinor-Media, 2006.
7. Salomatkin A.S. Territorial'naya organizaciya rossijskogo gosudarstva: gosudarstvenno-pravovye voprosy. Avtoref. diss. d-ra nauk / A.S. Salomatkin. – M., 1996.
8. Sergeeva E. KTOSam 20 let! A kto e'to? Radio «Komsomol'skaya pravda». 2011 g. 18 sentyabrya.
9. Yakunin V.I., Sulakshin S.S., Bagdasaryan V.E'. i dr. Nacional'naya ideya Rossii. T. 6. – M.: Nauchnyj e'kspert, 2012.
10. Yalaeva K.T. Stanovlenie i razvitie demokraticeskix i politicheskix institutov so vremyon Kievskoj Rusi do serediny XVIII veka // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. Vypusk 28. 2011.

REPRESENTATION LOCAL GOVERNMENTS OF THE RIGHTS OF WORKERS AS THE DEMOCRACY FORM

Abbasova Elena Valerievna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
 Chelyabinsk branch,
 Chair of civil-law disciplines,
 Candidate of jurisprudence, the senior lecturer,
 Chelyabinsk, Russia,
 E-mail: vaslena@mail.ru

Annotation

The article examines the implementation of the local government offices of the rights and freedoms in the workplace. It suggests the ways to solve the problems encountered in this field.

Key words:

implementation of local self-government, local community, municipal authorities, territorial self-government committees.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НОТАРИУСА И РЕГИСТРАТОРА ПРИ РЕГИСТРАЦИИ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМОСТЬЮ

Иржанова Гузалия Радиковна,

Челябинский государственный университет,
Институт права,
кафедра гражданского права и процесса,
студентка,
г. Челябинск, Россия,
E-mail: irzhanova.gr@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена вопросу об ответственности нотариуса и государственного регистратора. Проанализированы последние изменения законодательства о регистрации сделок с недвижимостью.

Ключевые слова:

государственная регистрация, нотариат, недвижимое имущество, государственный регистратор, нотариус.

Вопросы, касающиеся проблемы отношений нотариата и государственной регистрации, достаточно давно являются предметом научных и практических дискуссий. В России до 31 января 1998 года все сделки с недвижимостью подлежали обязательному нотариальному удостоверению: купля-продажа, мена и дарение квартиры, жилого дома и дачи. Однако эти функции у нотариусов были изъяты с введением закона № 122 ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [1].

Нормы Конституции Российской Федерации, конституции (уставы) субъектов Российской Федерации и Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (далее – Основы законодательства о нотариате) призывают нотариат обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации. Но несмотря на то, что нотариат действует от имени государства, его основное предназначение для действий, касающихся гражданского оборота (исключение составляют лишь некоторые нотариальные действия), а зна-

чит и область ответственности за совершаемые действия, – частноправовые отношения.

Институт государственной регистрации базируется на гражданском законодательстве (например, п. 2 ст. 8, ст. 131, 164, 219 и многие другие статьи Гражданского кодекса РФ) [2]. В ст. 2 (ФЗ № 122) указано, что регистрация – это юридический акт признания и подтверждения государством возникновения, ограничения (обременения), перехода или прекращения прав на недвижимое имущество. В отличие от института нотариата ответственность регистрирующего органа за совершаемые им регистрационные действия прописана в текущем законодательстве весьма декларативно.

Согласно ст. 31 (ФЗ № 122) органы, осуществляющие государственную регистрацию, несут ответственность за своевременное, полное и точное исполнение своих обязанностей, а также за полноту и подлинность предоставляемой информации о зарегистрированных правах на недвижимое имущество и сделках с ним, необоснованный отказ в государственной регистрации прав или уклонение от государственной регистрации прав. Вред, причиненный физическим или юридическим лицам в результате ненадлежащего исполне-

ния регистрирующими органами возложенных на них обязанностей, возмещается за счет казны Российской Федерации в полном объеме. Кроме того, лица, виновные в умышленном или неосторожном искажении либо утрате информации о правах на недвижимое имущество и сделках с ним, несут ответственность за материальный ущерб, нанесенный в связи с этим какой-либо из сторон, в соответствии с законодательством Российской Федерации [2].

Относительно отказа в государственной регистрации прав или уклонение от государственной регистрации прав можно рассмотреть дело N А17-7065/2013 от 30.04.2014 г. суда Ивановской области, где акционерный коммерческий банк «Инвестторгбанк» (далее – заявитель, Банк, АКБ «Инвестторгбанк») обратился в Арбитражный суд Ивановской области с заявлением о признании незаконным решения от 04.10.2013 N 01/259/2013-2 Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Ивановской области (далее – ответчик, Управление, Управление Росреестра по ИО) об отказе в государственной регистрации соглашения от 23.07.2013 о расторжении договора аренды земель в городе Иваново от 07.04.1999 N 01-2874 и об обязанности Управления осуществить государственную регистрацию указанного соглашения. В данном случае договор аренды от 07.04.1999 N 01-2874 прошел государственную регистрацию, следовательно, в силу положений пункта 2 статьи 8.1 ГК РФ право аренды по данному договору прекращается с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр, если иное не установлено законом. Действующее законодательство не устанавливает иной порядок прекращения действия договоров аренды земельных участков, прошедших государственную регистрацию. В рассматриваемом случае оспариваемый отказ в государственной регистрации соглашения о расторжении договора аренды земель обусловлен отсутствием в ЕГРП сведений о регистрации договора аренды земель в г. Иваново от 07.04.1999 N 01-2874. Доводы заявителя, жалобы о неправомерности

оспариваемого отказа подлежат отклонению, поскольку основаны на ошибочном толковании норм материального права и неправильной оценке фактических обстоятельств дела. Ссылку Банка в подтверждение своих доводов о регистрации договора аренды от 07.04.1999 N 01-2874 на свидетельство о государственной регистрации права от 21.04.2009 (л. д. 21) суд апелляционной инстанции находит несостоятельной.

Указанный документ выдан Комитетом по земельным ресурсам и землеустройству города Иваново (далее – Комитет) со ссылкой на внесение регистрационной записи в ЕГРП. В то же время, как отмечалось выше, государственный реестр, ведущийся в настоящее время в Управлении Росреестра по ИО в соответствии с положениями Закона N 122-ФЗ, данных сведений не содержит [3].

С 1 марта 2013 года вступил в силу Федеральный закон от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», по-новому регламентирующий регистрацию и нотариальное заверение различных сделок, заключаемых в отношении недвижимого имущества [6, с 7-8].

Необходимо также рассмотреть, что законодатель ввел в Гражданский кодекс новую статью 8.1. под названием «Государственная регистрация прав на имущество», которая лежит в основе изменений, касающихся деятельности Росреестра и нотариата, а также устанавливает базовые принципы государственной регистрации прав на имущество, такие как принципы проверки законности оснований регистрации, публичности и достоверности государственного реестра. Административная и судебная практика использования которых, возможно, основательно изменит правовое регулирование государственной регистрации прав на имущество. По статье, в государственном реестре должны быть указаны данные, позволяющие определенно установить: объект, на который устанавливается право, управомоченное лицо, содержание права, основание его возникновения.

В результате реформы гражданского законодательства произошли изменения относительно регистрации прав на недвижимое имущество по нотариально удостоверенным сделкам, внесенные Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 379-ФЗ) в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1, и вступившие в силу с 1 февраля 2014 года. Закон № 379-ФЗ основывается на новой ст. 8.1 ГК РФ о государственной регистрации прав на имущество, действующей с 1 марта 2013 года, которая лежит в основе изменений касающихся деятельности Росреестра и нотариата [7].

Поскольку в 90-е годы нотариусы не принимали участие, при наведении порядка законодатель возлагал ответственность за проверку законности сделок на специалистов Минюста РФ, и необходимость нотариальной регистрации сделок с недвижимостью не рассматривалась.

Однако возникающие сомнения в необходимости проверки Росреестром законности сделок привели к закреплению в ст. 8.1 ГК РФ необходимости нотариального удостоверения сделок в случаях, предусмотренных законом или соглашением сторон (п. 3 ст. 8.1 ГК РФ). В отношении сделок с недвижимостью предлагается разграничить ответственность нотариуса и регистратора. Важным моментом является также то, что в п. 5 ст. 8.1 ГК РФ оговорено, что «в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом» проверка законности сделок Росреестром необходима. Соответственно, если законодательством прямо не предусматривается такая проверка, Росреестр ее не проводит. Так Ростовским областным судом было рассмотрено дело N 33–5241/2014 от 16.04.2014 г. о признании права собственности на земельный участок, жилой дом и хозяйственные постройки гражданки С. В обоснование заявленных требований указала, что между ней и (ФИО) 5 был заключен договор дарения земельного участка, даритель (ФИО) 5 умер, право собственности на недвижимость за ней зарегистрировано

не было. Поскольку договор дарения был подписан сторонами и удостоверен нотариусом, истец просила суд признать за ней право собственности на земельный участок и находящиеся на нем строения. Решение суда опирается на Федеральный закон от 30.12.2012 г. N 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой ГК РФ», вступившим в силу 01 марта 2013 года, где установлено, что правило о государственной регистрации сделок с недвижимым имуществом, содержащееся в статье 574, не подлежит применению к договорам, заключаемым после 1 марта 2013 года. А также, согласно п. 3 ст. 8.1 ГК РФ, в случаях, предусмотренных законом или соглашением сторон, сделка, влекущая возникновение, изменение или прекращение прав на имущество, которые подлежат государственной регистрации, должна быть нотариально удостоверена. Запись в государственный реестр вносится при наличии заявлений об этом всех лиц, совершивших сделку, если иное не установлено законом. Если сделка совершена в нотариальной форме, запись в государственный реестр может быть внесена по заявлению любой стороны сделки, в том числе через нотариуса. Отказывая в удовлетворении заявленных К. требований, суд первой инстанции руководствовался ст. 18 ЖК РФ, ст. ст. 8.1, 131, 223 ГК РФ, ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой ГК РФ» от 30.12.2012 г. и исходил из того, что истицей не представлено доказательств того, что ее права нарушены, и она не может зарегистрировать за собой право собственности на приобретенное ею по договору дарения недвижимое имущество без участия второй стороны. Судебная коллегия полагает, что в связи с тем, что договор дарения сторонами заключен в письменной форме, нотариально удостоверен и исполнен, суд пришел к обоснованному выводу о том, что у К. отсутствуют основания требовать через суд признания права собственности на недвижимое имущество [4].

Важным является также сокращение срока регистрации прав на недвижимое имущество, если сделка нотариально заверена до пяти рабочих дней вместо восемнадцати, предусмотрен-

ных для сделок в простой письменной форме. Это связано с тем, что Росреестр не осуществляет правовую экспертизу нотариально удостоверенной сделки. Документы о регистрации прав, заявление теперь могут быть направлены нотариусом, сопровождающим и удостоверяющим сделку.

В результате нововведений граждан, приобретающий недвижимость, вправе выбирать, пользоваться ли ему услугами риелтора, проводя все через регистрационную палату, либо доверить оформление нотариусу. Законодатель упростил процедуру для граждан и увеличил вероятность состоятельности сделки, так как с удостоверением сделки нотариусом она приобрела повышенную правовую защиту. Повышенный и длительный документооборот сводится к минимуму, так как информативную базу нотариус может запрашивать в электронном виде. Нотариус теперь может оказать клиенту комплекс услуг: удостоверить сделку, передать документы на регистрацию, получить их и вручить клиенту [5].

Государственный регистратор в обязательном порядке проверяет предоставленные для регистрации документы, но только на основании требований законодательства к их оформлению. Учреждения юстиции обязаны провести правовую экспертизу и проверку законности сделок с недвижимостью независимо от того, заключена она в простой письменной или нотариальной форме, а договор должен соответствовать требованиям законодательства, и к нему должны быть приложены необходимые документы. Однако практика показывает, что граждане сами из-за отсутствия юридических знаний не могут грамотно составить договор, что-то обязательно останется без внимания [8]. При этом регистрационная палата не отвечает за правильность составления договора, так как это не предусмотрено. Регистрируя такой договор, регистрационная палата не несет ответственности за содержание и законность сделки с недвижимостью. Если, например, окажется, что при продаже квартиры не истребованы все необходимые документы и договор признается недействительным в судебном порядке,

то покупатель не может предъявить претензии к регистрирующему органу, так как по закону регистрационная палата не несет никакой материальной ответственности. Нотариус же при удостоверении договора не просто ставит подпись и печать, а проверяет дееспособность граждан и законность сделки, разъясняет сторонам ее правовое значение, предупреждает о неблагоприятных последствиях, которые возможны.

Мнение специалистов сводится к тому, что в результате нововведений сделки с недвижимостью, подаваемые на государственную регистрацию удостоверенные нотариусами, возрастут преимущественно перед сделками, заключенными в простой письменной форме. Однако оценить эффективность предложенных мер и значимость для гражданского оборота в области недвижимости можно будет, получив практику применения, поскольку опыт ведения документооборота сделок с недвижимостью в правовой истории России уже имел место.

1. Федеральный закон №122 «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/11901341/>.

2. Гражданский Кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/review/fed/nw2013-04-04.html> // КонсультантПлюс, 1992–2014.

3. Постановление Второго Арбитражного апелляционного суда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/review/fed/nw2013-04-04.html> // КонсультантПлюс, 1992–2014.

4. Апелляционное определение Ростовского областного суда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/review/fed/nw2013-04-04.html> // КонсультантПлюс, 1992–2014.

5. А. Волкова. Кто-нибудь один? // Российская «Бизнес-газета» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rg.ru/2013/11/05/.

6. Коллектив авторов – Десять самых значимых изменений в Гражданский кодекс // Правовая газета «Статус» № 1–2 (21–22) / 2013, с. 7–8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intellectpro.ru>.

7. Суханов Е.А. – Права на имущество или сделки с недвижимостью? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ИА «ГАРАНТ»: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/456860/#ixzz2x63pvFf5>.

8. Золотоглавый А. – «Пока рано делать выводы о количестве нотариальных сделок с недвижимостью» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newsfrom.ru/news/Analitika/196455.html>.

1. Federal'nyj zakon № 122 «O gosudarstvennoj registracii prav na nedvizhimoe imushhestvo i sdelok s nim» [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://base.garant.ru/11901341/>.
2. Grazhdanskij Kodeks Rossijskoj Federacii [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/law/review/fed/nw2013-04-04.html> // Konsul'tantPlyus, 1992–2014.
3. Postanovlenie Vtorogo Arbitrazhnogo apellyacionnogo suda [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/law/review/fed/nw2013-04-04.html> // Konsul'tantPlyus, 1992–2014.
4. Apellyacionnoe opredelenie Rostovskogo oblastnogo suda [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/law/review/fed/nw2013-04-04.html> // Konsul'tantPlyus, 1992–2014.
5. A. Volkova. Kto-nibud' odin? // Rossijskaya «Biznes-gazeta» [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: www.rg.ru/2013/11/05/.
6. Kollektiv avtorov – Desyat' samyx znachimyx izmenenij v Grazhdanskij kodeks // Pravovaya gazeta «Status» № 1–2 (21–22) / 2013, s. 7–8 [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.intellectpro.ru>.
7. Suxanov E.A. – Prava na imushhestvo ili sdelki s nedvizhimost'yu? [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: IA «GARANT»: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/456860/#ixzz2x63pvFf5>.
8. Zolotoglavyj A. – «Poka rano delat' vyvody o kolichestve notarial'nyx sdelok s nedvizhimost'yu» [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://newsprom.ru/news/Analitika/196455.html>.

THE RESPONSIBILITY OF THE NOTARY AND STATE REGISTRAR AT REGISTRATION OF REAL ESTATE TRANSACTIONS

Irzhanova Guzalia Radikovna,

Chelyabinsk State University,
Institute of Law,
Department of Civil Law,
student,
Chelyabinsk, Russia,
E-mail: irzhanova.gr@mail.ru

Annotation

The article is devoted to the question of the responsibility of the notary and registrar. Last changes in legislation concerning the registration of real estate transactions are analyzed.

Key words:

state registration, notariate, real estate, state Registrar, notary.

ИЗМЕНЕНИЕ И ПРЕКРАЩЕНИЕ ДОГОВОРА УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМ ДОМОМ

Петрова Татьяна Викторовна,

Челябинский государственный университет,
 Институт права,
 магистрант,
 г. Челябинск, Россия,
 E-mail: t.petrova_info@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются способы изменения и прекращения договора управления многоквартирным домом, предусмотренные законодательством РФ. Рассматривается практика судебных споров, связанных с расторжением договора управления многоквартирным домом.

Ключевые слова:

договор управления многоквартирным домом, изменение договора управления, прекращение договора управления, расторжение договора управления.

В настоящее время вопросы изменения и прекращения договора управления многоквартирным домом приобретают все большую актуальность, поскольку управление жилищным фондом в основном осуществляется управляющими организациями, а правовой основой этому служит договор управления. У собственников жилых помещений и управляющих компаний зачастую возникают разногласия, которые могут быть разрешены путем изменения договора управления либо его прекращением.

Порядок заключения и исполнения договора управления урегулирован Жилищным кодексом Российской Федерации (далее – ЖК РФ) достаточно подробно, однако вопросы изменения и прекращения договора управления им практически не регламентированы – в п. 8 ст. 162 ЖК РФ говорится: «Изменение и (или) расторжение договора управления многоквартирным домом осуществляются в порядке, предусмотренном гражданским законодательством» [2]. При этом нормы общей части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) не учитывают специфику договора управления многоквартирным домом, что на практике порождает множество вопросов, в частности,

о применении особенной части ГК РФ к договору управления. Общие положения об изменении и расторжении договора закреплены в гл. 29 ГК РФ (ст. 450–453) [1].

В соответствии с законодательством РФ договор управления многоквартирным домом может быть изменен или расторгнут в досудебном порядке:

- по соглашению сторон в соответствии с п. 1 ст. 450 ГК РФ;
- в одностороннем порядке собственниками жилых помещений в соответствии с п. 8.1 и 8.2. ст. 162 ЖК РФ;
- в иных случаях, предусмотренных отдельными положениями ГК РФ и других законов, а также самим договором, заключенным между сторонами (ст. 450 ГК РФ).

В судебном порядке договор управления многоквартирным домом может быть изменен или расторгнут:

- по решению суда при существенном нарушении договора другой стороной в соответствии с п. 2 ст. 450 ГК РФ;
- по решению суда по причине существенного изменения обстоятельств в порядке, установленном ст. 451 ГК РФ;

– по решению суда в иных случаях, предусмотренных ГК РФ, другими законами или договором.

Рассмотрим подробнее указанные способы изменения, либо расторжения договора управления многоквартирным домом в досудебном порядке.

Как было указано, гражданское законодательство допускает одностороннее изменение и расторжение договора, если это предусмотрено ГК РФ, иными законами или договором (ст. 450 ГК РФ).

Как исключение из общего правила, для договора управления многоквартирным домом ЖК РФ предусмотрены случаи, когда от договора можно отказаться в одностороннем порядке. С такой инициативой вправе выступить только собственники помещений по основаниям, установленным частями 8.1 и 8.2 статьи 162 ЖК РФ.

Во-первых, односторонний отказ собственников от исполнения договора управления возможен в случае принятия собственниками помещений в многоквартирном доме решения о выборе или об изменении способа управления этим домом, если договор управления был заключен по результатам открытого конкурса, проведенного органом местного самоуправления. При этом такое право собственники могут реализовать по истечении каждого последующего года со дня заключения договора управления (п. 8.1 ст. 162 ЖК РФ).

Во-вторых, к таким случаям закон относит невыполнение управляющей организацией условий договора управления. При этих обстоятельствах решение об отказе от договора принимается на общем собрании собственников помещений в многоквартирном доме (п. 8.2 ст. 162 ЖК РФ).

По мнению автора статьи по данной норме закона сложилась неоднозначная судебная практика.

Прецедентным стало дело, итогом которого стало Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ 1027/10 от 15 июля 2010 года [5].

В данном деле ООО «УК «МДС» обратилось с иском к ООО «ЖРЭП-4» о понуждении

передать техническую документацию, необходимую для обслуживания многоквартирного жилого дома.

Истец ссылался на то, что в ноябре 2007 г. собственники помещений выбрали управляющей организацией ЖРЭП-4, а в апреле 2008 года собственники общим собранием в форме заочного голосования приняли решение о передаче функций управляющей организации УК «МДС».

Суды первой апелляционной и кассационной инстанций пришли к выводу об обоснованности иска на том основании, что собственники вправе в любое время отказаться от исполнения договора управления при условии возмещения управляющей компании понесенных расходов.

Однако в надзорной инстанции, отменяя все судебные акты по делу, Президиум Высшего Арбитражного Суда указал, что договор управления многоквартирным домом по своей природе является особым видом договора, такой договор может быть досрочно прекращен в одностороннем порядке по инициативе собственников помещений по основаниям, установленным частями 8.1 и 8.2 статьи 162 Жилищного кодекса, а также в случаях, определенных соглашением сторон.

Согласно части 8.2 статьи 162 ЖК РФ собственники в одностороннем порядке вправе отказаться от исполнения договора управления, если управляющая организация не выполняет условий такого договора.

Поскольку в ходе рассмотрения дела не было установлено, что ответчиком нарушены условия договора, а возможность отказа от договора без указания причин самим этим договором не предусмотрена, то порядок расторжения договора собственниками помещений не соблюден, для удовлетворения иска не было оснований.

Таким образом, Президиум ВАС расставил точки над «i», после чего судебная практика по делам с аналогичными обстоятельствами начала обретать единообразие: собственники МКД, избравшие новую управляющую организацию до истечения срока договора с ранее избранной организацией, обязаны были предо-

ставить суду доказательства ненадлежащего исполнения последней своих договорных обязательств.

Арбитражная практика стала последовательно проводить правовую позицию Президиума Высшего Арбитражного Суда, изложенную в Постановлении № 1027/10 от 15 июля 2010 года: досрочное расторжение договора управления многоквартирным домом по инициативе одной из сторон, в том числе собственников, без указания мотива возможно только при наличии такого условия в договоре. Такие обстоятельства, например, имели место в деле № А71–20245/2009 (Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № ВАС-16387/10 от 23 ноября 2010 года по делу № А71–20245/2009) [3]. В остальных же случаях односторонний отказ собственников от договора возможен лишь при условии ненадлежащего исполнения договорных обязательств управляющей организацией (например, это указано в Определении Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № ВАС-10923/10 от 19 августа 2010 года по делу № А71–15079/2009) [4].

В июне 2011 года Жилищный кодекс РФ обрел ряд важных изменений (Федеральный закон от 4 июня 2011 года № 123-ФЗ). И 22 ноября 2011 года Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ было принято Постановление № 7677/11 [6], в котором арбитражным судам предписывается руководствоваться новыми толкованиями положений части 8.2 статьи 162 Жилищного кодекса.

При этом Президиум ВАС указывает, что часть 8.2 статьи 162 Жилищного кодекса, измененная Федеральным законом № 123-ФЗ, в новой редакции позволяет собственникам помещений жилого дома в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора управления не только в случае, если управляющая организация не выполняет условий такого договора, но и в случае принятия решения о выборе иной управляющей организации или изменения способа управления данным домом.

Однако автор данной статьи считает, что буква закона не подразумевает такого толко-

вания. В новой редакции п. 8.2 ст. 162 ЖК РФ звучит так: «Собственники помещений в многоквартирном доме на основании решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме в одностороннем порядке вправе отказаться от исполнения договора управления многоквартирным домом, если управляющая организация не выполняет условий такого договора, и принять решение о выборе иной управляющей организации или об изменении способа управления данным домом». То есть обязательная предпосылка для одностороннего отказа собственников от договора остается прежней – невыполнение управляющей организацией условий договора.

Только при наличии этой предпосылки, как ее следствие, возникает право собственников в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора управления многоквартирным домом и принять решение о выборе иной управляющей организации или об изменении способа управления данным домом.

Из Постановления Президиума ВАС следует, что часть 8.2 статьи 162 Жилищного кодекса в редакции Федерального закона № 123-ФЗ предоставляет собственникам помещений три самостоятельных, отдельных одно от другого, права:

- в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора управления многоквартирным домом, если управляющая организация не выполняет условий такого договора;
- принять решение о выборе иной управляющей организации;
- принять решение об изменении способа управления данным домом.

Таким образом, по мнению автора статьи, правовая позиция Президиума Высшего Арбитражного Суда не вполне соответствует букве закона, представляя своеобразное толкование п. 8.2 ст. 162 ЖК РФ.

Еще одним белым пятном, в законодательстве является вопрос о том, каким же образом устанавливается факт невыполнения управляющей компанией условий договора, достаточный для его расторжения в одностороннем порядке.

М.О. Денисова упоминает Правила эксплуатации жилфонда [10], требования которых в части надлежащего содержания и ремонта жилищного фонда распространяются на управляющие компании всех организационно-правовых форм [12, с. 57]. То есть, если управляющая организация нарушает порядок содержания и ремонта дома в целом, либо порядок осуществления отдельных процедур, обозначенных на уровне нормативно-правового акта, в частности, а также имеет соответствующие предписания об устранении выявленных нарушений со стороны государственной жилищной инспекции, у собственников помещений, по мнению М.О. Денисовой, есть повод усомниться в том, выполняет ли УК условия договора управления со всеми вытекающими последствиями. Доказывать в судебном порядке данный факт, чтобы реализовать свое право на односторонний отказ от исполнения договора, собственники не должны. Следовательно, если на общем собрании будет принято решение о смене УК (по причине невыполнения ею условий договора), формально этого будет достаточно для легитимного расторжения договора в одностороннем порядке. Управляющая компания не лишена возможности защиты своих прав и может оспорить решение собственников в судебном порядке. Если ситуация получит именно такое развитие, собственники помещений (их представители) будут обязаны подготовить доказательную базу по факту невыполнения управляющей компанией условий договора управления, после чего суд решит, правомерно ли расторжение договора в одностороннем порядке в конкретном рассматриваемом случае [12, с. 58].

И. Кузьмичева указывает на применение ст. 165 ЖК РФ [13, с. 105]. Согласно части 1.1 статьи 165 ЖК РФ орган местного самоуправления на основании обращения собственников помещений в многоквартирном доме, председателя совета многоквартирного дома о невыполнении управляющей организацией обязательств в 5-дневный срок проводит внеплановую проверку деятельности управляющей организации. В случае если по результатам

указанной проверки выявлено невыполнение управляющей организацией условий договора управления многоквартирным домом, орган местного самоуправления не позднее чем через пятнадцать дней со дня соответствующего обращения созывает собрание собственников помещений в данном доме для решения вопросов о расторжении договора с такой управляющей организацией и о выборе новой управляющей организации или об изменении способа управления данным домом.

Законодателем снята проблема доказывания по данной категории споров, так как надлежащим доказательством невыполнения управляющей организацией условий договора теперь является только заключение органа местного самоуправления по итогам проверки.

Договором управления могут быть установлены и иные случаи, когда допустим односторонний отказ от исполнения договора по инициативе собственников.

Для управляющей организации ЖК РФ не предусматривает оснований для отказа от исполнения договора управления многоквартирным домом.

Однако С.А. Громадская, рассматривая вопрос одностороннего отказа от исполнения договора управляющей компанией, отмечает, что «в том случае, если управляющая компания не пришла к соглашению с собственниками о расторжении договора, он может быть расторгнут управляющей компанией в одностороннем порядке только если условиями этого договора предусмотрено такое право. На практике договоры содержат положения, позволяющие управляющей компании отказаться от договора управления, например, в случае если дом пришел в аварийное состояние по обстоятельствам, за которые управляющая компания не отвечает» [11, с. 100].

Еще одним способом одностороннего отказа от исполнения договора управления многоквартирным домом со стороны управляющей компании до недавнего времени было применение положения главы 39 «Возмездное оказание услуг» ГК РФ, в частности статьи 782 ГК РФ, предусматривающей возможность

для исполнителя (управляющей организации) в одностороннем порядке отказаться от договора. Существовала судебная практика, подтверждающая возможность применения данной статьи к регулированию договора управления многоквартирным домом.

Однако в Постановлении Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 26 июля 2011 года по делу № А05–14180/2010 [8] сформулирована правовая позиция о неприменимости положений статьи 782 ГК РФ к договору управления: «Кассационная инстанция полагает неправильным применение к договору управления многоквартирным домом положений статьи 782 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Названная норма предусматривает право как заказчика, так и исполнителя отказаться от исполнения обязательств по договору возмездного оказания услуг. Вместе с тем Жилищный кодекс Российской Федерации прямо предусматривает иное регулирование отказа от исполнения договора управления многоквартирным домом со стороны собственников помещений. Право собственников помещений отказаться от договора обусловлено нарушением условий договора со стороны управляющей организации, то есть собственники не вправе отказаться от договора, как это предусмотрено для заказчика в пункте 1 статьи 782 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Предоставление управляющей организации права отказаться от договора управления на основании пункта 2 статьи 782 Гражданского кодекса Российской Федерации нарушило бы баланс интересов».

Таким образом, без обращения в суд любой договор может быть изменен или расторгнут, только когда стороны, заключившие его, пришли к определенному консенсусу, либо возможность изменения и расторжения договора в одностороннем внесудебном порядке прямо установлена самим договором, либо в случаях, предусмотренных частями 8.1 и 8.2 статьи 162 ЖК РФ.

Далее рассмотрим, как решается вопрос изменения либо расторжения договора управ-

ления многоквартирным домом в судебном порядке.

По требованию управляющей компании договор может быть расторгнут в судебном порядке, но только при существенном нарушении договора со стороны собственников помещений в многоквартирном доме.

По общему правилу, существенным признается нарушение договора одной из сторон, которое влечет для другой стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора. К таким случаям относятся, в частности, неоплата услуг управляющей компании больше двух раз подряд, ухудшение состояния жилищного фонда по вине собственников.

Как отмечает С. А. Громадская, в настоящее время такая категория дел в судах практически не рассматривается, поскольку управляющие компании редко прибегают к такому способу защиты из-за технической сложности ведения судебного процесса [11, с. 102]. В таком деле ответчиками должны будут выступать все собственники помещений в многоквартирном доме. Как правило, управляющие компании взыскивают задолженность по оплате договора управления в судебном порядке, а по истечении срока его действия отказываются от его пролонгации.

Еще одним из сложных способов расторжения договора для управляющей компании является способ, предусмотренный статьей 451 ГК РФ, – расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств.

Существенное изменение обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора, является основанием для его изменения или расторжения, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из его существа.

Изменение обстоятельств признается существенным, когда они изменились настолько, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях.

Применительно к расторжению договора управления многоквартирным домом в связи с существенным изменением обстоятельств судебная практика к настоящему времени не сформировалась. При рассмотрении споров, связанных с изменением и расторжением иных гражданско-правовых договоров, суды существенным изменением обстоятельств признавали:

- обстоятельства, связанные с изменениями в сфере государственного регулирования ценообразования;
- аварийное состояние объекта договора;
- непредсказуемые темпы инфляции;
- существенное возрастание стоимости материалов и оборудования, предоставляемых подрядчиком, а также оказываемых ему третьими лицами услуг [7; 9].

Итак, вопросы изменения и расторжения договора управления многоквартирным домом регулируются нормами гражданского законодательства, которое применяется к рассматриваемым правоотношениям на общих основаниях. Изъятия из этого правила допускаются в случае, если положениями ЖК РФ установлены иные, чем гражданским законодательством, правила, регулирующие вопросы изменения и расторжения договора. В этих случаях подлежит применению жилищное законодательство. Это касается одностороннего отказа собственников от исполнения договора управления.

Спорным, по мнению автора данной статьи, является толкование Президиумом ВАС РФ п. 8.2. ст. 162 ЖК РФ в редакции № 123-ФЗ. Для устранения различных толкований буквы закона необходимо переписать п. 8.2. ст. 162 ЖК РФ следующим образом: «Собственники помещений в многоквартирном доме на основании решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме в одностороннем порядке вправе:

- отказаться от исполнения договора управления многоквартирным домом, если управляющая организация не выполняет условий такого договора;
- принять решение о выборе иной управляющей организации;

– принять решение об изменении способа управления данным домом». В такой редакции п. 8.2. ст. 162 ЖК РФ будет полностью соответствовать Постановлению Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 7677/11 от 22 ноября 2011 года [6].

Изменений требует и порядок определения и доказывания невыполнения управляющей компанией обязательств по договору управления многоквартирным домом. Автор статьи считает, что, заключение местного органа самоуправления о выполнении управляющей компанией своих обязательств, предусмотренное частью 1.1 статьи 165 ЖК РФ, во многих случаях не будет соответствовать действительности, поскольку у УК будет время подготовиться к проверке, устранить нарушения. Кроме того, в жилищно-коммунальной сфере высок уровень коррупции, и многие управляющие компании аффилированы с органами самоуправления. Поэтому необходимо использовать другой способ доказывания ненадлежащего исполнения обязательств управляющей компанией, например, такой, как проведение независимой экспертной проверки.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (в ред. от 04.06.2014) // Российская газета. – 2005. – № 1. – 12 января.

3. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № ВАС-16387/10 от 23 ноября 2010 года по делу № А71-20245/2009.

4. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № ВАС-10923/10 от 19 августа 2010 года по делу № А71-15079/2009.

5. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 июля 2010 года № 1027/10.

6. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 7677/11 от 22 ноября 2011 года.

7. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 9 ноября 2010 года № Ф03-7834/2010 по делу № А16-460/2010.

8. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 26 июля 2011 года по делу № А05-14180/2010.

9. Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 28 ноября 2006 года по делу № А23-

781/06Г-8-101.

10. Правила эксплуатации жилфонда. Утверждены Постановлением Госстроя России от 27.09.2003 г. № 170.

11. Громадская, С.В. Прекращение договора управления многоквартирным домом по инициативе управляющей организации / С.В. Громадская // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2013. – № 9. – С. 98–104.

12. Денисова, М.О. Расторжение договора управления в одностороннем порядке / М.О. Денисова // Жилищно-коммунальное хозяйство: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2012. – № 3. – С. 56–63.

13. Кузьмичева, И. Расторжение договоров управления многоквартирными жилыми домами: законодательство и правовые позиции ВАС РФ / И. Кузьмичева // Жилищное право. – 2013. – № 9. – С. 101–111.

1. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 30 noyabrya 1994 № 51-FZ [Tekst] // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 1994. – № 32. – St. 3301.

2. Zhilishhnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.2004 № 188-FZ (v red. ot 04.06.2014) // Rossijskaya gazeta. – 2005. – № 1. – 12 yanvarya.

3. Opredelenie Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii № VAS-16387/10 ot 23 noyabrya 2010 goda po delu № A71-20245/2009.

4. Opredelenie Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii № VAS-10923/10 ot 19 avgusta 2010 goda po delu № A71-15079/2009.

5. Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 15 iyulya 2010 goda № 1027/10.

6. Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii № 7677/11 ot 22 noyabrya 2011 goda.

7. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Dal'nevostochnogo okruga ot 9 noyabrya 2010 goda № F03-7834/2010 po delu № A16-460/2010.

8. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 26 iyulya 2011 goda po delu № A05-14180/2010.

9. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Central'nogo okruga ot 28 noyabrya 2006 goda po delu № A23-781/06G-8-101.

10. Pravila e'kspluatacii zhil'fonda. Utverzhdeny Postanovleniem Gosstroya Rossii ot 27.09.2003 g. № 170.

11. Gromadskaya, S.V. Prekrashhenie dogovora upravleniya mnogokvartirnym domom po iniciative upravlyayushhej organizacii / S.V. Gromadskaya // Imushhestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii. – 2013. – № 9. – S. 98–104.

12. Denisova, M.O. Rastorzhenie dogovora upravleniya v odnostoronnem poryadke / M.O. Denisova // Zhilishhno-kommunal'noe xozyajstvo: buxgalterskij uchet i nalogooblozhenie. – 2012. – № 3. – S. 56–63.

13. Kuz'micheva, I. Rastorzhenie dogovorov upravleniya mnogokvartirnymi zhilymi domami: zakonodatel'stvo i pravovye pozicii VAS RF / I. Kuz'micheva // Zhilishhnoe pravo. – 2013. – № 9. – S. 101–111.

CHANGE AND TERMINATION OF THE CONTRACT OF MANAGEMENT OF THE APARTMENT HOUSE

Petrova Tatyana Viktorovna,

Chelyabinsk State University,
 Institute of Law,
 magistrant,
 Chelyabinsk, Russia,
 E-mail: t.petrova_info@mail.ru

Annotation

The article analyzes the ways of modification and termination of the contract of management of an apartment house, stipulated by the legislation of the Russian Federation. Discusses the practice of litigation, related to the termination of the contract of management of an apartment house.

Key words:

management contract of the apartment house, changing the management contract, termination of the management contract.

ОБЪЕМ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЖИЗНИ ИЛИ ЗДОРОВЬЮ ГРАЖДАН

Громова Виолетта Юрьевна,

Челябинский государственный университет,
Институт права,
студентка,
г. Челябинск, Россия,
E-mail: violetta.gromova@mail.ru

Аннотация

В статье проанализирован объем и размер ответственности за вред, причиненный жизни или здоровью граждан. Раскрыт объем возмещения имущественного вреда, отражены факторы, влияющие на его размер.

Ключевые слова:

жизнь, здоровье, ответственность, вред, объем возмещения.

Определения обязательства из причинения вреда закон не дает. Однако основная идея, характеризующая его, содержится в п. 1 ст. 1064 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК), согласно которой вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред [3, ст. 410]. Главное, что заложено в данной норме, заключается в установлении обязанности лица, причинившего вред, возместить причиненный вред. О праве другой стороны прямо не упоминается. Но закон, безусловно, имеет в виду и право потерпевшего требовать возмещения вреда, ибо обязанность может существовать только по отношению к субъекту, имеющему право требовать ее исполнения. Обязательственное правоотношение можно определить следующим образом: в силу обязательства вследствие причинения вреда лицо, причинившее вред личности или имуществу другого лица (физического или юридического), обязано возместить причиненный вред в полном объеме, а лицо потерпевшее имеет право требовать, чтобы понесенный им вред был возмещен.

Решение вопроса о возмещении вреда требует четкого рассмотрения всех обстоятельств непосредственного причинения вреда здоровью, определения как первичных, так и вторичных последствий его причинения.

Статья 1085 ГК РФ устанавливает виды, объем и характер возмещения причиненного вреда. Вред, причиненный здоровью, состоит:

а) из утраченного потерпевшим заработка.

б) из утраченного потерпевшим дохода.

в) из дополнительно понесенных расходов, вызванных повреждением здоровья. Это, в частности, затраты на:

– лечение (они возмещаются исходя из фактически затраченных сумм);

– дополнительное питание и приобретение лекарств;

– протезирование, при этом следует учесть, что цены на протезно-ортопедические изделия – регулируемые. Поэтому необходимо исходить из этих цен, а также счетов, чеков и т. п. документов организаций, осуществлявших работы по протезированию;

– посторонний уход (затраты возмещаются в фактических размерах);

– санаторно-курортное лечение (если причинная связь между повреждением здоровья и полученным лечением установлена, то расходы на это лечение возмещаются в фактически произведённых и документально подтверждённых суммах);

– приобретение специальных транспортных средств (автомобилей, мотоциклов и т. п.);

– подготовку к другой профессии.

Расходы на лечение и иные дополнительные расходы (ст. 1085 ГК РФ содержит открытый перечень) подлежат возмещению причинителем вреда при наличии двух условий: во-первых, потерпевший нуждается в такой помощи, что определяется судебно-медицинской экспертизой и, во-вторых, потерпевший не имеет права на их бесплатное получение.

Право на бесплатное получение дополнительной помощи устанавливается законодательством. Так, Федеральный закон от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» устанавливает, что инвалиды, например, имеют право на изготовление и ремонт протезно-ортопедических изделий за счет средств федерального бюджета [8, ст. 4563].

Исходя из вышеизложенного, в данном случае необходимо рассмотреть вопрос о том, что понимается под заработком (доходом) потерпевшего применительно к положениям ст. 1085 ГК РФ.

Под заработком (доходом) в данном случае следует понимать средства, которые потерпевший получал по трудовым и гражданско-правовым договорам, а также от предпринимательской и иной деятельности (например, авторской, творческой) до получения увечья или иного повреждения здоровья. В трудовом законодательстве заработная плата определяется как вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества и условий выполняемой работы, а также выплат компенсационного и стимулирующего характера [11, с. 331]. Вознаграждения за трудовую деятельность, как по трудовым,

так и по гражданско-правовым договорам, определяются в самом договоре.

Доходы от предпринимательской и иной деятельности, как и заработок, получаемый потерпевшим, входят в счет возмещения вреда, если их утрата находится в причинной связи с потерей трудоспособности.

Установленная в статье возможность возместить заработок (доход), который потерпевший определенно мог иметь, позволяет в наибольшей степени учесть его интересы.

В отличие от утраченного заработка (дохода) потерпевшего, размер дополнительных расходов не подлежит уменьшению в связи с грубой неосторожностью потерпевшего, поскольку при их возмещении вина потерпевшего в силу ст. 1083 ГК РФ не учитывается.

С другой стороны, необходимо иметь в виду, что не засчитываются в возмещение вреда:

– пенсия по инвалидности, назначенная потерпевшему в связи с увечьем или иным повреждением здоровья. Не имеет значения, была ли эта пенсия назначена до причинения вреда (например, гражданин получил увечье несколько лет назад, работая водителем такси, после чего устроился на данный завод водителем электрокара и здесь второй раз повредил здоровье) либо после увечья, полученного на новом месте работы (службы);

– иные виды пенсий (например, по старости, по выслуге лет), пособия и иные подобные выплаты, назначенные как до, так и после причинения вреда здоровью.

Не допускается уменьшение компенсации, причитающейся потерпевшему, в том числе и специальным законом. Правила о размере ответственности, содержащиеся в ст. 1084 и п. 3 ст. 1085 ГК РФ, отличаются тем, что если в первом случае подлежащий возмещению более высокий объем компенсации предусмотрен законом или договором на момент повреждения здоровья, то во втором речь идет об увеличении компенсации законом или договором применительно к ранее установленному.

Таким образом, в результате увечья или иного повреждения здоровья убытки потерпевшего могут выражаться: 1) в потере им

заработка и иных доходов, которых он лишился полностью или частично вследствие утраты трудоспособности или ее уменьшения; 2) в расходах на лечение и других дополнительных расходах, в которых потерпевший нуждается в связи с повреждением здоровья. Положительным достижением ГК РФ является и то, что потерпевший, продолжающий работать, вправе получать и возмещение вреда, и заработок, при этом размер возмещения не уменьшается.

Вместе с тем, при вопросе о возмещении утраченного потерпевшим заработка (в соответствии с п. 1 ст. 1086 Гражданского Кодекса РФ, он определяется в процентах к среднемесячному заработку до увечья или иного повреждения здоровья либо до утраты потерпевшим трудоспособности), нередко, возникают проблемы при определении такого заработка, такие, как отсутствие достаточных данных для установления ежемесячного заработка (работа, выполняемая по трудовому договору, сдельная работа, оказание возмездных услуг, сезонные работы и другие). Несмотря на то, что при разрешении указанного вопроса, и при отсутствии достаточных данных, подтверждающих среднемесячный заработок, следует руководствоваться ставками с аналогичными профессиональными обязанностями и сферой выполняемых работ. Такое установление утраченного заработка потерпевшего не может, априори, свидетельствовать о возмещении данного заработка потерпевшему в полном объеме, то есть абсолютной защитой его гражданских прав. Также, несмотря на политику государства по легализации заработной платы, имеются и случаи специального занижения официального заработка работодателем в целях уклонения от налоговых и других обязательных платежей, что, несомненно, при определении утраченного потерпевшим заработка вызовет неопределенность и сомнения заинтересованных лиц в установлении объема такого заработка. В целях обоснованного занижения утраченного заработка, подлежащего возмещению при возникновении указанного случая, необходимо установить минимальный

размер возможного ежемесячного утраченного заработка, который не подлежит снижению и будет определяться в рамках кратности минимальных размеров оплаты труда.

Круг лиц, имеющих право на возмещение вреда в случае потери кормильца (потерпевшего), установлен в п. 1 ст. 1088 ГК РФ, а срок возмещения – в п. 2 этой же статьи. Между тем право на возмещение вреда в связи со смертью потерпевшего имеет также член семьи независимо от факта его нетрудоспособности и факта нахождения на иждивении умершего, если он не работает, поскольку осуществляет уход за иждивенцами умершего, нуждающимися в постороннем уходе в силу возраста (до достижения ими 14 лет), либо состояния здоровья, подтвержденного заключением медицинских органов. Указанные лица сохраняют право на возмещение вреда и после окончания ухода за лицом, нуждающимся в нем, если они сами стали нетрудоспособными в период осуществления такого ухода. При этом, как справедливо указывает Верховный Суд РФ, необходимо иметь в виду, что право на возмещение вреда в связи с гибелью кормильца сохраняется за несовершеннолетним в случае его последующего усыновления другим лицом, а также за супругом погибшего при вступлении в новый брак, поскольку при наступлении указанных выше обстоятельств законом не предусмотрено прекращение обязательства по возмещению вреда, причиненного этим лицам [7, № 5103].

Справедливым считаю также мнение Титаренко Д.Н., который предлагает в своей работе «Гражданско-правовое регулирование обязательств вследствие причинения вреда жизни или здоровью работника при исполнении им трудовых обязанностей» закрепить в ст. 1100 ГК РФ принцип презумпции морального вреда в случае причинения вреда жизни или здоровью гражданина, сформулировав его следующим образом: «При причинении вреда жизни или здоровью гражданина факт причинения ему (а в случае его смерти лицам, имеющим право на возмещение вреда в связи со смертью кормильца) морального вреда предполагается. Установлению в данном случае

подлежит лишь размер компенсации морального вреда» [17, с. 34].

Необходимо подчеркнуть, что причитающиеся потерпевшему в соответствии с нормами ГК РФ объем и размер возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью, представляют собой гарантированный минимум охраны соответствующих благ. Поэтому они не могут быть уменьшены договором.

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 02 ноября 2013) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 02 декабря 2013) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 28 декабря 2013) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 28 декабря 2013) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23 июля 2013) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2013) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 // Российская газета. – 2010. – № 5103.
8. Федеральный закон от 24.11.1995 N 181-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 48. – Ст. 4563.
9. Гатин, А.М. Гражданское право / А.М. Гатин. – М.: Дашков и К, 2009. – 384 с.
10. Гражданское право России: учебник / под ред. Беленкова Р. – М.: Приор, 2011. – 538 с.
11. Гражданское право: учебник / под ред. Гришаева С.П. – М.: Юрист, 2004. – 496 с.
12. Гражданское право: учебник / под ред. Калпиной А.Г. – М.: Юрист, 2008. – 542 с.
13. Гражданское право России. Часть вторая: Обязательственное право: курс лекций / отв. ред. Садиков О.Н. – М.: Норма, 2011. – 487 с.
14. Гражданское право: учебник / под ред. Сергеева А.П., Толстого Ю.К. Ч. II. – М.: Проспект, 2010. – 784 с.
15. Гражданское право: учебник: т. 2 / отв. ред. проф. Суханов Е.А. Т. 1. – М.: Юрист, 2012. – 612 с.
16. Бакунин, С. К вопросу об основании возникновения обязательств вследствие причинения вреда жизни или

здоровью гражданина / С. Бакунин // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. – № 1. – 1314 с.

17. Титаренко, Д.Н. Гражданско-правовое регулирование обязательств вследствие причинения вреда жизни или здоровью работника при исполнении им трудовых обязанностей: автореф. дисс. канд. юрид. наук, Волгоград, 2011. – 36 с.

18. Туршук Л.Д. Современные проблемы гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный повреждением здоровья или смертью гражданина // Вестник СПбГУ. – 2011. – № 4. – 166 с.

19. Хлыстак Е.В. Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина при исполнении договорных обязательств. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. – 23 с.

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (s uchetom popravok, vnesennyx Zakonami RF o popravkax k Konstitucii RF ot 30 dekabrya 2008 g. № 6-FKZ, ot 30 dekabrya 2008 g. № 7-FKZ) // Rossijskaya gazeta. – 1993. – 25 dekabrya.
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30 noyabrya 1994g. № 51-FZ (red. ot 02 noyabrya 2013) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1994. – № 32. – St. 3301.
3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26 yanvarya 1996 g. № 14-FZ (red. ot 02 dekabrya 2013) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1996. – № 5. – St. 410.
4. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' tret'ya) ot 26 noyabrya 2001 g. № 146-FZ (red. ot 28 dekabrya 2013) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2001. – № 49. – St. 4552.
5. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14 noyabrya 2002 g. № 138-FZ (red. ot 28 dekabrya 2013) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2002. – № 46. – St. 4532.
6. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya) ot 18 dekabrya 2006 g. № 230-FZ (red. ot 23 iyulya 2013) (s izm. i dop., vstupayushhimi v silu s 01.09.2013) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2006. – № 52 (1 ch.). – St. 5496.
7. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 26 yanvarya 2010 g. № 1 // Rossijskaya gazeta. – 2010. – № 5103.
8. Federal'nyj zakon ot 24.11.1995 N 181-FZ (red. ot 28.12.2013) «O social'noj zashhite invalidov v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1995. – № 48. – St. 4563.
9. Gatin, A. M. Grazhdanskoe pravo / A. M. Gatin. – M.: Dashkov i K, 2009. – 384 s.
10. Grazhdanskoe pravo Rossii: uchebnik / pod red. Belenkova R. – M.: Prior, 2011. – 538 s.
11. Grazhdanskoe pravo: uchebnik / pod red. Grishaeva S. P. – M.: Yurist, 2004. – 496 s.
12. Grazhdanskoe pravo: uchebnik / pod red. Kalpinoj A. G. – M.: Yurist», 2008. – 542 s.
13. Grazhdanskoe pravo Rossii. Chast' vtoraya: Obyazatel'stvennoe pravo: kurs lekcij / отв. red. Sadikov O. N. – M.: Norma, 2011. – 487 s.
14. Grazhdanskoe pravo: uchebnik / pod red. Sergeeva A. P., Tolstogo Yu. K. Ch. II. – M.: Prospekt, 2010. – 784 s.

784 s.

15. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: t. 2 / otv. red. prof. Suxanov E. A. T. 1. – M.: Yurist», 2012. – 612 s.

16. Bakunin, S. K voprosu ob osnovanii vozniknoveniya obyazatel'stv vsledstvie prichineniya vreda zhizni ili zdorov'yu grazhdanina / S. Bakunin // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2006. – № 1. – 1314 s.

17. Titarenko, D. N. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie obyazatel'stv vsledstvie prichineniya vreda zhizni ili zdorov'yu rabotnika pri ispolnenii im trudovyx obyazannostej: avtoref.

diss. kand. yurid. nauk, Volgograd, 2011. – 36 s.

18. Turshuk L. D. Sovremennye problemy grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti za vred, prichinennyj povrezhdeniem zdorov'ya ili smert'yu grazhdanina // Vestnik SPbGU. – 2011. – № 4. – 166 s.

19. Xlystak E. V. Vozmeshhenie vreda, prichinennogo zhizni ili zdorov'yu grazhdanina pri ispolnenii dogovornyx obyazatel'stv. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk. Irkutsk, 2008. – 23 s.

VOLUME COMPENSATION FOR THE HARM CAUSED TO THE LIFE OR HEALTH OF CITIZENS

Gromova Violetta Yrevna,

Chelyabinsk State University,
Institute of Law,
student,
Chelyabinsk, Russia,
E-mail: violetta.gromova@mail.ru

Annotation

The article analyzes the scope and extent of liability for damage caused to the life or health of citizens. Discloses the amount of compensation for property damage, reflected factors affecting its size.

Key words:

life, health, liability, damage, the amount of compensation.

ИСТОЧНИКИ ТОЛЕРАНТНОСТИ НА УРОВНЕ ПЕРВИЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ – ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА (ЭМПИРИЧЕСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Горелова Галина Газимовна,

Челябинский филиал РАНХ и ГС,
 кафедра политологии, истории и философии,
 доктор психологических наук, профессор,
 г. Челябинск, Россия,
 E-mail: ggorelova@yandex.ru

Филинова Людмила Леонидовна,

Челябинский государственный университет,
 Институт психологии и педагогики,
 студентка,
 г. Челябинск, Россия

Аннотация

На основе эмпирического исследования выявляются психологические источники толерантности (и конфликтности) в межличностном взаимодействии субъектов, функционирующих в организации. Сравниваются параметры удовлетворенности трудом и индивидуально-психологические особенности сотрудников с оценкой ими социально-психологического климата в производственной группе.

Ключевые слова:

толерантность (конфликтность), типы межличностного взаимодействия, индивидуальные особенности, удовлетворенность трудом.

Внешняя сторона многих производственных конфликтов выступает в виде конкуренции за должности, деньги, престиж. Однако скрытое содержание внутриорганизационных конфликтов зачастую исходит из характера установившихся межличностных отношений, неоднозначно оцениваемых самими субъектами.

Межличностные отношения – это объективно переживаемые, в разной степени осознаваемые взаимосвязи между людьми. В их основе лежит степень внутриличностной и межличностной толерантности взаимодействующих субъектов [5]. Природа межличностных отношений существенно отличается от природы общественных отношений: их важнейшая

специфическая черта – эмоциональная основа. Поэтому межличностные отношения можно рассматривать как фактор психологического «климата» группы. Содержательная характеристика психологического климата связана, как правило, с самочувствием человека в коллективе – настроением, удовлетворенностью, психологическим комфортом. В таком контексте рассматривают социально-психологический климат (СПК) Б.Д. Парыгин [6], Р.Л. Кричевский [4] и другие авторы.

Удовлетворенность трудом – эмоционально окрашенное оценочное представление субъекта о результате своей трудовой активности, о самом процессе работы и внешних условиях, в которых

она осуществляется. В современной психологической науке общепризнанной в этой области считается двухфакторная «мотивационно-гигиеническая» теория удовлетворенности трудом Ф. Херцберга [2; 8]. К мотивационным критериям относятся собственно содержательные характеристики трудовой деятельности, успехи и достижения в труде, перспективы квалификационно-профессионального, карьерного роста, показатели престижного и «имиджевого» характера. К гигиеническим – эргономические условия труда, уровень материального вознаграждения, стиль руководства и характер межличностных отношений в трудовом коллективе.

С точки зрения психологии личности состояние неудовлетворенности трудом можно интерпретировать по-разному. Так, это состояние может быть следствием стремлений личности к активной деятельности, более полному самовыражению. Но оно же часто проистекает и из примитивных интересов, ограничивающихся претензией исключительно на материальные запросы личности [3]. Вместе с тем, субъект, чьи потребности остаются не удовлетворенными, становится источником конфликтности, нетерпимого отношения к сотрудникам и руководству, выражающегося в низкой оценке им СПК в организации. Таким образом, возникает задача более глубокого изучения состояний удовлетворенности и неудовлетворенности работой, выявления многообразных факторов, влияющих на особенности этих состояний, включая личностные характеристики.

На основе теоретического анализа было сформулировано предположение о том, что источники толерантности (как и конфликтности) в межличностных отношениях между людьми, функционирующими в производственных коллективах и компаниях, могут определяться личной удовлетворенностью трудом и индивидуально-психологическими особенностями сотрудников и выявляться в оцениваемой ими характеристике социально-психологического климата группы.

Исследование проводилось на базе ООО «Велес» – челябинского филиала группы ком-

паний «Армтек Менеджмент» (г. Москва). Сфера деятельности – оптово-розничная продажа автозапчастей для иностранных автомобилей в г. Челябинске, Челябинской, Курганской и Свердловской областях. Общая численность сотрудников – 61 человек, из них 25 работают в отделах продаж, 25 сотрудников относятся к складскому комплексу и экспедиционно-транспортному отделу, 3 – к администрации, 8 – к вспомогательному персоналу. Образовательный уровень сотрудников отделов продаж достаточно высок – 96% имеют высшее образование, около 90% сотрудников склада и транспортного отдела – среднее профессиональное образование. Высокий потенциал персонала отделов продаж обусловлен значительным профессиональным стажем: большинство из них имеют стаж работы более 5 лет, причем по своей специальности. Сотрудники склада, будучи моложе по возрасту, имеют меньший рабочий стаж. Вместе с тем 85% всех сотрудников работают в компании со дня основания – почти 2,5 года. Исследование проводилось с 1 октября по 15 декабря 2012 г.

На первом этапе исследования, которое охватило всех сотрудников филиала, изучалось восприятие каждым из них социально-психологического климата (СПК) в организации. По полученным результатам коллектив разделился на две группы: сотрудники с положительной оценкой СПК, что свидетельствует об их достаточно высоком уровне межличностной толерантности (группа 1), и сотрудники, не удовлетворенные СПК в компании, т. е. либо переживающие внутриличностный конфликт, либо вовлеченные в межличностные горизонтальные или вертикальные конфликты (группа 2).

На втором этапе проводилось изучение личной удовлетворенности трудом и индивидуально-типологических свойств сотрудников и сравнение двух групп по этим показателям.

В работе, кроме наблюдения, применялись опросные и самооценочные [1] методы исследования:

– методика «Индивидуально-типологический опросник» (ИТО) Л.Н. Собчик [7];

– диагностика межличностных отношений ДМО (адаптированный тест Лири);

– опросник удовлетворенности персонала трудом, разработанный консалтинговой компанией РФ «ЭКОПСИ»;

– экспресс-методика по изучению социально-психологического климата в коллективе О.С. Михалюк и А.Ю. Шалыто.

По результатам изучения СПК психологическое состояние в группе 1 нормальное, отсутствуют ярко выраженные конфликтогенные зоны, коллектив достаточно сплоченный. Группу 1 характеризуют оптимизм, доверие, чувство безопасности и комфорта, взаимная поддержка, теплота в отношениях. Определены межличностные симпатии, открытость коммуникации, возможность свободно мыслить, интеллектуально и профессионально расти, вносить вклад в развитие организации, совершать ошибки без страха наказания. Таким образом, хорошо оборудованные рабочие места, благоприятные санитарно-гигиенические условия повышают удовлетворенность трудовой деятельностью в целом, способствуя формированию благоприятного СПК в группе 1 и толерантных межличностных отношений. Все это повлияло в конечном итоге на укрепление трудовой дисциплины, снижение текучести

организуются совместные обеды, дни рождений, походы в боулинг и др.

Сотрудники группы 2 более разобщены, характер их работы не предполагает тесного взаимодействия, что влияет и на сплоченность коллектива во вне рабочее время. В целом группу 2 характеризуют пессимизм, раздражительность, скука, высокая напряженность и конфликтность отношений. Распространены неуверенность, боязнь ошибиться или произвести плохое впечатление, страх наказания, неприятие, непонимание, враждебность, подозрительность, недоверие друг к другу. Отмечается нежелание вкладывать усилия в совместный продукт, в развитие коллектива и организации в целом, неудовлетворенность трудом.

Результаты оценки удовлетворенности трудом персонала компании представлены в таблицах 1 и 2. Среднее значение удовлетворенности в группе 1 составило 85,78%. Отмечаются высокие показатели для факторов удовлетворенности, связанных с содержанием работы: «содержание труда» – 85%, «имидж компании» – 89,33%, «взаимоотношения в коллективе» – 85,33%. То же и для факторов, связанных с условиями труда: «условия труда» – 90%, «материальное вознаграждение» – 88%, «возможности для обучения и развития» – 86,33%.

Таблица 1 – Анализ удовлетворенности трудом по кластерам в группе 1

№ п/п	Кластер	Средний балл	Степень удовлетворенности в %% к числу опрошенных
1	Имидж компании	3,53	89,33
2	Материальное вознаграждение	3,52	88,00
3	Условия труда	3,60	90,00
4	Содержание труда	3,40	85,00
5	Взаимоотношения с руководителем	3,40	68,00
6	Взаимоотношения в коллективе	3,41	85,33
7	Возможности для обучения и развития	3,45	86,33
8	Признание заслуг	3,33	83,33
9	Принятие изменений	3,22	80,50

кадров, повышение работоспособности и производительности труда. Работники группы 1 сплочены, присутствует взаимозаменяемость и взаимопомощь. Отмечается склонность к проведению общих праздничных мероприятий,

Иная ситуация в группе 2 (см. табл. 2). Характерна определенная неудовлетворенность условиями труда, что связано с бытовой неустроенностью складского комплекса – отсутствие душа, совмещение обеденной комнаты

и раздевалки, повышенный шум на складе, несоблюдение требований по чистоте и запыленности, недостаточное освещение и температурный режим.

компетентность сотрудников также ведет к коммуникативным барьерам, росту напряженности в межличностных отношениях, непониманию, недоверию, конфликтам.

Таблица 2 – Анализ удовлетворенности трудом по кластерам в группе 2

№ п/п	Кластер	Средний балл	Степень удовлетворенности в % к числу опрошенных
1	Имидж компании	2,66	66,67
2	Материальное вознаграждение	2,34	58,67
3	Условия труда	1,84	46,00
4	Содержание труда	2,32	58,00
5	Взаимоотношения с руководителем	2,34	46,93
6	Взаимоотношения в коллективе	2,41	60,33
7	Возможности для обучения и развития	2,24	56,00
8	Признание заслуг	2,25	56,33
9	Принятие изменений	2,32	58,00

Отмечается некоторая неудовлетворенность заработной платой (для группы 2), причем как ее уровнем, так и системой оплаты. Близость оценок факторов оплаты труда и качества его организации говорит о проблемах, связанных с уровнем планирования и контроля выполнения рабочих заданий. С одной стороны, сверхурочные работы являются единственным механизмом оперативного повышения зарплаты, с другой – авралы порождают напряженность в семейных и личных отношениях. Сокращение свободного времени препятствует повышению образовательного и профессионального уровня. По фактору «возможности для обучения и развития» в группе 2 низкий показатель – 56,0%. Также низкие показатели в группе 2 наблюдаются по фактору «признание заслуг», что свидетельствует о недостаточном внимании руководства к персоналу группы. Сотрудники не получают своевременно информацию о ситуации в компании, планах руководства, перспективах развития и не вовлечены в обсуждение и принятие решений, непосредственно затрагивающих их участок работы. Отсутствие полной и точной информации по важному для сотрудников вопросу создает благодатную почву для возникновения и распространения слухов и сплетен, интриг и закулисных игр. Низкая коммуникативная

При опросе по фактору «взаимоотношения с руководителем» получены самые низкие показатели в обеих группах. Руководитель есть социально-производственная роль, общественная позиция в данном конкретном коллективе. Когда руководитель стремится к лидерству, а его личность не соответствует должностным притязаниям – за этим стоит неудовлетворенность собственной деятельностью, что вызывает дополнительную эмоциональную напряженность в коллективе.

Психологическая совместимость является важным фактором, влияющим на социально-психологический климат и соответственно толерантность в межличностном взаимодействии. Под психологической совместимостью понимают способность к совместной деятельности, в основе которой лежит оптимальное сочетание в коллективе личностных качеств участников. Совокупные результаты изучения индивидуально-типологических особенностей сотрудников групп 1 и 2 представлены на рис. 1 и 2. Данные ИТО отражаются на диаграммах в виде показателей по каждой из упомянутых шкал – от 0 до 9 баллов.

В группе 1 выделяются наиболее высокие значения по шкалам экстраверсии – 5,8 балла, спонтанности – 5,6 балла, лабильности (эмотивности) – 5,8 балла, агрессивности – 5,2 балла.

Рисунок 1 – Результаты диагностики индивидуально-психологических свойств сотрудников группы 1

Рисунок 2 – Результаты диагностики индивидуально-психологических свойств сотрудников группы 2

Шкала экстраверсии при значении более 5 – признак выраженной потребности в общении как доминирующего мотива поведения. При одновременно высоких показателях по шкале спонтанности (выше 5 баллов) высокая шкала экстраверсии интерпретируется как обращенность в реальный мир окружающей среды, уверенность, стремление повести людей за собой, вовлечь их в активное взаимодействие.

Максимально выраженные баллы по шкале спонтанности свидетельствуют о раскрепощенном самопредъявлении. Индивиды, у которых преобладает такое качество, в первую очередь характеризуются высокой степенью активности. Им свойственны решительность, лидерские черты, предприимчивость, стрем-

ление поступать, пренебрегая условностями и запретами.

Показатели шкалы сензитивности (5,4 балла) уравновешены примерно столь же выраженными баллами шкалы спонтанности (5,6 балла). Это говорит о том, что чаще всего черты сензитивности компенсируются достаточно высокой амбициозностью, активностью самопредъявления, мотивацией на достижение успеха.

Шкала ригидности при умеренных показателях (3–5 баллов) выявляет устойчивость к стрессу, упорядоченность действий, склонность к обстоятельности и планированию. Умеренно выраженная лабильность (до 6-ти баллов) способствует сплочению разных групп в коллективе.

Группу 1 представляют индивиды сильного, стеничного склада (его отражают шкалы ригидности, спонтанности, агрессивности и экстраверсии), здесь преобладает мотивация достижения успеха, самореализации. Отсюда – более выраженные черты лидерства, независимости, соперничества и неконформизма.

Что касается группы 2, то в своем большинстве она обладает прямо противоположными группе 1 свойствами по средним значениям: интроверсия – 5,4 балла; ригидность – 5,9; агрессивность – 5,8; тревожность – 5,9 балла.

Шкала интроверсии выявляет замкнутость, закрытость, обращенность в мир внутренних переживаний. Повышенные баллы по шкале сензитивности (выше 5 баллов) определяют такие личностные черты, как впечатлительность, готовность отступить в конфликтной ситуации. Людям этого типа свойственно стремление избегать широких контактов, неуверенность в себе и консерватизм.

Повышенные баллы по шкале тревожности (выше 5 баллов) характерны для личности осторожной, опасющейся рискованных предприятий. В ситуации конфликта или стресса качество тревожности легко перерастает в состояние тревоги.

Показателям тревожности противопоставлены столь же выраженные баллы по шкале агрессивности, поэтому речь идет о достаточно сложном рисунке личности, в рамках которого смелая напористость при неудаче сменяются

тревожными переживаниями и чувством вины. Неадекватные методы воздействия, ситуация стресса могут усилить тревожность, а применение жестких методов руководства приведет к дезадаптации и реакциям паники.

Высокие баллы по шкале ригидности (выше 5 баллов) свидетельствуют о том, что сдержанность и упорство сменяются вспышками раздражительности, а накапливаемые негативные переживания перерастают в недоверчивость и враждебность. Высокие баллы по шкале ригидности могут отражать склонность к конфликтному поведению, особенно если высокие показатели по шкале ригидности сочетаются с высокой агрессивностью.

Группу 2 представляют лица слабого, астенического типа реагирования (шкалы интроверсии, сензитивности, тревожности и лабильности), преобладает мотивация избегания неуспеха, ухода от конфликта с окружением. Результаты диагностики межличностных отношений в группе 1 представлены на рисунке 3.

ТИП МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ - Результаты Группа 1

Рисунок 3 – Результаты диагностики межличностных отношений в группе 1

Преобладание властно-лидирующего типа межличностных отношений в личностном паттерне группы 1 (7,4 балла) позитивно коррелирует с показателями экстраверсии и спонтанности по шкалам ИТО. Группа 1 по данным ДМО характеризуется оптимистичностью, быстротой реакций, высокой активностью, выраженной мотивацией достижения, тенденцией к доминированию, повышенным уровнем притязаний, легкостью и быстротой в принятии решений,

гомономностью (то есть ориентацией в основном на собственное мнение и минимальной зависимостью от внешних средовых факторов), экстравертированностью. Результаты диагностики межличностных отношений в группе 2 представлены на рисунке 4.

ТИП МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ - Результаты Группа 2

Рисунок 4 – Результаты диагностики межличностных отношений в группе 2

В группе 2 преобладают прямолинейно-агрессивный и недоверчиво-скептический типы межличностных отношений (5,8 и 5,9 балла). Прямолинейно-агрессивный тип характеризуется легко возникающим чувством враждебности при противодействии и критике, повышенной обидчивостью, легко угасающей в комфортной ситуации, не ущемляющей престиж личности. Недоверчиво-скептический тип проявляется такими личностными характеристиками, как обособленность, замкнутость, ригидность установок, критический настрой к мнениям других, неудовлетворенность своим статусом в группе, убежденность в недоброжелательности окружающих; склонность к иронии и высокая конфликтность.

1. Батури Н. А., Иванов А. Е. Ипсативные личностные тесты вынужденного выбора / Н.А. Батури, А.Е. Иванов. – Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2013. – Вып. 6. – С. 17–25.

2. Грязева-Добшинская, В.Г. Диагностика и моделирование социально-психологических ресурсов команды менеджеров в условиях введения инноваций / В.Г. Грязева-Добшинская, Ю.А. Дмитриева. – Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – Вып. 13 / ГОУ ВПО «ЮУрГУ» – Челябинск, 2011. – С. 111–117.

3. Донцов, А.И. Психология коллектива [Текст] /

А.И. Донцов. – М.: Просвещение, 2004. – 334 с.

4. Кричевский, Р.Л. Социальная психология малой группы [Текст]: учебник для высших учебных заведений / Р.Л. Кричевский. – М.: Аспект-Пресс, 2009. – 319 с.

5. Обозов, Н.Н. Психология межличностных отношений [Текст] / Н.Н. Обозов. – Киев: Наука, 1990. – 191 с.

6. Парыгин, Б.Д. Социально-психологический климат коллектива [Текст] / Б.Д. Парыгин. – Л.: Наука, 1991. – 370 с.

7. Собчик, Л.Н. Управление персоналом и психодиагностика [Текст]: практическое руководство / Л.Н. Собчик. – М.: ООО «Компания БОРГЕС», 2010. – 186 с.

8. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность [Текст] / Х. Хекхаузен. – М.: Педагогика, 1986. – 391 с.

Dobshinskaya, Yu.A. Dmitrieva. – Vestnik YuUrGU. Seriya «Psixologiya». – Vyp. 13 / GOU VPO «YuUrGU» – Chelyabinsk, 2011. – S. 111–117.

3. Doncov, A.I. Psixologiya kolektiva [Tekst] / A.I. Doncov. – M.: Prosveshhenie, 2004. – 334 s.

4. Krichevskij, R.L. Social'naya psixologiya maloj grupy [Tekst]: uchebnik dlya vysshix uchebnyx zavedenij / R.L. Krichevskij. – M.: Aspekt-Press, 2009. – 319 s.

5. Obozov, N.N. Psixologiya mezhlichnostnyx otnoshenij [Tekst] / N.N. Obozov. – Kiev: Nauka, 1990. – 191 s.

6. Parygin, B.D. Social'no-psixologicheskij klimat kolektiva [Tekst] / B.D. Parygin. – L.: Nauka, 1991. – 370 s.

7. Sobchik, L.N. Upravlenie personalom i psixodiagnostika [Tekst]: prakticheskoe rukovodstvo / L.N. Sobchik. – M.: ООО «Kompaniya BORGES», 2010. – 186 s.

8. Xekxauzen, X. Motivaciya i deyatel'nost' [Tekst] / X. Xekxauzen. – M.: Pedagogika, 1986. – 391 s.

1. Baturin N.A., Ivanov A.E. Ipsativnye lichnostnye testy vyzhdennoogo vybora / N.A. Baturin, A.E. Ivanov. – Vestnik YuUrGU. Seriya «Psixologiya». – 2013. – Vyp. 6. – S. 17–25.

2. Gryazeva-Dobshinskaya, V.G. Diagnostika i modelirovanie social'no-psixologicheskix resursov komandy menedzherov v usloviyax vvedeniya innovacij / V.G. Gryazeva-

SOURCES OF TOLERANCE IN PRIMARY SOCIAL GROUP – A WORKING GROUP (EMPIRICAL PSYCHOLOGICAL RESEARCH)

Gorelova Galina Gasimovna,

Chelyabinsk branch RANH and GS,
Department of political science, history and philosophy,
doctor of psychological Sciences, Professor,
Chelyabinsk, Russia,
E-mail: ggorelova@yandex.ru

Filinova Lyudmila Leonidovna,

Chelyabinsk state University,
student of the Institute of psychology and pedagogics,
Chelyabinsk, Russia

Annotation

On the basis of empirical research revealed the psychological sources of tolerance (and conflict) in interpersonal interaction of subjects operating in the organization. Comparing the settings of job satisfaction and individual-psychological characteristics of employees with the assessment of their social-psychological climate in the production group.

Key words:

tolerance (conflict), the types of interpersonal interaction, individual characteristics and job satisfaction.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ И ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТЬ – НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ SOFT POWER

Осинцев Евгений Геннадьевич,

Челябинский филиал РАНХиГС,
кафедра математики, информатики и естественно научных дисциплин,
кандидат технических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия,
E-mail: os_ev_gen@mail.ru

Аннотация

Исследуется распределение энергоресурсов как необходимое условие национально-государственной стратегии Soft Power.

Ключевые слова:

энергетические ресурсы, энергоэффективность, стратегия, Soft Power.

Ежегодное потребление энергоресурсов в мире растет, вместе с этим растет и влияние энергетических компаний на геополитику.

Основные игроки энергетических рынков сосредоточены в нескольких странах. Имидж этих стран в мировом сообществе складывается из разных показателей, среди которых – soft power. Недавно созданная мировая площадка БРИКС объединила страны, которые являются сильными в мировой геополитике и примерно равными в вопросах энергоэффективности. Это дает преимущество России стать лидером в этой пятерке, нежели в других мировых объединениях, например, ОПЕК.

Уровень жизни людей в мировом сообществе оценивается различными показателями, одним из важнейших считается потребление энергоресурсов. С точки зрения национально-государственной стратегии необходимо приложить все усилия, чтобы повысить уровень жизни в России.

В соответствии с государственной программой Российской Федерации «Энергоэффективность и развитие энергетики»,

утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2013 года № 512-р, определена цель долгосрочной государственной энергетической политики России – максимально эффективное использование природных ресурсов и потенциала энергетического сектора для устойчивого роста экономики и повышение качества жизни населения [1].

Энергетические показатели энергоэффективного использования природного газа: тепловые потери в промышленных и бытовых зданиях в России и Странах мира доходят до 10-ти кратного значения. Многие страны Евросоюза в качестве soft power используют именно эти показатели, чтобы продемонстрировать свое превосходство перед другими странами. Именно поэтому энергоэффективность является ключевой характеристикой имиджа страны и показателем интеллектуальной составляющей народа [2].

Национально-государственная стратегическая модель soft power России не может игнорировать роль энергетики в современном

миропорядке, а значит и должно быть адекватное распределение энергетических ресурсов, а также понятная энергоэффективная система управления страной.

---

1. Государственная программа Российской Федерации «Энергоэффективность и развитие энергетики» / Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2013 года №512-р.

2. Осинцев Е.Г. Энергоэффективное управление – необходимое условие инновационного развития России в условиях глобализации // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Российской государственности 1150 лет: исторический опыт и вызовы современности» – Челябинск: Челябинский филиал ФГБОУ ВПО «Российская

академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2012. – с. 308–311.

---

1. Gosudarstvennaya programma Rossijskoj Federacii «E'nergoe'ffektivnost' i razvitie e'nergetiki» / Utverzhdena Rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 3 aprelya 2013 goda №512-r.

2. Osincev E.G. E'nergoe'ffektivnoe upravlenie – neobxodimoe uslovie innovacionnogo razvitiya Rossii v usloviyax globalizacii // Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Rossijskoj gosudarstvennosti 1150 let: istoricheskij opyt i vyzovy sovremennosti» – Chelyabinsk: Chelyabinskij filial FGBOU VPO «Rossijskaya akademiya narodnogo xozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii», 2012. – s. 308–311.

DISTRIBUTION OF POWER RESOURCES AND ENERGY EFFECTIVENESS – THE NECESSARY CONDITION OF NATIONAL-STATE STRATEGIC MODEL OF SOFT POWER

Osintsev Evgenie Gennadevich,

RANEPА, Chelyabinsk branch,
Chair of mathematics, computer science and naturally scientific disciplines,
Candidate of Technical Sciences,
Chelyabinsk, Russia,
E-mail: os_ev_gen@mail.ru

Annotation

Distribution of power resources as a necessary condition of national-state strategy of Soft Power.

Key words:

power resources, energy effectiveness, strategy, Soft Power.

«УМНАЯ СИЛА» КИТАЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ ДЛЯ РОССИИ

Подъяпольский Сергей Александрович,

директор ООО «Юридическое агентство «Антикризисный центр»,
ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»,
соискатель кафедры культурологии Гуманитарного института
г. Красноярск

Аннотация

Статья посвящена гуманитарным технологиям современного Китая. В первую очередь рассматривается использование последних в целях коллективного производства нового знания, необходимого для принятия стратегических решений. К таким технологиям относятся «сверхпланирование», «коллективные занятия» и «интуитивная мудрость». Далее автор характеризует гуманитарные технологии, посредством которых потенциал китайской «мягкой силы» реализуется в российско-китайских отношениях. Речь идет об образовательных программах, «технологиях гостеприимства», сотрудничестве трансграничных районов, политизированной картографии и «установлении связей».

Ключевые слова:

«умная сила» (smart power), «мягкая сила» (soft power), гуманитарные технологии, распределенное сознание.

Китайский политолог Янь Сюэтуан считает, что комплексная сила страны сочетает в себе «жесткую» и «мягкую силу». Однако, по его мнению, это не сумма, а произведение двух компонентов. А значит, при утрате «мягкой» или «жесткой силы» совокупная национальная мощь становится равной нулю» [1, с. 46]. На наш же взгляд, речь здесь должна идти не о сумме и не о произведении, а о более тонких операциях, не сводящихся к арифметике. Две указанные выше составляющие преобразуются в третью в ходе сложной целенаправленной деятельности, осуществляемой посредством определенных методов.

В этой связи целесообразно обратиться к понятию гуманитарных технологий. Мы придерживаемся терминологической системы, предложенной П.В. Клячковым, в рамках которой технология определяется как система способов какой-либо деятельности, направленных на наиболее эффективное достижение определенного результата. Социальными предлагается именовать технологии, призванные оказать целенаправленное воздействие на социальные структуры и социальные процессы.

Гуманитарные технологии понимаются как вид социальных технологий, задействующий, главным образом, убеждение и манипулирование. Гуманитарные технологии используют «мягкую силу» в качестве ресурса, обеспечивая в то же время ее расширенное воспроизводство [20, с. 9–10].

Также к гуманитарным технологиям относятся, на наш взгляд, и технологии коллективного мышления («распределенного сознания»). Они обеспечивают производство нового знания, необходимого для принятия эффективных решений. Эти технологии играют особую роль во взаимодействии «мягкой» и «жесткой» сил. Результатом такого взаимодействия становится качественно новое явление – «умная сила».

В Китае существует древняя традиция стратегического мышления, основанная на анализе долгосрочных трендов, внимании к психологическим факторам, тщательном изучении тактических возможностей, поиске неожиданных ходов и беспристрастной оценке вариантов [3, р. 135–188]. Большое значение имеет понятие «shi» – искусство понимать вещи в их развитии [3, р. 235]. Охарактеризуем те китай-

ские гуманитарные технологии, которые могут применяться при выработке стратегических решений.

1. «*Molüe*». Данный концепт современной китайской социальной философии принято с долей условности переводить как «сверхпланирование». Речь идет о специфической форме мудрости, которая фокусируется на противоборстве, понимаемом в широком смысле слова. «*Molüe*» предполагает работу с различными конфликтными ситуациями, включающую анализ и оценку возможностей [7, р. 6]. Таким образом, речь идет об особой гуманитарной технологии подготовки и принятия стратегических решений.

2. «*Коллективные занятия*» (*jiti хиехи*). С декабря 2002 г. «четвертое поколение» китайских лидеров «взяло за правило проводить их для членов Политбюро. К июлю 2004 г. было проведено пятнадцать «коллективных занятий», где рассматривались правовые, экономические, политические, исторические, военные, технологические и культурные вопросы. Все заседания вел лично Ху Цзиньтао. Для участия в обсуждениях приглашались видные ученые китайской Академии общественных наук, ведущих университетов и военных институтов [3, р. 259–260].

3. «*Интуитивная мудрость*» (*джияна*), столетиями разрабатывавшаяся в рамках чаньбуддизма. Как указывает Н. В. Абаев, речь здесь идет об умении «схватывать» ситуацию целостно, во всем ее внешне противоречивом единстве и развитии [9, с. 147]. В ситуации ограниченного времени, в стрессовой ситуации эта технология принятия решений может оказаться более эффективной, чем схемы, принятые на Западе. Соединив эту практику с современными компьютерными и информационно-психологическими разработками, Китай может получить уникальную гуманитарную технологию.

Данные гуманитарные технологии заслуживают тщательного изучения и творческого освоения (с учетом отечественной цивилизационной специфики). Далее в ракурсе доклада будут находиться те гуманитарные технологии, посредством которых потенциал китайской

«мягкой силы» реализуется в российско-китайских отношениях.

1. *Образовательные программы, нацеленные на распространение китайской культуры и создание позитивного имиджа КНР*. Речь идет, главным образом, об Институтах Конфуция. Опыт немецкого Института Гёте и испанского Института Сервантеса был совмещен с древними традициями конфуцианства. Проект запущен всего лишь десять лет назад – в 2004 г. Уже к 2011 г. в мире работало свыше пятисот институтов и классных комнат Конфуция. Глобальная сеть институтов Конфуция охватила более восьмидесяти стран [2, р. 25]. Кроме того, осуществляется проект по переводу конфуцианских текстов на девять европейских языков [25, с. 21]. В России институты Конфуция работают в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Волгограде, Томске, Новосибирске, Иркутске и т. д.

Важной составляющей образовательных программ являются также академические обмены.

2. «*Технологии гостеприимства*». Речь идет об умении очаровывать иностранных гостей. Этим мастерством КНР в совершенстве овладела еще при Мао Цзэдуне. При этом принимающая сторона использовала тщательно продуманные экскурсии, психологическое мастерство сопровождающих лиц, искусную организацию «случайных встреч», отменную кухню, а временами и тонкую лесть [3].

3. *Организация сотрудничества трансграничных районов*. Эта технология имеет особое значение для Восточной Сибири и Дальнего Востока. Уже сегодня налицо более тесная связь Благовещенска с Хэйхэ, а Хабаровска – с Фуюанем, чем и того, и другого российского города с Читой или Иркутском. Этой тенденции способствуют высокие цены на билеты в пределах России, доходящие до того, что несколько лет назад наиболее экономным способом воздушного трансфера из Красноярска во Владивосток был вариант с пересадкой в Пекине. (Следует учесть и то обстоятельство, что пассажиры из сибирских городов прибывают в крупнейший в мире терминал 3 пекинского международного аэропорта, величественность

которого потрясла даже супругов Нейсбитов [4, р. 151–152]).

Разработка концепции «одного города двух государств» Благовещенск – Хэйхэ велась на высоком теоретическом и организационном уровнях. Ее прорабатывали Академия общественных наук провинции Хэйлуцзян, Институт международных стратегических исследований Центральной партшколы при ЦК КПК и др. В 2007 г. был проведен соответствующий китайско-российский симпозиум. Особое внимание было уделено «формированию у чиновников, ученых и населения двух городов осознания того, что данная концепция крайне выгодна и эффективна» [21, с. 17].

В этой связи уместно вспомнить выражение «Пьемонтский принцип». Речь идет о практике, когда какой-либо регион «притягивает» к себе культурно близких соседей, создавая основу для нового объединения. Так, в конце XIX в. принадлежавшую тогда Австро-Венгрии Галицию стали называть украинским Пьемонтом, намекая на роль Сардинского королевства в итальянской национально-освободительной борьбе [18, с. 335].

Разумеется, социокультурные различия российских и китайских регионов сегодня чрезвычайно велики, однако следует учитывать способность китайских стратегов мыслить не в краткосрочной, а в дальней перспективе, на десятилетия и столетия вперед. Здесь открываются возможности, однако существуют и риски, которые заслуживают трезвого и непредвзятого анализа.

Изложенные выше факты подтверждают: необходимо усиливать гуманитарно-технологическое обеспечение целостности Российского государства. Не уходя в «глухую оборону» и избегая ненужной конфронтации, нужно вести системную и последовательную работу. Здесь важны и экономические проекты, и образовательные программы, и академические обмены, и межрегиональное культурное взаимодействие, и т. п.

4. *Политизированная картография.* Политико-географические карты могут служить для целей пропаганды, «доказывая», в зависимости от поставленных задач, либо величину

и значимость какой-либо страны, либо, напротив, миниатюрность и уязвимость последней [12, с. 16]. С помощью карт формируются историко-территориальные идеологемы [26, с. 109]. Международный скандал вызвало в 2004 г. обнародование 19-томного «Китайского северо-восточного проекта», из которого следовало, в частности, что древнее корейское государство было основано китайцами [21, с. 80–81].

Весьма показательна карта империи Цин, размещенная в китайской Википедии [8]. Проведенная на ней российско-китайская граница в целом соответствует условиям Нерчинского договора 1689 г., а значит, утверждается, что в состав этой империи входила территория современных Хабаровского и Приморского краев, а также Сахалинской области. Вместе с тем, данная карта игнорирует как условия Пекинского договора 1860 г., так и то обстоятельство, что Цинская империя никогда в действительности не контролировала ни Сахалин, ни устье Амура. Да и более-менее систематическое заселение китайцами берегов Амура началось лишь в XIX в. Проведение границы в нынешнем ее виде было взаимовыгодным, так как исключило вполне реальную возможность занятия фактически пустовавших территорий какой-либо третьей державой.

Таким образом, данная карта не опирается на историческую истину. Вместе с тем, факт ее использования свидетельствует не столько об агрессивных намерениях в сфере *realpolitik*, сколько об активной борьбе за историческую память, что требует тонких гуманитарно-технологических ответов.

5. *«Установление связей («guan-xi»).* Речь идет о создании неформальных отношений, позволяющих неофициально, зато эффективно «решать вопросы» в рамках централизованных иерархических структур [1, с. 111]. Исследователи указывают, что земляческие и старые дружеские связи имели большое значение даже в маоистский период [17, с. 190]. Как раз тогда традиционное для Китая умение налаживать неформальные коммуникации было использовано для создания новой гуманитарной технологии. Также уместно вспомнить, что еще один из министров династии Хань пред-

лагал следующим образом поступить с хунну: «Дайте им... искусно выделанные одежды и повозки, чтобы подкупить их глаза; дайте им изысканную пищу, чтобы подкупить их рты; дайте им музыку и женщин, чтобы подкупить их уши; обеспечьте их роскошными зданиями, хранилищами и рабами, чтобы подкупить их печень... и тому, кто согласится подчиниться, император окажет честь, приняв их на званом ужине, лично подавая им вино и еду, тем самым подкупая их ум. Это может быть названо пятью наживками» [3, р. 21].

В качестве важного кадрового и организационного ресурса, обеспечивающего реализацию гуманитарных технологий, выступают китайские землячества. Было бы серьезной ошибкой представлять их как неквалифицированную массу рабочих и торговцев. Результаты исследований показывают, что в нашей стране сформировалась группа достаточно зажиточных китайцев, ориентированных на постоянное проживание в РФ. Среди мигрантов, прибывающих в нашу страну из КНР, становится все больше людей с вузовскими дипломами. Сообщается, что 73% китайской диаспоры Красноярского края хорошо владеет русским языком [27, с. 161].

Китайское землячество в Москве имеет свою прессу, финансовую структуру (подпольная банковская система *fei qian* – «летающие деньги»), разнообразные фирмы, общежития, гостиницы, склады, образовательные и медицинские учреждения [13, с. 47, 61]. Тенденция развития инфраструктуры видна и в городах Сибири [27, с. 161].

По утверждению В.Г. Гельбраса, китайское землячество в России не существует изолированно, а является частью международной торгово-промышленной системы, контролируемой руководством КНР через ряд органов и организаций [13, с. 176–181]. К сожалению, эта система имеет и теневую сторону. По оценкам экспертов, речь идет, в частности, о незаконных банковской деятельности, вырубке леса и экспортных операциях. А.В. Друзяка пишет о формировании «в приграничных районах Дальнего Востока России... своеобразного бизнес-симбиоза формирующегося социального слоя российских предпринимателей, му-

ниципальных властей и китайского торгового меньшинства» [15, с. 118].

Еще в IV в. до н. э. Сунь Цзы предписывал вовлекать видных деятелей противника в преступные мероприятия [10, с. 75]. Также известна китайская стратагема «Украсть балки и заменить их гнилыми подпорками» [24]. В этой связи уместно вспомнить и русскую пословицу «Один коготок увяз – всей птичке пропасть». Однажды вступив в альянс с преступной сетью, коррупционер (вне зависимости от своей этнической принадлежности) вынужден в дальнейшем действовать как ее эффективный элемент. Разумеется, негативному развитию ситуации способствует объективная слабость российских государственно-правовых институтов и отечественного гражданского общества.

Проблема имеет еще один аспект, который, насколько нам известно, отдельно не исследовался в отечественной литературе. Речь идет о гипотетически возможном участии китайских землячеств в политической жизни. Следует вспомнить, что представители Китая не раз обвинялись в участии в незаконном финансировании избирательных кампаний в США [1, р. xii]. Возникает вопрос о возможности подобного явления в отдельных территориях Восточной Сибири и Дальнего Востока. Следует учитывать, что неформальные структуры нередко формируют своеобразную «оболочку», состоящую из местных представителей интеллигенции (врачей, экономистов, учителей и т. п.) [14]. Как раз подобную «оболочку» теоретически могут направлять «во власть» подобные землячества. Разумеется, в данном случае речь идет лишь о гипотезе, требующей тщательной проверки.

В условиях современного мира сотрудничество дружественных государств не исключает их гуманитарно-технологического противоборства. Российско-китайское стратегическое партнерство не означает, что наше государство должно оставаться безразличным наблюдателем гуманитарно-технологической активности нашего юго-восточного соседа. Здесь приоритетны не бездумные запреты и ограничения, а грамотные ответы, основанные на «умной силе».

Еще в 2000 г. В.В. Путин говорил о необходимости «реальных усилий по развитию

Дальнего Востока» [22, с. 168]. Такие усилия должны включать экономический подъем восточных регионов, оздоровление и декриминализацию общества и государства. Особое значение имеет культурный аспект проблемы. Еще в далеком 1914 г. было отмечено, что «только культурно сильное население, не отстающее от коренной России и не теряющее с ней культурного единения, может быть надежным оплотом для развития [Приамурского] края и его закрепления за Россией» [16, с. 127].

Важно также учитывать, что оборонительная позиция, мягко говоря, не оптимальная линия в гуманитарно-технологическом противоборстве. Трезво анализируя действия других игроков, Россия все же должна развивать свой пакет гуманитарных технологий, наполненных на укрепление ее социокультурной целостности и создание максимально благоприятной внешней среды.

1. Bernstein, R. The coming conflict with China [Text] / R. Bernstein, R.H. Munro. – NY: Vintage Books, 1998.
2. d' Hooghe, I. The Expansion of China's Public Diplomacy System [Text] / d' Hooghe I. // Soft Power in China / Ed. By Jian Wang. Palgrave Macmillan. – 2011.
3. Kissinger, H. On China [Text] / Henry Kissinger. – Penguin Press, 2012.
4. Naisbitt, John. China's megatrends: the 8 pillars of a new society [Text] / John Naisbitt and Doris Naisbitt. – NY: HarperCollins Publishers, 2010.
5. Pavlich K. Corruption: Exposing Barack Obama's Illegal Foreign Campaign Money Loophole / K. Pavlich. URL: http://townhall.com/tipsheet/katiepavlich/2012/10/08/exposing_barack_obamas_illegal_foreign_campaign_money_loophole.
6. Podyapolskiy, Sergey A. «Soft Power» and «Smart Power» of Modern China / Sergey A. Podyapolskiy // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social science. – 2014. – № 7(2). – P. 347–358. [0,7 п. л.].
7. Rothlin S. Molue: Philosophical approaches to Corporate Social Responsibility as strategic wisdom / Rothlin S. P. 6. URL: <http://www.ceibs.edu/ecclar/images/2012/03/27/637E003B3892D7FA4D0DB714BB25E10C.pdf>.
8. 清朝 // Wikipedia://zh.wikipedia.org/wiki/%E6%B8%85%E6%9C%9D.
9. Абаев, Н.В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае [Текст] / Н.В. Абаев. 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989.
10. Бардахчиев, Ю. Перекуем мечи на?.. [Текст] / Ю. Бардахчиев // Оргоружие: о том, что хаос может быть рукотворным. Сводная аналитическая группа Центра Курганяна об угрозах суверенитету России. – М.: МОФ ЭТЦ, 2007.
11. Борох, О. Скромное обаяние Китая [Текст] / О. Борох, А. Ломанов // Pro et Contra. 2007. – Ноябрь–декабрь.
12. Бусыгина И.М. Политическая география. Формирование политической карты мира / И.М. Бусыгина. – М.: Про-

спект, 2010.

13. Гельбрас, В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции [Текст] / В.Г. Гельбрас. – М.: Муравей, 2004.
14. Генерал МВД: в России произошло полное сращивание государства с криминалом. Режим доступа: <http://www.ekonbez.ru/news/cat/15086>.
15. Друзьяка, А.В. Китайская миграция на Дальнем Востоке России / А.В. Друзьяка // Современный Китай: Социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология / отв. ред. Д.В. Буяров. – М.: КРАСАНД, 2011.
16. Дубинина, Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти [Текст] / Н.И. Дубинина. – Хабаровск, 1997.
17. Дьёрдь, И. Через призму Пекина [Текст]: пер. с венг. / И. Дьёрдь. – М.: Издательство «Прогресс», 1975.
18. Кара-Мурза С.Г. Демонтаж народа / С.Г. Кара-Мурза. М.: Алгоритм, 2008.
19. Клачков П.В. Гуманитарные технологии и целостность государства / П.В. Клачков, Подъяпольский С.А. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 528 с.
20. Клачков П.В. Гуманитарные технологии как социально-культурные факторы обеспечения целостности современного государства / П.В. Клачков. – Автореферат дисс. ... канд. филос. наук. – Красноярск, 2013.
21. Комиссина, И.Н. Научные и аналитические центры Китая [Текст]: справ. / И.Н. Комиссина. – М.: РИСИ, 2012.
22. Ларин, А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк [Текст] / А.Г. Ларин. – М.: Муравей, 2003.
23. Русакова О.Ф. Soft power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии / О.Ф. Русакова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2013. – № 3(118). – С. 52–61.
24. Тридцать шесть стратагем // URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Тридцать_шесть_стратагем.
25. Ци Минянь. Становление ценностной парадигмы образования в «социокультурном пространстве» современного Китая [Текст]: автореферат дис. ... канд. филос. наук / Ци Минянь. – Чита, 2011.
26. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004) / А.А. Цуциев. – М.: Европа, 2007.
27. Этноатлас Красноярского края. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: Издательство «Платина», 2008. С. 161.

1. Bernstein, R. The coming conflict with China [Text] / R. Bernstein, R.H. Munro. – NY: Vintage Books, 1998.
2. d' Hooghe, I. The Expansion of China's Public Diplomacy System [Text] / d' Hooghe I. // Soft Power in China / Ed. By Jian Wang. Palgrave Macmillan. – 2011.
3. Kissinger, H. On China [Text] / Henry Kissinger. – Penguin Press, 2012.
4. Naisbitt, John. China's megatrends: the 8 pillars of a new society [Text] / John Naisbitt and Doris Naisbitt. – NY: HarperCollins Publishers, 2010.
5. Pavlich K. Corruption: Exposing Barack Obama's Illegal Foreign Campaign Money Loophole / K. Pavlich. URL: http://townhall.com/tipsheet/katiepavlich/2012/10/08/exposing_barack_obamas_illegal_foreign_campaign_money_loophole.
6. Podyapolskiy, Sergey A. «Soft Power» and «Smart Power» of Modern China / Sergey A. Podyapolskiy // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social science. – 2014. – № 7(2). – P. 347–358. [0,7 п. л.].
7. Rothlin S. Molue: Philosophical approaches to Corporate Social Responsibility as strategic wisdom / Rothlin S.

P. 6. URL: <http://www.ceibs.edu/ecclar/images/2012/03/27/637E003B3892D7FA4D0DB714BB25E10C.pdf>.

8. 清朝 // Wikipedia://zh.wikipedia.org/wiki/%E6%B8%85%E6%9C%9D.

9. Abaev, N.V. Chan'-buddizm i kul'turno-psixologicheskie tradicii v srednevekovom Kitae [Tekst] / N.V. Abaev. 2-e izd., pererab. i dop. – Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1989.

10. Bardaxchiev, Yu. Perekuem mechi na?.. [Tekst] / Yu. Bardaxchiev // Orgoruzhie: o tom, chto kaos mozhet byt' rukotvornym. Svodnaya analiticheskaya gruppa Centra Kurginyana ob ugrozax suverenitetu Rossii. – M.: MOF E'TC, 2007.

11. Borox, O. Skromnoe obyanie Kitaya [Tekst] / O. Borox, A. Lomanov // Pro et Contra. 2007. – Noyabr'-dekabr'.

12. Busygina I.M. Politicheskaya geografiya. Formirovanie politicheskoy karty mira / I.M. Busygina. – M.: Prospekt, 2010.

13. Gel'bras, V.G. Rossiya v usloviyax global'noj kitajskoj migracii [Tekst] / V.G. Gel'bras. – M.: Muravej, 2004.

14. General MVD: v Rossii proizoshlo polnoe srashhivanie gosudarstva s kriminalom. Rezhim dostupa: <http://www.ekonbez.ru/news/cat/15086>.

15. Druzyaka, A.V. Kitajskaya migraciya na Dal'nem Vostoke Rossii / A.V. Druzyaka // Sovremennyy Kitaj: Social'no-e'konomicheskoe razvitie, nacional'naya politika, e'tnopsixologiya / otv. red. D.V. Buyarov. – M.: KRASAND, 2011.

16. Dubinina, N.I. Priamurskij general-gubernator N.L. Gondatti [Tekst] / N.I. Dubinina. – Xabarovsk, 1997.

17. D'yord', I. Cherez prizmu Pekina [Tekst]: per. s veng. /

I. D'yord'. – M.: Izdatel'stvo «Progress», 1975.

18. Kara-Murza S.G. Demontazh naroda / S.G. Kara-Murza. M.: Algoritm, 2008.

19. Klachkov P.V. Gumanitarnye texnologii i celostnost' gosudarstva / P.V. Klachkov, Pod'yapol'skij S.A. – M.: LENAND, 2014. – 528 s.

20. Klachkov P.V. Gumanitarnye texnologii kak social'no-kul'turnye faktory obespecheniya celostnosti sovremennogo gosudarstva / P.V. Klachkov. – Avtoreferat diss. ... kand. filos. nauk. – Krasnoyarsk, 2013.

21. Komissina, I.N. Nauchnye i analiticheskie centry Kitaya [Tekst]: sprav. / I.N. Komissina. – M.: RISI, 2012.

22. Larin, A.G. Kitajcy v Rossii vchera i segodnya: istoricheskij ocherk [Tekst] / A.G. Larin. – M.: Muravej, 2003.

23. Rusakova O.F. Soft power kak strategicheskij resurs i instrument formirovaniya gosudarstvennogo brenda: opyt stran Azii / O.F. Rusakova // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3, Obshhestvennye nauki. – 2013. – №3 (118). – S. 52–61.

24. Tridcat' shest' stratagem // URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Tridcat'_shest'_stratagem.

25. Ci Minyan'. Stanovlenie cennostnoj paradigmy obrazovaniya v «sociokul'turnom prostranstve» sovremennogo Kitaya [Tekst]: avtoreferat dis. ... kand. filos. nauk / Ci Minyan'. – Chita, 2011.

26. Cuciev A.A. Atlas e'tnopoliticheskoy istorii Kavkaza (1774–2004) / A.A. Cuciev. – M.: Evropa, 2007.

27. E'tnoatlas Krasnoyarskogo kraja. 2-e izd., pererab. i dop. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo «Platina», 2008. S. 161.

SMART POWER OF CHINA: PROSPECTS AND RISKS FOR RUSSIA

Pod'yapolskiy Sergey Aleksandrovich,

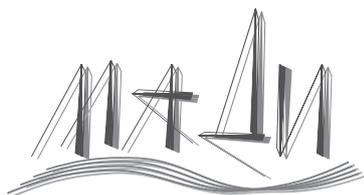
Director of Law agency «Crisis management group» Ltd.,
PhD applicant of the Cultural Studies Department,
Institute for the Humanities, Siberian Federal University,
Krasnoyarsk

Annotation

This article is devoted to humanitarian technologies of the modern China. First of all usage last with a view of collective manufacture of the new knowledge, which is necessary for acceptances of strategic decisions are considered. «Supra-planning», «collective studies» and «intuitive wisdom» concerned such technologies. Further the author considered humanitarian technologies by means of which the potential of Chinese «soft power» take shape in Russian-Chinese relations. It is a question of educational programs, «technologies of hospitality», the trans-regional cooperation across the boundaries, the politicized cartography and the establishment of connections.

Key words:

distributive mind, humanitarian technologies, molüe, smart power, soft power.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПЕРВОГО ЭТАПА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «SOFT POWER: ТЕОРИЯ, РЕСУРСЫ, ДИСКУРС» (Г. ЕКАТЕРИНБУРГ, 15 ОКТЯБРЯ 2014 Г.)

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права,
Уральское отделение Российской академии наук,
зав. отделом философии, доктор политических наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Грибовод Екатерина Григорьевна,

Институт философии и права УрО РАН,
аспирант,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: gribovod_kate@bk.ru

15 октября 2014 г. в Екатеринбурге прошел первый этап Международной конференции «Soft power: теория ресурсы дискурс». В трех заседаниях конференции очное участие приняли 73 человека, из них 12 человек прибыли из других городов – Якутска, Красноярска, Новосибирска, Магнитогорска, Челябинска.

На первом заседании «Смысловое многообразие теорий, концептов и дискурса soft power» с развернутыми докладами выступили ученые из Екатеринбурга: *Мартьянов В. С.*, кандидат политических наук, доцент, ученый секретарь Института философии и права УрО РАН, *Попова Н. Г.*, кандидат социологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института философии и права УрО РАН, *Русакова О. Ф.*, доктор политических наук, профессор, заведующая отделом философии и права УрО РАН, а также аспиранты Института философии и права УрО РАН – *Ковба Д. М.* и *Моисеенко Я. Ю.*

Во время дискуссии участники заседания поднимали методологические проблемы, связанные с соотношением таких понятий как «источники soft power», «инструменты soft power» и «ресурсы soft power». В ходе обсуждения доклада *В. С. Мартьянова* «Проблема легитимизации прогрессора как условие политической гегемонии» большой интерес у присутствующих вызвал вопрос о российских ресурсах гибкой силы, которые могли бы добавить стране международной привлекательности. В отношении проблематики, прозвучавшей в докладе *Н. Г. Поповой* «Ученый как субъект «мягкой силы» власти» были сделаны высказывания, одобряющие проект создания нового учебного пособия, помогающего ученым публиковать свои статьи на иностранных языках за рубежом и облегчающего процесс профессиональной коммуникации.

На втором заседании, обозначенном как «Национально-государственные и региональ-

ные стратегические модели Soft power», большой интерес вызвали доклады *А.Д. Трахтенберг* «Электронное правительство» в Китае: как сделать чужое своим?» (г. Екатеринбург), *А.Е. Иванова* «Канадский опыт формирования имиджа страны и строительства институтов soft power» (г. Магнитогорск), *А.С. Исакова* «Восстание шиитов: soft power VS hard power в политике Исламской республики

как «этноконсерваторы» и «этнолибералы». Присутствующих также интересовал вопрос о возможных настроениях этнического сепаратизма у малых народов Севера.

Третье заседание конференции было посвящено общей теме «Российские ресурсы soft power: история и современность». Живой интерес у слушателей вызвали доклады екатеринбургских ученых *Н.М. Савцовой*

Иран» (г. Екатеринбург), *С.А. Подъяпольского* «Умная сила Китая: перспективы и риски для России» (г. Красноярск), *Е.Г. Маклашовой* «Этничность и идентичность: соотношение и особенности формирования в условиях национального субъекта РФ» (г. Якутск). В ходе дискуссии по докладу *Е.Г. Маклашовой* были поставлены вопросы, касающиеся типологии этнической идентичности и методологической оправданности выделения таких групп

«Экономический фактор как мягкая сила», *К.В. Киселева* «К вопросу об идентичности Свердловской области», *С.В. Мошкина* «Внешняя политика России: «гибридная война» вместо «мягкой силы», *Р.С. Мухаметова* «Императивы внешней политики России: это компонент «мягкой силы» или фактор охлаждения отношений с Западом?», *М.С. Ильченко* «Архитектурные образы в формировании региональной идентичности: опыт

работы с советским авангардным наследием», *М. А. Фадеичевой* «Государство-праздник и государство-будни: к вопросу о возможности еще одной типологии современных государств». Основная дискуссия развернулась вокруг выступления *С. М. Мошкина*, в частности, по вопросу о политических последствиях присоединения к России Крыма и вооруженного конфликта на Юго-Востоке Украины. Участники дебатов разошлись в своих оценках состояния репутационного имиджа России в связи с отмеченными событиями.

На заключительном заседании были также заслушаны доклады магистрантов Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина (*Д. Д. Гуляр, А. Е. Ловкова, Е. Р. Хайрутдинова, Е. В. Глухова*), посвященные soft power Индии, Австрии, Норвегии и Швейцарии.

При подведении итогов многие участники конференции высказали свою благодарность ее организаторам и руководителям заседаний. Прозвучало также предложение сделать конференцию по теме «мягкой силы» ежегодной.

SOME RESULTS OF THE FIRST STAGE OF INTERNATIONAL CONFERENCE «SOFT POWER: THEORY, RESOURCES, DISCOURSE»

Rusakova Olga Fredovna,

Russian Academy of Sciences,
Ural branch, Philosophy and Law Institute,
Department of philosophy,
doctor of political sciences, professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Gribovod Ekaterina Grigorjevna,

Russian Academy of Sciences,
Ural branch, Philosophy and Law Institute,
graduate student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: gribovod_kate@bk.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

DISCOURSE-P
Дискурс*Ми
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*МИ

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

1) Автор направляет рукопись по электронной почте.

2) Текст статьи представляется на русском языке объемом до 19 100 знаков (без учета пробелов, включая сноски). Формат файла – Microsoft Word 97–2003. Шрифт – Times New Roman Cyr, 14 кегль (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон – 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т. е. не вручную (не пробелами или табуляцией).

3) В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4) Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов и должны иметь последовательную нумерацию. Электронный вариант каждой иллюстрации предоставляется в отдельном файле.

5) Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения.

6) Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указывается фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы) занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7) Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 28]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке.

8) Библиографические ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9) Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10) Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

11) Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12) Помимо текста статьи автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

- краткая (до 300 печатных знаков) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

- ключевые понятия и словосочетания (не более пяти);

- сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Дискурс-Пи: Научный журнал / учредитель
Уральское отделение Российской академии
наук, Институт философии и права Уральского
отделения Российской академии наук; под
ред. О. Ф. Русаковой. – Екатеринбург: ИД
«Дискурс-Пи», 2014, № 4 (17) 2014. – 196 с. –
ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс-Пи
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

IPL INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL DEPARTMENT • 1988

**Институт философии и права
Уральского отделения
Российской Академии наук**

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения Российской Академии наук,
Екатеринбург, 2014*

Главный редактор
О. Ф. Русакова

Дизайн обложки
В. В. Русаков

Компьютерная верстка
GEO

Подписано в печать 11.11.2014 г.
Формат 60x84^{1/8}
Печать цифровая
Усл. печ. л. 22,79
Тираж 300 экз. Заказ № E0007757

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620102, Екатеринбург, ул. Посадская, 21, оф. 233
Тел.: +7 902 870-86-06
<http://www.discourse-p.ru>
e-mail: info@discourse-p.ru, info@idipi.ru

Отпечатано в типографии «Артикул»
620026, г. Екатеринбург, ул. Белинского, 71 Б

DISCOURSE-P
ДИСКУРС-ПИ